

Омельянюк Александр Сергеевич

„Петр второй“

романа-эпопеи „Платон Кочет“

Первая книга серии «Платон Кочет XX век»

Платон Кочет XX век

Александр Омелянюк

Пётр второй

«ИП Каланов»

2012

Омельянюк А. С.

Пётр второй / А. С. Омельянюк — «ИП Каланов»,
2012 — (Платон Кочет XX век)

ISBN 978-5-6044621-7-1

Эта книга является первой частью серии «Платон Кочет XX век» романа-эпопеи «Платон Кочет», действие которого происходит от Древнего Египта Амарнского периода до Москвы наших дней. Эта книга также является основополагающей и фундаментальной частью всего произведения, завершая многовековую историю предков главного героя романа-эпопеи по отцовской линии. Действие книги охватывает период с 1901 года по 1946 год. В этой части, описанные реальные события в нашей стране с реальными известными и малоизвестными личностями нашей истории и семьи отца главного героя, переплетаются с вымышленными событиями и придуманными второстепенными героями, гармонично дополняющими картину жизни нашего общества в первой половине прошлого столетия. И в этой книге автор выделяет главный конфликт: всеми людьми, кем бы они ни были, где бы они ни жили, чем бы они ни занимались, управляют их личные интересы, прежде всего экономические. И найти золотую середину между моралью, честью и совестью, служением стране и идее с одной стороны и благами материального и морального благополучия с другой, удаётся далеко не всем и не всегда. Главный герой этой части тоже считает, что в жизни нет ничего важнее, чем семья: дети, жена и родители; дом и Родина; светлая идея. И нет ничего почётнее, чем самоотверженное служение им; и нет ничего более омерзительного, чем чванство и лицемерие, зависть и подлость, трусость и предательство. Со всем этим главному герою этой части романа было суждено неоднократно сталкиваться в своей повседневной жизни, преодолевая трудности, всегда оставаясь самим собой – человеком. Читателям данной книги предстоит прожить описанными в ней многогранными событиями, разнообразными жизненными ситуациями, примеряя на себя варианты поведения и решения различных жизненных вопросов и проблем, вместе с героями сделать нравственный выбор, примерив на себя и разные ипостаси

главного героя этой книги – Петра Петровича Кочета (Петра второго). Некоторые исторические экскурсы, неизвестные ранее страницы нашей истории, глубокое освещение нюансов взаимоотношений людей различных взглядов, должностей и возможностей, тонкий анализ мелких деталей и оригинальные философские рассуждения украшают книгу, делая её чтение увлекательным. Книга написана в редком жанре историко-публицистического романа и должна вызвать живой интерес широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6044621-7-1

© Омелянюк А. С., 2012

© ИП Каланов, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	48
Глава 3	103
Глава 4	148
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Александр Омелянюк

Петр второй

Книга первая

*Посвящается моему отцу –
Омелянюку Сергею Александровичу*

Глава 1

Сыновья (1901–1913 гг.)

Новый, XX-ый, век пришёл в западно-белорусскую деревню Пилипки густым снегопадом в полнолунную новогоднюю ночь.

Зачерпнув ковшом холодную воду из стоящего на лавке жбана и жадно глотая её, Пётр через почти полностью замёрзшее стекло взглянул на падающие крупные снежинки, искрящиеся в лунном свете, и от радости невольно вслух произнёс:

– *«Як прыгóжа (Как красиво)! И як дóбра (И как хорошо)! И наогул (вообще) я шчасливы чалавек! Ух, и жонка у мяне! – подёрнул он плечами – Таки маладая и таки прыгóжая!».*

Поставив ковш на лавку, он повернулся от окна к печи и босыми ногами вернулся на её полаты к теплу женского тела.

– *«А с кем это ты там разговаривал, муженёк?»* – якобы ревниво приподнялась на локте озорная молодуха.

– *«Гэта (Это) я ад (от) радасци, любимая мая! Я цябе кахаю!».*

– *«И я тебя очень люблю, милый мой!»* – крепко обняла она мужа за голову, снова привлекая к себе.

И молодожёны вновь закувыркались на тёплых тулупах, осыпая друг друга нежными поцелуями и доводя ласками до иступления.

Справный тридцатитрёхлетний крестьянин Пётр Васильевич Кочет провёл эту ночь с молодой шестнадцатилетней женой Ксенией Мартыновной Раевской с большой семейной пользой. И в среду, 18 сентября этого же первого года нового столетия, в их семье родился первенец.

Пётр с каким-то внутренним содроганием доверил принять роды у Ксении их деревенской бабке-повитухе. Он помнил, как от её знахарской помощи при родах умерла его предыдущая жена. Но выбора уже не было.

К счастью всё обошлось, и рождение первенца стало настоящим семейным торжеством в большой семье Кочетов.

Ксению посетили все родственники и соседки, поздравляя с сыном, вручая ей различные подарки и предлагая свою помощь по дому.

Через несколько дней гости собрались на крестины. Родители дали сыну имя Борислав («Борющийся за славу»), или сокращённо Борис.

Его назвали так в честь святого мученика князя Бориса, ставшего одним из первых русских святых, именины которого как раз и пришлись на день рождения младенца.

По приглашению Петра и Ксении на крестины собрались старшие Кочеты, соседи, родные, кум Александр, кума Марфа и бабка Степанида.

Главным обрядовым блюдом на крестинах стала заранее сваренная бабкина каша. Бабка Степанида сварила её из смеси пшённой, гречневой и ячменной крупы. А остывать её поставили в красный угол на столик под образа.

Когда гости расселись за крестинным столом в центре горницы, кум Александр взял остывший горшок с кашей и осторожно разбил его о стол:

– *«Дай Божя на дзетак, авечак, каровак, свинак, коникав, усяму быдлу (скоту) прып-лод, куме, куму и хросникам (крестнику) – здарове и багацце!»* — вполне ясно проговорил он древний смысл обрядового вкушения бабкиной каши, разбив горшок так аккуратно, что каша осталась почти нетронутой.

После этого она была наложена на образовавшиеся от горшка черепки и роздана гостям, которые в ответ клали на стол мелкие монеты, отвечая шутками и прибаутками, тем создавая у гостей весьма весёлое настроение.

Затем все вместе стали петь песни, прославляющие бабуку, кумовьёв, новорождённого и его родителей, пока не разошлись по своим хатам.

Теперь молодая мать была безмерно счастлива, большую часть своего времени отдавая ребёнку, в то время как муж весь день работал на земле – в огороде, в саду, на скотном дворе, в поле и в лесу.

Их совместной, дружной и весёлой работе по дому и сельскому хозяйству пришёл логический конец.

Ещё в первую осень и зиму их супружеской жизни Пётр Васильевич, по примеру своего отца, собственноручно сделал многие предметы домашнего обихода. Они явились весьма полезным дополнением к ранее сделанному и переданному ему его отцом – столяром Василием Климовичем.

Но кое-что из отцовского мастерства Пётр всё ещё пока не освоил.

Его отец Василий Климович был и хорошим бондарем, мастера кадучки различного размера: баклаги, барилки, дежи, доёнки и жлукты.

Двудонные низенькие бочонки для воды – баклаги он делал из еловых или дубовых клёпок, в одной из которых проделывал отверстие с затычкой. В баклагах носили воду и подвешивали их на большой толстый гвоздь, вбитый в стену хаты.

В аналогично сделанных, но в высоких бочонках на десяток литров – барилках – носили воду на сенокос, а в остальное время держали брагу или самогон.

А суженые сверху кадки для подготовки хлебного и блинного теста – дежи – он делал из досок, скреплённых лубяным обручем. Высота таких ёмкостей равнялась диаметру их закрывающей крышки.

Доёнку (подойник) свёкор давно сделал из клёпок, одна удлинённая из которых служила ручкой, а противоположная была с вырезанным литком.

Василий Климович сделал для будущей жены Петра и жлукт для замачивания и стирки белья. Это была широкая, высотой до метра, кадка на трёх ножках с, закрываемым деревянной пробкой, отверстием в днище для сливания грязной воды.

Однако и Ксения привезла с собой в качестве приданого балею – широкую, но низкую с ушками лохань для стирки белья.

От родителей Петру перешло древнее корыто (ночва), в котором и его самого купали в младенчестве и стирали бельё. Но теперь оно, чуть протекающее, использовалось только для рубки капусты и мяса.

А для хранения зерна, крупы и муки уже сам Пётр выдолбил из липы и ольхи несколько кадолбей разной величины.

Из дерева он также выдолбил небольшие плоски для провеивания зерна (опалушки) и мака (толчанки).

Он также из дерева сделал валёк, два карца, маслобойку, кубелы и кубельчики различных размеров, в которых, закрытых крышками с прижатыми через противоположные ушки засовами, соответственно хранилась одежда и материя, сало и мясо.

Валёк был обструганным плоским деревянным брусом с ручкой, которым при стирке колотили мокрое бельё. Им также обмолачивали лён и просо, и даже при необходимости при строительных работах трамбовали землю.

А выдолбленный из дерева карец с ручкой в основном использовался для воды и кваса.

Маслобойка же явилась первой пробой сил Петра в миниатюрном бондарном искусстве. Ему всё же удалась эта небольшая, но сложная новинка. Получился суженый кверху высокий бочонок, закрытый крышкой с отверстием для колотовки (била), к нижнему ударному концу которой он прикрепил крестовину для взбития молока.

А вот гончарным промыслом ни одно из поколений Кочетов никогда не занималось.

С наличием залежей глины на противоположном берегу ближайшей реки Локницы этим занимались лишь немногие крестьяне их деревни. Поэтому предметы гончарного промысла Кочетам приходилось у этих мастеров покупать или обменивать на свои продукты.

Создаваемую глиняную посуду деревенские гончары сначала формовали на ножном гончарном круге, затем обжигали заготовку в горнах или в домашней печи, и подвергали декоративной обработке.

К таким способам относились обваривание (гартаванне), задымливание и глазуровка (глазурованне).

Обваренная в овсяном тесте и затем обожжённая посуда получалась пятнистой (рябой), задымленная посуда – чёрной, а остальная посуда – красной, глазурованной и простой.

Среди заранее приобретённых изделий гончарного промысла в хозяйстве Петра Васильевича Кочета оказались глян, жбан, макотёр, пражельник и спарыш – глиняная посуда из трёх, скреплённых одной ручкой, горшков с крышками, в которых носили еду в поле во время жатвы и сенокоса.

В глянках – маленьких, выпуклых сосудах с плоским дном, узким горлом и двумя ушками мать Пётра настаивала лекарственные травы и хранила растительное масло.

А в высоком сосуде – жбане – с выпуклыми боками, с чуть суженным горлышком, с носиком и ручкой Пётр держал питьевую воду, которую приносил в дом от дворового колодца в деревянных вёдрах на коромысле.

Для будущей хозяйки он приготовил и похожий на глубокую миску макотёр, своей шершавой внутренней поверхностью предназначенный для растирания на ней пестиком не только мака, но и по большей части семян льна, конопли и варёных картофелин.

А главным на кухне новой хаты Пётр считал, похожий на сковороду с плоским дном и низкими краями, пражельник, служивший для жарки картофеля, печения блинов, сушки грибов и ягод.

Но с окончанием зимы и наступлением весны домашние ремёсла тогда пришлось отложить до следующего сезона.

Весна первого года нового столетия набирала силу, приближая и время первой пахоты.

В хозяйстве Василия Климовича остались традиционная и основная для здешних мест, рассчитанная на двух волов, полесская соха и старая борона.

Поэтому Петру пришлось ещё той зимой соорудить соху заново, самому и для одной или двух лошадей, с учётом отсутствия у него волов.

Тогда первый семейный выход на пашню (заворыванне) для семьи Петра был, как сопровождаемый обрядовыми действиями, праздник.

Но ещё за несколько дней до этого Пётр Васильевич совершил «провидки» – проверил и заколдовал будущую пашню на хороший урожай.

В поле он взял тогда с собой хлеб, соль и заранее освящённые в церкви соседнего села Пасынки ветки вербы, которые он втыкал на межу, обходя и осматривая поле.

Через несколько дней, надев новую одежду, молодые супруги рано утром отправились на свою первую пахоту.

Впереди шёл Пётр, погоняя двух лошадей, запряжённых в возок с лежащей в нём сохой. Сзади шла, провожая его, Ксения, держа в руках чистый рушник с хлебом и солью, служивших не только символом достатка, но и выполнявших роль берегов.

Осенив себя, лошадей, соху и поле крестным знаменем, и вкусив обмакнутый в соль кусочек хлебной корочки, Пётр Васильевич приступил к с нетерпением ожидаемому молодыми супругами священнодействию.

Это теперь было его поле, новое, ещё ни разу им не паханное. Оно лежало за его огородом, плавно спускаясь к реке, и предназначалось для посадки картофеля и части зерновых.

А Ксения тем временем покинула мужа, уйдя хлопотать по дому.

Запрягши лошадей в соху, и пройдя по новому полю всего три борозды, Пётр остановился, решив по традиции в первый день не напрягаться.

Он снова перепряг лошадей в возок, положив на него грязную, от ещё не просохшей земли, соху, и довольный двинулся к дому.

А там его уже ждал, с пришедшими гостями и родственниками, празднично накрытый стол, на котором кроме остывшего хлеба с солью, стояли миски с мясом, варёными яйцами, солёными огурцами, картофелем и стопкой домашнего обрядового печенья, по форме напоминавшего лошадь, возок, соху, борону и серп.

– *«Ксюха, ну ты и малайчына (молодец)! Ты нават (даже) пераплюнула старыя традыцыш. Вунь, якія коні у цябе атрымаліся (получились)! Ды і салёныя агурочки як раз да (к) яйках і мясе будуць!»* – искренне обрадовался угощению свёкор Василий Климович.

– *«Так (да), ужо! Мне з жонкай, нарэшце (наконец), пашанцавала (повезло)!»* – ласково тогда погладил муж животик сияющей от счастья жены.

Закончив на следующий день с пахотой, через день Пётр уже приступил к боронованию просохшей почвы.

И если его отец для боронования своей старопахотной земли использовал старую плетёно-вязаную борону, то Пётр Васильевич для боронования свежей после вспашки почвы использовал сначала, сколоченный из нескольких суковатых обрубков ели, смык, а затем, сделанный из верхушки ели с обрубками сучьев, служивших зубьями, астрог (вершалину). При этом он пропущенные или затвердевшие комья земли собственноручно разбивал не общепринятой «мотыкой», а специально им сделанным деревянным молотком кукой.

И всего через несколько дней, во вторник, в подобное полному колосу полнолуние, в их деревне тогда начался весенний сев.

Погодные условия были самыми благоприятными – стояли пасмурные и безветренные дни.

Первый свой самостоятельный сев Пётр проводил самыми отборными семенами, смешанными с зерном из сжатого в прошлом году его матерью «зажинного» снопа.

А тем временем Ксения навела в хате порядок и чистоту.

И на этот раз Петра, его соседей и родственников ждал богатый праздничный ужин. Ибо в их деревне издавна считалось – чем богаче стол, тем больше будет и урожай.

Во время застолья сосед дед Михай решил тогда ж пошутить и попросил у Петра спичек в долг.

– *«Ты, што, спруцянев (очумел)? Хиба (разве) не ведаеш (не знаешь)? Ты хочаш каб (чтоб) да (к) цябе потым перайшла і частка яго ураджаю? Пеця, не давай яму запалак (спичек)!»* – возмутился тогда Василий Климович, вырывая коробку спичек из рук доброго и доверчивого сына.

Но вскоре наступило лето и появились новые заботы.

День за днём в работе на огороде, в выгоне скота на общинные пастбища их деревни и в домашнем уходе за ним, в косьбе и уборке сена, а также в праздновании летних церковных

праздников, в походах в лес и по гостям прошло тогда первое лето супружеской жизни Петра Кочета.

А в праздники Пётр Васильевич с Ксенией всегда навещали его родителей, с нетерпением ожидавших беременную старшую невестку, на это время наводя в своём доме идеальный порядок.

Тогда ж, войдя в отчий дом, молодые сразу увидели порядок в сенях, чистоту на кухне и в горнице. Но особенно Ксению в хате Василя Климовича поразила чистота, красота и убранство Красного угла.

Кроме последнего, принесённого с поля, дожинального снопа, сюда под божницу клали крашенные пасхальные яйца, просвирки, ветки вербы и свечи.

Эта божница наверно ещё помнила и свадебный каравай старших Кочетов, и их многочисленные бабкины каши.

Здесь же, в том числе согласно календарным и жизненным обрядам, семья шестидесятилетнего Василя Климовича совершала молитвы.

Перед Троицей красный угол украшали свежими венками и застилали стол чистой скатертью с праздничной вышивкой. А на стол клали хлеб, покрытый красивым рушником.

Но за церковными праздниками приходило и время сбора урожая.

Тогда свой первый совместный семейный сбор урожая зерновых Пётр с беременной на восьмом месяце женой Ксенией запомнили надолго.

Из-за большого живота Ксения уже не могла наклоняться. А Петру тогда было ещё совестно заниматься бабьей работой. Потому он и решил тогда не жать хлеба, а косить.

Оставив дома серп, Пётр взял с собой косу, грабли и вилы.

И косил он очень аккуратно, укладывая скошенное ровными рядками.

Потом он сам же вдоволь и понаклонялся, собирая и увязывая снопы, для предварительной просушки расставляя их в бабки (мэндлики).

Закончив с «жатвой», Пётр свёз снопы на гумно для повторной сушки, уже в помещении (асець), и обмолота его там цепами.

И здесь тогда Ксения тоже не смогла существенно помочь.

Для обмолота Пётр использовал не только старый отцовский цеп, но и свой новый валёк, и специально сделанную решётку (абивалку).

А уже обмолоченное и собранное зерно Ксения ставила на провеяние.

Затем она же сортировала его, и сыпала в закрома клетки, перенося его туда небольшими порциями.

А потом пришло время собирать корнеплоды и копать картофель.

И здесь опять обошлось без беременной Ксении.

Помня печальный случай с Лидией, Пётр тогда оберегал молодую жену, самостоятельно выкопав, собрав, и убрав картофель на хранение. А Ксения, сидя на табурете, лишь помогла мужу в сортировке клубней.

Зато жена хорошо помогала ему в уходе за скотиной и птицей.

В деревнях Западного Полесья было хорошо развито животноводство, в котором основное место занимал крупный рогатый скот. Здесь его на душу населения было в полтора раза больше, чем в средней полосе России.

Причём в Полесье скота было не только больше по количеству голов, но и по их качеству.

Здесь быки и коровы литовско-белорусской породы были крупнее и потребляли больше более сытных кормов.

Эти потомки европейского тура были неприхотливы к качеству еды и лучше приспособлены к суровым условиям их содержания.

Местные волы были крупнее и широко использовались в качестве рабочего скота – тягловой силы не только при перевозке грузов и пахоты, но и при приведении в действие различных механизмов (мельниц, молотилок, лесопилок и других промышленных установок).

Однако при бороновании почвы и перевозке лёгких грузов и людей чаще использовали лошадей.

Западное Полесье также являлось районом с наиболее развитым во всей нечерноземной полосе Российской империи свиноводством.

И семья Кочетов в этом не была исключением.

Ксения откармливала своих шесть свиней и двух кабанчиков не только ядью, корнеплодами, желудями и зерном, но и давала им сочные зелёные корма, периодически выпуская их из свинарника порезвиться и погулять по двору.

В целях лучшего сохранения сала и мяса Пётр задумал провести убой одной из свиней лишь в начале зимы.

Но в первый год своей совместной жизни и из-за рождения первенца он не стал этого делать. К тому же молоденькие свинки ещё не набрали достаточного для убоя веса. Так что угощение и одаривание родственников и соседей свежиной супруги решили перенести на следующий год.

Тоже коснулось и овец. Лишь поздней весной и тёплой осенью Пётр дважды остриг своих овечек, набрав шерсти на вязание и ткани.

Но с удлинением тёмного времени суток – с конца осени и всю зиму – молодая семья Кочетов теперь подолгу вечеряла дома при свете лучин.

Долгими зимними вечерами Пётр занимался своей любимой художественной резьбой по дереву, а Ксения пряла, шила и вязала, напевая песни, иногда ногой покачивая детскую колыбель, которую лишь после рождения первенца, дабы как в прошлый раз не сглазить, смастерил муж.

Обычно люльку для ребёнка, подвешенную на верёвке к потолку, местные крестьяне сплетали из лозовых прутьев ракиты, в изобилии росшей по берегу, впадавшей в реку Нарев, местной речи Локница.

Но мастеровой Пётр соорудил колыбель из досок, брусков и реек, смастерив дугообразные ножки.

И теперь, сидя на лаве – массивной широкой и длинной доске, укрепленной на ножках-колодках, Ксения могла свободно доставать до люльки не всё время занятыми руками, а ногой.

Ксения была дочерью Мартына Николаевича Раевского, родилась и выросла в деревне Кривая того же Бельского уезда Гродненской губернии Российской империи, прочно привыкнув к деревенской жизни.

Хотя она и была воспитана в зажиточной многодетной семье – сына бывшей московской дворянки и дочери разорившегося мелкого шляхтича, приходившихся друг другу ещё и сводными братом и сестрой, – но имела практическое понятие о домашнем и тяжёлом крестьянском труде.

Кроме старшей дочери Ксении, её мать Анна Васильевна родила ещё пять дочерей (Христину и по две Степаниды и Марии – взамен умерших в младенчестве) и пять сыновей (Федота, Василия, Николая, Давыда и Ивана).

Через несколько лет после замужества Ксении её родители вместе со всеми младшими детьми переехали в недалёко расположенную от Пилипок деревню Котлы к внукам от рано овдовевшей второй дочери Христины.

Отец Ксении был бедным и незаконным отпрыском, представлявшим одну из побочных и засыхающих польско-литовских ветвей известного дворянского рода Раевских.

Родился он от любовной связи в 1862 году двадцатитрёхлетнего кандидата физико-математических наук Московского Университета дворянина Николая Николаевича Раевского с одной из первых богатых московских девиц Ксенией, скорее из любопытства к умным мужчинам, нежели к точным наукам, начавшей посещать университетские лекции.

Этот яркий славянофил так и не узнал о рождении добрачного сына, в феврале 1863 года неожиданно покинув Москву и поступив унтер-офицером в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк под командование своего родственника – князя Яшвиля, сманившего способного молодого, патриотично настроенного мужчину военной службой во славу Отечества.

Мать Мартына – Ксения, став тогда жертвой бурной, но скоротечной любовной интрижки, была вынуждена бросить, попрекавших её родителей, и после родов уехать с новорождённым сыном из Москвы, от позора, к родственникам в западно-белорусскую деревню Гродненской губернии.

Там она со временем вышла замуж за Василия – местного вдовствующего зрелого зажиточного крестьянина из разорившихся мелких шляхтичей, на всякий случай, сохранив сыну фамилию и отчество его биологического отца – своего бывшего возлюбленного.

Даже в условиях деревенской среды мать и отчим дали Мартыну по возможности хорошее образование, научив его всему, что знали и умели сами, в том числе игре на стареньком фортепьяно и французскому языку, коим его мать владела в совершенстве.

Остальное довершили гены.

А со своим бывшим возлюбленным и отцом её сына Ксения больше никогда не виделась. Лишь обрывочные сведения о нём изредка доходили до северо-западной границы Беловежской Пуши. Здесь, дома она узнала, что её любимый Николая, в детстве получавший образование во Франции, Италии и Англии, и бывший затем в Москве одним из любимых учеников Т.Н.

Грановского, сделав после Московского Университета успешную военную карьеру, воевал сначала в Туркестане, а затем там же занимался хозяйством и благоустройством местного края.

Читала она и, в присланной ей из Москвы газете «Голос», его скандальную статью, вызвавшую жаркую полемику в обществе.

Редкие сведения о бывшем возлюбленном завершились в 1876 году известием о его героической гибели в Сербии, поднявшей восстание против Турции.

– Да, мой Никола стал достойным своих знаменитых отца и деда! – утерла она слёзы, узнав о гибели всё ещё дорогого ей мужчины.

Ведь прадед её сына Мартына являлся знаменитым русским полководцем, героем Отечественной войны 1812 года, генералом от кавалерии Николаем Николаевичем Раевским.

С годами Мартын Николаевич влюбился в свою сводную сестру Анну Васильевну и попросил у родителей благословения.

Но уже дочь Мартына – Ксения, названная так в честь бабушки, рано выйдя замуж и сменив фамилию, окончательно похоронила свою связь с родом Раевских.

Теперь она стала частью большой семьи со странной фамилией Кочет.

По соседству с домом Петра проживали семьи его двух дядей – младших братьев отца – Трофима Климовича с женой, сыном Степаном и тремя младшими дочерьми, и семья бездетного примака Захара Климовича с женой.

Ещё один младший брат отца – бездетный настоятель Сергей Климович – отец Сергей служил и жил при Православной Церкви Рождества Святого Иоанна Крестителя, открытой в селе Пасынки ещё в 1891 году.

Родители Петра – Василий Климович с женой Глафирой Андреевной и младшими детьми: тринадцатилетним Василием, его сёстрами погодками Евдокией и Пелагеей и двухлетней Верой – жили на противоположной стороне улицы в их старой отчей хате.

А всего на два года старший брат Петра Васильевича – Парфений – давно служил в царской армии унтер-офицером, что для выходца из крестьян было весьма неплохо. И это автоматически оберегало его младших братьев Петра и Василия от призыва на обязательную воинскую службу, не отвлекало их от житейских крестьянских забот, от дома, семьи и детей.

Более того, старший Парфений уступил Петру планировавшийся свой земельный надел с участком для дома, с уговором, что после службы, может быть, поселится в доме у брата.

А пока основной и главной заботой Петра и Ксении стал сын Борис.

К счастью, тот рос здоровым и жизнерадостным, доставляя радость и удовольствие молодым родителям.

А почти за три года до этого, строительство новой хаты для старшего, из живших рядом сыновей – Петра, его отец Василий Климович начал с заготовки леса, коего в округе было в изобилии, особенно шедших для этих целей сосен и елей.

Этот строительный лес семья Кочетов начала заготавливать уже на исходе февраля, пока древесные соки ещё не набрали силу.

В апреле с брёвен сняли кору и со всех сторон обтесали.

Совместно мужчины решили нижнюю часть дома-пятистенки строить из сосны, а верхнюю из ели.

Закладка хаты была обставлена торжественно и даже таинственно.

Строя свои дома, белорусские крестьяне неосознанно полагали, что над этим процессом господствует какая-то сила, во власти которой потом будут находиться их благополучие и жизнь.

Поэтому, в качестве жертвы этим силам, крестьяне Гродненской губернии под наружные углы будущего дома клали монеты.

Вот и июньским вечером в день закладки хаты отец Петра в присутствии гостей, в основном родственников и соседей, положил под правый угол будущего дома, над которым потом будет красный угол, монету в десять пенни и чёрствый кусок хлеба.

– *«Василь, ты нешта (что-то) южо (уж) вельми (очень) танную (дешёвую) манетку паклав (положил), ды и хлеб у цябе чэрствы!?»* – послышалось завистливое от соседа – деда Михая.

– *«Так, не! Не танная (дешёвая) яна, усё нармальна!»* – возразил тому Василий Климович.

– *«Глядзи, стары, не пратрацься (не продешевь), з сынам-той старэйшым (старшим)! А то будзе (будет) твой сын бяздны (бедный), а дом сгние!»* – снова послышался тот же голос продолжившего соседа.

Первые, самые нижние брёвна (падруба), положенные ими непосредственно на выровненный участок земли, были самые толстые.

Они могли выдерживать тяжесть всего дома, выполняя функции ленточного фундамента.

– *«Пётр, падруба бо ад зямлі будзе сыреть. Давай прахарчваем (пропитаем) падмурак (фундамент) старым ильняным (льняным) алеем (маслом). У мяне ёсць! Прыняси яго з склепа (погребя)!»* – попросил сына Василий Климович.

– *«Тата, а можа нам падмурак з калод зрабіць?»* – предложил Пётр.

– *«Ня стулы ю нас такі товстых (толстых) бяревня (брёвен) не! Ды и перепиливать их намучышся!»*.

– *«Можа тады вяликия камяни пад падрубу падкладзем?»*.

– *«А дзе ты их возьмеш, як падымеш и прывязеш?»* – почти стихом ответил отец.

– *«Бацька, пачакай (погоди)! У нас ж на двары пад дровнищей давно прызапашаныя (припасены) товстыя (толстые) цурбаки, прасякнутыя (пропитанные) дзэгцем (дэгтем) и абпаленыя (обожжённые) на вогнишчы (костре). Давай их и возьмем!»*.

– *«Цьфу ты, дурная башка, зусим (совсем) вылецела з галавы. Вядома (конечно) давай! Для гэтага (этого) ж я их давно и падрыхтаваў (приготовил)! Так давно, што я зусим пра их и забывяся (забыл)!»*.

После этого обсуждения мужчины взялись за дело.

Под будущие углы хаты и через некоторые промежутки между ними были чуть вкопаны давно обожжённые в горящем дёгте чурбаки, которые отцу и сыну пришлось выкатывать из-под довольно высокой поленницы, временно завалив её во дворе.

А уж на эти чурбаки и была положена падруба.

– *«Ну, усё (всё)! Пакуль (пока) хопиць (хватит)! Цяпер трэба падстава (основание) пад апечча (опечье) печы (печи) зрабиць (сделать), и печника запрашаць (приглашать)».*

А пока они приступили к подготовке места – рытью неглубокой прямоугольной ямы у стыка внутренней стены дома.

В образовавшуюся яму они поочередно засыпали сырую глину, вбивая в неё камни средней величины.

А промежутки между ними заполняли мелкими камнями и осколками от больших камней.

Затем всё это они закрыли ещё одним слоем сырой глины, и снова в него вдавили камни и камушки.

А пока основание подсыхало, строители снова занялись стенами.

Тем временем младшие братья отца подвозили на подводах обожжённый кирпич для кладки печи.

А когда основание высохло, отец с сыном поставили на нём кирпичный фундамент (опечье) под будущую русскую печь.

– *«Пеця, а бо (ведь) падлога (пол) цяпер у цябе не земляны будзе – давядзеца (придётся) дравляны (деревянный) рабиць (делать)!»* – сделал отец не совсем радостный для него, но радостный для сына вывод.

– *«Ну и добра! Пакладзем (Положим) яго на лаги, а тыя (те) да (к) сцен (стенам) прымайстравали (приделаем)»* – прикинул Пётр.

– *«Дзявбци (долбить) шмат (много) давядзеца (придётся)!»* – не обрадовал того отец.

Пока приглашённый знакомый печник по старым, изрядно измятым и потёртым чертежам, слой за слоем клал обожжённые кирпичи, скрепляя их раствором, отец с сыном продолжили заниматься домом.

И постепенно, день за днём, венец за венцом стали расти стены новой хаты, и почти вместе со стенами росла и кладка печи.

Хату, как везде в Белоруссии, строили торцом на улицу.

Дверь своего пятистенного дома Кочеты прорубили по длинной его стороне, выходящей во двор, и с учётом высоты будущего пола.

Торцы брёвен они скрепляли в простой замок.

– *«Тата, а чаму ты змацоюваеши (скрепляешь) барвёны (брёвна) в просты замак (замок)?»* – спросил Пётр.

– *«А так мацней (крепче) будзе. Ниякай юраган дом не развалиць! И зубр таксама! (тоже)»* – задумчиво ответил отец, продолжая подтёсывать топором пазы в брёвнах.

Торцевые и среднюю, с дверным проёмом, стены хаты Кочеты сделали с закатом. То есть, когда по мере приближения от последнего полного венца к будущему коньку двускатной крыши, брёвна постепенно укорачивались, создавая форму ступенчатого треугольника.

Но свою крышу они решили сделать с подсенью. То есть с нависанием общей крыши и над будущими сенями вдоль длинной стены дома, выходящей во внутренний двор.

– *«Тата, у нас сцены (стены), як Египецкія піраміды!»* – просто ошарашил отца Пётр.

– *«А што гэта (это), адкуль (откуда) ты ведаеши?»* – удивился отец.

– *«А мне дзядзька Парфеній распавядаваў (рассказывал) и малюнки (картинки) паказваў (показывал)!».*

На получившиеся в стенах выступы они потом положили жерди-латы, ставшие основой крыши, которую покрыли еловым гонтом (щепой).

Сам Пётр, с малолетства обученный отцом этому ремеслу, вырезал конёк на крышу – сдвоенные головы коней.

Глядя на аккуратную работу сына, Василий Климович мечтательно произнёс:

– *«Пеця, я вось (вот) думаю: пабудуеш (построишь) ты дом, ажэнішся на маладуха, и нарадзицца у вас два сыны. И будуць яны табе памочнікамі, як гэтыя (эти) два каня на каньку твайго дома!».*

– *«Дай-то бог бацька!».*

Потом они в лицевой стене и в боковых стенах, выходящих наружу усадьбы, прорубили отверстия для небольших застеклённых окон, которые позже сам Пётр украсил резными переплётами и наличниками.

Тем временем печник закончил кладку печи.

Поэтому строители переключились на пол. Отец принёс большие долота, долгое время лежавшие без дела в чулане его хаты. И Пётр ими и топором начал выдалбливать в нижних брёвнах пазы для крепления лаг.

С этим делом он возился довольно долго, потому Василий Климович пока занялся своим хозяйством.

Потом Пётр долго строгал высушенные половые доски, а Василий Климович вставлял окна.

Наконец занялись деревянным полом, коих в их деревне ещё почти ни у кого не было.

После него в низкий дверной проём с высоким порогом, для сохранения в доме тепла, повесили одностворчатую, деревянную с железным засовом дверь.

Затем Кочеты принялись за потолок, для чего на верхний венец поперёк хаты сначала положили балки (отёсанные с четырёх сторон брёвна).

На них настелили обтёсанные доски, сверху обмазав их глиной и засыпав мхом, присыпав его ещё и песком.

Мхом проконопачили щели между брёвнами венцов снаружи и внутри.

Закончив внутри дома, Кочеты приступили к завалинке, которая обычно ограждала жилой дом от холода и сырости.

Она представляла собой песчаную насыпь высотой до сорока сантиметров, засыпанную вдоль стен вокруг дома, и укреплённую лежащими на ребре досками, которые в свою очередь удерживались вбитыми в землю кольями.

Но теперь такая конструкция не годилась.

– *«Тата, нам цяпер (теперь) нельга (нельзя) рабіць (делать) звычайную (обычную) прызбу (завалинку). Пол павинен (должен) ветраць (проветриваться) знизу. Давай зробім прызбу (завалинку) з адных дошак (досок) и выраж (вырежем) унізе маленькія акенцы для вентыляцыі»* – предложил отцу Пётр.

– *«Не, тады (тогда) дом будзе знизу прамярзаць. Давай лепш (лучше) рабіць (делать) як звычайна (обычно), але (но) в пясок уставім маленькія драюляныя (деревянные) палукашка (короба), як акенцы (окошки) для ветрання пад падлогай (полом). Ды и у ніжніх бярэнах з чатырох, дзе трэба, акенцы палонку (прорубим). Владкуеш там склеп для бульбы (картошки) и караняплода!»* – не со всем из предложенного сыном, согласился опытный отец, высказав своё окончательное решение.

Так они и поступили. Хата Петра Васильевича Кочета получилась не только большой и вместительной, но и во многом новаторской.

Многие односельчане потом ходили к ним и смотрели, как построен дом, перенимая их опыт.

В основном закончив с домом, семья Кочетов приступила к надворным постройкам, которые сооружались из более дешёвого леса – ольхи и осины.

Но в хозяйственных постройках пол решили сделать по-старому – глинобитный.

Место будущих построек они разровняли, засыпали сырой глиной, долго молотками выравнивая грунт. Потом засыпали эти места песком и затрамбовали колодой, а окончательно довели их бельевым вальком.

Крыши хозяйственных построек они устлали толстыми слоями (более десяти сантиметров) крупной ржаной обмолоченной соломы, прижатыми к крыше длинными рейками, которые в свою очередь были связаны между собой и привязаны к стропилам. Это позволяло защитить слои соломы от ветра.

Позже Петру Васильевичу приходилось неоднократно чинить эти крыши, затыкая соломой образовавшиеся от ветра и дождя проплешины, и вспоминая предупреждение отца ещё в начале строительства:

– *«Пеця, але (но) табе зараз прыйдзеца (прідэцца) часам (іногда) рамантаваць даху (крышу)!».*

А завершили Кочеты строительство дома для Петра возведением вдоль длинной его стены с входной дверью со двора – сеней, которые, прежде всего, служили для утепления жилья и хранения хозяйственного инвентаря.

Из хаты через сени, в которых были выделены сенечки, камора и вещевая кладовая, можно было не только выйти во двор, но и пройти в клеть-кладовку, в которой хранилось зерно, продукты и одежда.

А в самих сенях с двумя небольшими застеклёнными оконцами стояли бондарные и плетёные ёмкости, ступа, и жернова. На стенах в два яруса висели полки с посудой и инструментом, корыта, сруи, а на деревянных жердях сушились мешки. Здесь же для летнего использования стояла кровать и стол со скамьями.

Клеть делалась из тонких брёвен с закотом для крыши, с полом, но без окон.

Закрома для зерна делили на секции, в которых отдельно хранили рожь, овёс и ячмень.

Там же на жердях развешивали тулупы, кожухи и овчину.

Тут же стояли большие дощатые или плетёные ящики (кубелы) для картофеля и овощей, бочонки с салом и квасом, сундуки (скрыни) с тканями и одеждой, а позже и топчан, на котором потом летом иногда спали сыновья.

А под потолком подвешивались колбасы и куски копчёного мяса (кумпяки).

По окончании строительства новая хата Кочетов была освещена специально приехавшим к родственникам отцом Сергием, и начался торжественный и официальный переход Петра в свой новый дом.

По традиции на ночь в новый дом запустили петуха.

– *«Глядзице (смотрите), а то рыжы (рыжий) певень (петух)! Пряма чырвоны кочет!»* – кричали одни соседи.

– *«Пеця глядзи, а то дзеци таксама (тоже) рудымі народзяцца!»* – от души смеялись другие.

Наконец, Пётр по традиции взял в отчем доме горшок с ещё тлеющими углями, и внёс его в новую хату, поставив сразу в печь.

– *«Ну, вось (вот), сынок! Ты и прынёс у свой новы дом часцінку хатняга (домашнего) агменю (очага) з-за чаго (из отчего) дома. Цяпер ажанися и будзь ічаслівы!»* – напутствовали его родители.

Тут же в новую хату вошли и гости.

Сразу стало видно, что родители и вся родня Петра постарались на славу – произвели уборку, припасли и расставили всё необходимое для жизни.

Слева от входа в глаза сразу бросалась чистая новая печь, на углу которой стояли две каменные площадки для сжигания останков корчей (пней) и освещения хаты.

По диагонали от неё в кухонном углу (бабином куте) уже стояла кадушка с водой и деревянным ковшом, и висели полки с посудой.

А справа на лавке, под которой была заготовлена бадья, стояли наполненные водой деревянные вёдра, круглое корыто и ведро для дойки.

В другом углу хаты, у смежной с горницей стены, стояла канапа – широкое, длинное, деревянное поднимающееся сидение с подлокотниками и спинкой, стоящее на четырёх массивных ножках, собственноручно Петром Васильевичем украшенное резьбой. Под его сидением был сундук (шлебан) с вещами.

Около печи над входом в горницу размещались полати, под потолком – горизонтальные жерди (ашостаки) для сушки белья и полотенец, а по другую стену с окнами – стол с лавками.

Через хату гости прошли в большую чистую комнату – горницу, где посреди неё стоял накрытый скатертью большой стол, на который женщины уже поставили кувшин с холодным квасом и закусками.

В горнице своей чистотой и красотой бросался в глаза красный угол (чырнов кут или покуть), к которому вдоль стен сходились, прибитые к полу и стенам, большие лавки, на одной из которых уже стояла дежа с хлебом.

В этом углу, служившим домашним алтарём, уже висела икона, обрамлённая красными вышитыми рушниками, а под ней на полочке хранились атрибуты различных будущих обрядов.

Новоселье в новой хате справляли долго.

Родни и соседей было много.

С сумерками уже зажгли лучники и по стенам хаты побежали тени от гостей, веселившихся перед предстоящими новыми трудовыми буднями.

И всё это Пётр вспоминал с окончанием очередного лета.

А поздней осенью они уже вместе с Ксенией вспоминали историю их бракосочетания.

После окончания строительства дома и прилегающих к нему хозяйственных построек главной целью целеустремлённого Пётра Кочета тогда стала женитьба.

Согласно новому закону о воинской службе и благодаря старшему брату Парфению, избежав призыва в армию, он по молодости уже дважды женился, но всякий раз неудачно.

Его первая жена Прасковья хоть и была молодой и красивой, но оказалась бесплодной, к тому же ленивой и сварливой. Она и закончила плохо, ранней весной провалившись в прорубь ближайшей реки Локницы, пытаясь доказать всем, что и она одна умеет ранней весной ловить рыбу.

У Петра только и остался в памяти её взъерошенный образ с топором и сачком в руках, и последняя фраза, брошенная ею на пороге:

– *«А я зараз пайду и дакажу табе и тваим бацькам (родителям), што я и у сакавік (в марте) сама без мужавай дапамоги (помощи) змагу з-пад лёду дастаць рыбу!».*

Второй брак Петра, с засидевшейся «у дзеуках» Лидией, также закончился трагически. Та, так и не разродившись, умерла при родах их первенца. В сердцах расстроившийся Пётр тогда даже сжёг заранее сделанную им люльку для младенца, объяснив это родителям:

– *«Не трэба было мне бегчы наперадзе саней. Вось бы Жонка и дзиця жывыя былі б!».*

И теперь он искал себе невесту молодую, красивую, и, главное, работающую и хозяйственную.

И летом 1900 года на ярмарке в Пасынках, на которой Пётр был с отцом, им приглянулась молоденькая девушка, тоже приехавшая туда со своим отцом.

Мужчина и девушка разговорились и сразу понравились друг другу.

Пообщавшись, сговорились и их отцы.

Только мать Петра – Глафира Андреевна поначалу дома ворчала:

– *«А ты, стары, ци што забывся прыказку: Не выбирай сабе жонку на рынку, а выбирай сабе жонку на...».*

Но муж прервал её:

– «Ды (да) добра (ладно) табе, не юпершыню (не впервой), вось (вот) пабачыш яе в справе (в деле) и даведася (и узнаешь)!».

– «Так яны амаль (почти) незнаёмыя (незнакомы) адзін з адным (друг с другом)! Нават (Даже) на моладзевых (молодёжных) вечарынках не сустракаліся (не встречались), мала бачылі адзін аднаго и не размаўлялі (не разговаривали)!» – всё ещё не унималась мать.

Ведь у этой пары не было традиционного для белорусской деревни длительного знакомства парня и девушки.

Но всё равно, в дом невесты в деревню Кривая послали сватов. В их роли выступили словоохотливый женатый дядя и крёстный отец жениха – Трофим Климович Кочет со своей женой.

И вскоре родители молодых сговорились о сроках свадьбы и о приданом.

А поздней осенью, после окончания полевых работ, сыграли свадьбу.

Сначала молодые, как водится, венчались.

А поскольку в их деревнях не было своих церквей, то молодожёны естественно выбрали церковь их познакомившего села Пасынки.

И этот выбор был одобрен обеими парами родителей.

Даже саму службу венчания в этой православной церкви Рождения Святого Иоанна Крестителя отслужил дядя жениха – настоятель Сергей Климович, который буквально за несколько дней до этого получил свой сан от епархиального архиерея и настоятеля православной церкви, в которой до этого служил Сергей Климович, Георгия Победоносца – покровителя воинов, земледельцев и скотоводов – в городе Бельск-Подляски, основанном ещё Ярославом Мудрым.

Да и их венчание было назначено на 26 ноября – осенний день Святого Георгия.

Церковное венчание хоть и было обязательным, но в свадебном обряде крестьян Западного Полесья играло не главную роль, и было совершено за несколько дней до свадьбы Петра и Ксении.

Их брак был закреплён каравайным свадебным обрядом, который происходил с печением и разделом хлебного каравая, с угощением и благословением молодых.

А до этого обряда, как всегда, сначала был девичник, потом выезд жениха с друзьями за невестой, свадебные столы в домах невесты и жениха, и другие, включая расплетание косы невестой.

Все обряды свадьбы Петра и Ксении, впрочем, как и везде в Полесье, сопровождались пением многочисленных свадебных песен и были большим и ярким торжеством (вяселле) для всей деревни Пилипки.

И это запомнилось молодым супругам на всю жизнь.

А в качестве приданого родители Ксении собрали, кроме её одежды, ещё и подстилки, полотенца, скатерти и заранее сшитые самой невестой мужские сорочки. И всё это было собрано в расписанный красочным орнаментом сундук, который с сидевшим на нём шафером торжественно привезли в Пилипки в новый дом молодожёнов.

С тех пор прошло три с половиной года, и в начале лета 1904 года, во вторник 7 июня, в семье Кочетов родился ещё один мальчик, которого на это раз назвали в честь отца – тоже Петром.

– «*А в нас яшчэ (ещё) адзін кочеток нарадзiвся (народился)!*» – делился радостный отец с многочисленными родственниками.

Дабы теперь не путать имена мужа и сына мать частенько называла младшего из них – Петром вторым. И это прозвище постепенно прижилось, просто прилипло к мальчику, занявшему люльку старшего брата.

– «*Пётр други, падыдзи да Пятра першаму!*» – через год в шутку иногда подзывал его отец.

И лишь наедине с младшим мать ласково называла его по-французски Пьером.

Шло время, сыны росли и крепили, а родители, каждый «на своём поле», работали, любили детей и друг друга.

Боря, уже в раннем детстве обладая сложным характером, всё же рос прилежным мальчиком. Он любил дом, лес и природу, с раннего возраста помогая строгому отцу по хозяйству и в благоустройстве земельного участка, обучаясь от него крестьянскому мастерству, постепенно становясь мастером на все руки.

Петя рос любознательным мальчиком. Ничто не проходило мимо его глаз, ничто не миновало анализа его пока детского ума. Он хотел всё знать, всё понимать и всё уметь. Поэтому ко всему внимательно приглядывался, иногда пробуя и ошибаясь.

Уже с самого раннего возраста у него проявилась склонность и тяга к систематизации и анализу.

Его интересовали и взаимоотношения между людьми, прежде всего между родителями, их отношения к нему и к старшему брату, взаимоотношения между другими людьми и их отношение к окружающему их миру – флоре и фауне.

Его также интересовало и поведение домашних животных, что, где и как растёт, почему и как меняется погода, как действуют и устроены различные механизмы.

Поэтому ещё в малом возрасте у него стало появляться своё мнение по разным вопросам, часто несовпадающее с мнением родителей и брата и других людей, даже старших по возрасту, постепенно формируя из мальчика нонконформиста.

Однако в бытовом поведении Петя часто проявлял чувство солидарности с другими, в том числе с озорниками сверстниками.

Но особенно он почитал своего старшего брата – всегда весёлого Бориса. Тот обладал неиссякаемым чувством юмора и часто смешил младшего, хохотавшего иной раз просто до упаду.

Правда Боря всегда старался навязать своё мнение окружающим, и прежде всего друзьям и Петру. Потому у него не вязалась дружба со сверстниками. И только младший брат внимал ему, или пока делал вид.

Петю не смущали иной раз даже до слёз обидные шутки Бориса. А вот друзья ему такого не прощали. За что тот мстил им потом ещё более язвительными высказываниями в их адрес.

Но, несмотря на это, друзья почему-то уважали упорного, волевого, независимого и решительного Бориса, и старались не спорить с ним.

Им видимо импонировали его моральная сила, целеустремлённая серьёзность и практическая изобретательность в делах.

Однако природная скрытность Бориса не позволяла ему раскрыться даже перед своими близкими – младшим братом и родителями, особенно перед всегда находившейся рядом матерью, которой он часто перечил, и перед отцом, которого побаивался из-за его строгости и сурового нрава.

В противоположность старшему брату, другим по отношению к матери был Пётр. Он уважал мать, которую очень любил и никогда с ней не спорил, хотя отца тоже побаивался.

Мать обратила внимание на тягу младшего сына к музыке, но обучить его пока не могла, хотя сама раньше умела играть на фортепьяно.

Но где его найдёшь в этой деревне.

Петю всегда тянуло к чему-то новому, интересному, ранее ещё ему неизвестному.

В отличие от Бориса, Пётр с удовольствием занимался с матерью французским языком. В их семье говорили как по-русски, так и по-белорусски. И очень редко по-французски: только мать и в основном с младшим сыном.

В такие моменты Пётр Васильевич шутил с ними:

– *«Я вас не понимаю!»*.

– *Тата (nana), а ты таксама (тоже) вучы (учи) французскую мову!»* – тогда советовал Пётр второй Петру первому.

И это не было nonsensом для их деревни.

Некоторые старые жители ещё кое-что помнили от своих предков о нашествии наполеоновских войск, об их расквартировании и проделках в здешних сёлах, ещё помнили некоторые французские слова и словосочетания.

А старшие Кочеты ещё помнили историю незаконного рождения их общего отца – вовсе не ставшего кротким Клима – от знатной бабушки шляхтички и молодого французского офицера-кавалериста.

Они также хорошо запомнили историю происхождения своей странной фамилии – Кочет.

Их отец – совсем бедный восемнадцатилетний крестьянин Клим, воспитывавшийся в чужой крестьянской семье, – весной 1831 года был рекрутирован в армию восставших поляков, когда их национально-освободительное движение докатилось и до Беловежской Пуши.

Тогда крестьяне Западной Беларуси жили как бы между молотом и наковальней. Их угнетало и царское правительство и, находящаяся к ней в пока молчаливой оппозиции, своя местная шляхта.

Ещё до третьего раздела Речи Посполитой, при котором территория Беларуси оказалась под властью Российской Империи, бывший правитель этих земель Станислав Август Понятовский – будущий любовник Императрицы Екатерины II-ой – принял ряд конкретных мер по подъёму крестьянского сословия.

Но это привело к ссоре с литовско-белорусским дворянством, не желавшим идти по капиталистическому пути и терять свои доходы и привилегии.

Позже такая проблема досталась Екатерине II-ой, которая после включения этих земель в состав Российской Империи, сделала ставку на способную к договорам шляхту, нежели на тёмного и непредсказуемого белорусского мужика.

Она одарила шляхту новыми привилегиями, а крестьян – новыми повинностями.

Подымный (подомный) налог она заменила подушным и прибавила рекрутскую повинность.

При ней усилилась и барщина. Естественно крестьяне начали роптать.

Но, подавляемые центральной властью и местными панами, они пока ещё не могли самостоятельно организовать отпор им.

Во время войны с Наполеоном её внук – царь Александр I-ый – на себе почувствовал неблагодарность шляхты, часть которой повернула оружие против Российской Империи.

В этот период и крестьяне Полесья надеялись, что с приходом Наполеона будет отменено крепостное право, как было сделано им во Франции.

Но Наполеон побоялся «Le moujik», и получил в своём тылу рост стихийного партизанского движения.

После победы над Наполеоном бывшие крестьяне (солдаты и партизаны) Полесья, как и во всей царской России, надеялись, что после войны – за их заслуги перед Отечеством – царь отменит крепостное право.

Но Александр I-ый ограничился только принятием «Закона о вольных хлебопашцах», лишь временно заморозив ситуацию.

И вот теперь у крестьян Полесья – участников польского восстания – появился шанс борьбу против царского правительства повернуть и на борьбу против своих угнетателей – местных панов.

Ведь положение крестьян Западного Полесья оставалось трудным.

Пока количество крестьян, работавших на государство, было незначительным, местное дворянство стремилось усилить эксплуатацию своих крестьян, дабы выстоять в конкуренции с нарождающимся слоем капиталистов.

Потому в это время на территории Полесья и начались крестьянские волнения. Но крестьяне не очень-то и хотели воевать, в общем-то, за чуждые им национальные интересы своей местной шляхты, которой крестьяне были нужны лишь как пушечное мясо.

Посему, даже наскоро обученных, их сразу бросили в бой.

И под Вилейками, как и под многими другими городами Польши, повстанцы были разбиты правительственными войсками и рассеяны.

Разбившись на небольшие отряды, чтобы избегать больших сражений, они стали нападать лишь на тылы царских войск – военные склады и транспортные обозы, в общем-то, занимаясь разбоями и грабежами.

Но, возглавивший один из таких небольших конных крестьянских отрядов, молодой и задиристый Клим, действуя по-петушиному лиху, заодно с огнём и мечом пройдясь и по панским имениям, начиная с имения своего господина, получил прозвище «Чырвоны Коча» (Красный Кочет).

Невольно присоединившиеся к восставшей шляхте, крестьяне, видели, что это восстание им лично ничего не даёт, и воспользовались случаем для сведения счётов со своими непосредственными порабощателями.

А когда они узнали объявление царского правительства о том, что крестьяне, добровольно сложившие оружие, будут прощены, все они покинули отряды, разбежавшись по своим деревням и хатам.

К тому же у шляхтичей – участников восстания – эти имения были конфискованы, а сами они преданы суду – им учинили «разбор шляхты».

Заодно царь Николай I-ый отменил униатство, закрыл Виленский университет и перевёл часть недовольных шляхтичей в однодворцы.

Но его реформы («реформы Киселёва») позитивно отразились лишь на государственных крестьянах.

Им облегчили повинности, перевели с барщины на оброк и запретили сдавать их в аренду. Поэтому крестьяне, принадлежавшие местным панам, стали смотреть на государственных крестьян с завистью, а на своих панов – с ненавистью, тайно лелея мечту о выходе из крепостной зависимости.

Но к таким крестьянам уже не относился, невольню освободившийся от крепостной зависимости, молодой Клим.

И со временем его белорусское прозвище Чырвоны Коча, или по-русски Красный Кочет, трансформировалось просто в фамилию Кочет.

А все его сыновья теперь носили эту фамилию, осев, в основном, в деревне Пилипки – на всякий случай подальше от всевидящего ока властей.

Прошли годы, многое забылось. Постепенно стёрлась из памяти следующих поколений острота прошлой борьбы и горечь утрат.

Сыновья Клина обустроились, обзавелись хозяйством, семьями, двое из них вырастили детей, растили внуков и правнуков.

Но жизнь крестьян (полешуков) Западного Полесья царской России была нелегка.

В отличие от соседних низких, полуразрушенных и закопченных хат их деревни с их отвратительными запахами от нечистот, дом Петра Кочета был построен позже.

Поэтому, вместо курной избы, новое жилище было построено с выходящей на крышу дымовой трубой, что позволяло избежать грязи и копоти внутри дома.

Да и воздух в такой хате был чище, хотя в сенях за стенкой с печкой нередко до середины весны зимовали поросята, телята, ягнята и куры с гусями.

А по весне начиналась самая тяжёлая пора в жизни крестьян – старые запасы уже заканчивались, а до нового урожая было ещё далеко.

Особенно страдали бедные и многодетные семьи с малолетними детьми. Такой многодетной и была семья Василия Климовича.

Поэтому Петру Васильевичу приходилось помогать отцу и своим младшим брату и сёстрам. Хотя он всё понимал, но всё равно злился на это, иногда вымещая недовольство на молодой жене, практически не помогавшей ему на дворе, в поле и на огороде.

Зато та хороша была в доме, держа его, насколько это было возможно, почти в образцовом порядке.

Да и в уходе за скотиной она почти всегда поспевала впереди мужа.

Ксения придумывала различные блюда из того, что было под рукой.

И частенько ей в этом «помогал», насколько мог, младший Пётр.

Иногда, в самом крайнем случае, из-за нехватки муки, она пекла хлеб с двойной примесью мякины, состоявшей из высушенных листьев папоротника, вереска и копытника, берёзовой коры и различных корений.

И хотя такой хлеб был невкусный и весьма тяжёл для пищеварения, но он всё же был!

Но чаще всего Ксения Мартыновна пекла хлеб из не тщательно просеянной ржаной муки с примесью ячменя и картофеля.

И он её домочадцами считался вкусным и здоровым.

В некоторых крестьянских домах для выпечки хлеба хозяйки использовали винную барду, то есть, оставшееся от винокурения зерно.

На винокурнях его обычно выбрасывали или отдавали на корм скоту и вовремя подсуетившимся бедным крестьянам.

Иногда некоторые крестьяне в качестве добавки к хлебу из ржаной муки использовали муку из соломы. Такой хлеб был хуже, чем с использованием барды, но лучше, чем с мякиной, или лебедой, дубовыми желудями, древесной корой или с оленьим мхом.

Все члены разных семей Кочетов были неприхотливы в еде, питались тем, что бог пошлёт. В основном это были огородные овощи, молоко и самодельные молочные продукты, яйца и мясо птицы.

А зимой изредка у них на столе появлялось мясо говядины и свинины, а уж тем более в изобилии были также сушёные и солёные грибы и огурцы, квашеная капуста, мочёные яблоки и ягоды, сухофрукты и мёд диких пчёл.

Бортники, коим был Василий Климович, добывали его по опушкам леса. И этим он с азартом занимался до почтенного возраста, приучив к этому занятию и некоторых своих сыновей, самым удачливым из которых оказался Пётр Васильевич.

Он даже специально помогал диким пчёлам, прикрепляя на высоких ветвях деревьев самодельные улья.

– *«Бора, Пеця! Пайшли вулей для пчол будаваць (строить)!»* – бывало, в шутку звал он на помощь своих малолетних сынков.

Но самой желанной едой для крестьян всё же был хлеб.

Кроме него крестьяне Западного Полесья в основном ели картофель, причём в разных видах и круглогодично.

Он частично замещал нехватку хлеба и овощей.

Необходимой едой были щи из кислой серой капусты, приправленные овсяной или ячменной крупой, а также борщ из бураков (свёклы) и кашица – приправленная луком похлёбка из круп.

Крестьяне также охотно ели горох, чечевицу, редьку с квасом и луком, и различные пироги.

Изредка они ели жареное мясо гуся или поросёнка, а иногда и рыбу, не употребляемые в постные дни.

В праздники ели баранину (овечье мясо) или копчёную говядину.

Зато сало употреблялось практически ежедневно и в самых разнообразных кушаньях.

Младший Петя с малолетства привык сосать засохшую шкурку от куска сала.

– «*Ксень, што у цябе Пецька разарауся-то? Дай-ка яму скурку сала пасмактаць!*» – иной раз слышалось в адрес Ксении якобы возмущённое от Петра старшего.

По весне крестьяне начинали использовать крапиву и щавель, в основном варя из них похлёбку.

И эти традиции сохранялись веками, годами передаваясь из поколения в поколение.

Хотя западным полешукам и был массово присущ консерватизм, практицизм и индивидуализм, стремление к независимости, но упорство и трудолюбие, терпеливость и обязательность, высокая способность к адаптации в иной этнической среде, часто за счёт внешнего отказа от своей этнической принадлежности, позволяли им легко ориентироваться и принимать санкционированные государством действия.

На всё это конечно наложило отпечаток и стратегическое положение территории Западного Полесья, которая часто становилась *полем битвы* различных народов и государств за свои интересы.

– «*Праз (через) наша Заходняе Палессе не раз прахарыли (проходили) войны*» – как-то объяснил Пётр Васильевич своей молодой и пылкой жене следы былой разрухи в их и соседних деревнях.

И словно накликал.

Новые напасти неожиданно обрушились не только на Кочетов, но и на всю страну – в России началась революция, сведения о которой доходили до Пилипок урывками и с опозданием.

А в конце октября 1905 года домой в Пилипки возвратился участник войны с Японией Григорий Денисюк – сосед и друг детства Петра, призванный в армию ещё в 1890 году.

Из рассказов этого участника и очевидца, из обрывков сведений из газет и дошедших до деревни слухов, Петру постепенно открылась безрадостная картина этой войны.

Он хорошо помнил тревожные февральские вести 1904 года о внезапном нападении японцев на нашу эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и последующую затем высадку японских войск в Корею.

Он ещё не забыл, как всю вторую половину того же года вся их деревня переживала за защитников осаждённого Порт-Артура, за наши корабли в Жёлтом море.

А отступление наших войск под Мукденом и разгром нашей эскадры в Цусимском сражении окончательно расстроил крестьян деревни Пилипки, винивших теперь в неудачах царское правительство и лично Николая II-го.

Пётр вспомнил, что как-то в Пилипки кто-то привёз экземпляр петербургской газеты «Новое время», и умевшая читать по-русски Ксения прочитала односельчанам одну из статей, в которой ведущий публицист, представленный истинным патриотом России, М.О. Меньшиков писал:

– «*Нет сомнения, что без обеспечения Америки и Англии Япония не сунулась бы с нами в войну*».

Из этой же газеты односельчане узнали и о предательстве их союзника Франции:

– *«Почти все почувствовали веяние холода в атмосфере франко-русских отношений».*

Но всех односельчан просто ошарашил вывод молоденькой женщины, когда по прочтении газеты, Ксения Мартыновна Кочет вдруг неожиданно успокоила их:

– *«Не беспокойтесь! Мы всё равно победим, рано или поздно. Как бы сейчас не обстояли там дела, но победа будет за нами! Ведь Япония имеет дело со страной, которая на протяжении всей своей истории ещё никогда и никому не платила контрибуции!».*

На одобрительные и удивлённые возгласы односельчан Ксения Мартыновна ответила объяснением, что такое контрибуция и откуда она всё это знает.

И с тех пор её авторитет в деревне стал непререкаем, даже среди пожилых и мудрых крестьян.

А Пётр стал смотреть на жену другими глазами, с уважением и исподволь, словно изучая, разглядывая её.

А их совместные разговоры всё чаще стали касаться политики и других сторон общественной жизни.

И вот теперь, пригласив в дом Григория, супруги Кочет вели с ним совместный разговор.

– *«У нас, у простых салдат з вёски (из деревни) всё ж мала ваенных ведав (знаний) – начал говорить Григорий о том, в чём убедился на собственном опыте – Я бачыв (видел), як нашы афицэры кидаюцца (шарахаются) ад цяжкасяв (от трудностей), не ведаючы што рабиць аддаюць (отдают) дурныя (глупые) загады (приказы)».*

– *«Ды у нас народ бедны, забиты. Начальства любіць лисливац (льстецов) и падхалимав, а разумным и прынцыповым дарогу не даюць»* – со знанием дела и неожиданно для присутствующих продолжил Пётр Васильевич Кочет.

– *«Да, нам всем надо учиться, в том числе и на своих ошибках»* – заметила его жена Ксения.

– *«Вучыцца? Сказала таксама (тоже). Я вунь... нияк (никак) руски мова не здужаю (не осилю). А ты – вучыцца!»* – возбуждённо возразил ей муж Пётр Васильевич.

– *«Ужо лепш (уж лучше) бы ты вывучыв адразу (сразу) японскую мову (язык)!»* – засмеялся друг и сосед Григорий.

Живя в глуши, вдали от дорог и больших городов, они тогда ещё не знали, как в России возникла и стала развиваться революционная ситуация, которой предшествовал мировой экономический кризис, а теперь добавилось и поражение царской России в войне с Японией.

Хотя мировой экономический кризис начала XX-го века не имел решающего значения для экономики Западного Полесья, поскольку его экономика развивалась, в основном, на базе использования лесных богатств и минеральных ресурсов, а также переработки сельскохозяйственных продуктов, но и он не обошёл этот край стороной.

Этому способствовало углубление связей сельского хозяйства с рынком, который требовал мясомолочную продукцию и расширение посевов зерновых технических культур и картофеля.

Капиталистические веяния ударили и по, всё чаще использующим наёмный труд, помещичьим хозяйствам, владевшим на тот период примерно сорока процентами всей земли. Потому большинство из них не смогли приспособиться к новым капиталистическим отношениям, и пришли в упадок.

Боясь полного разорения, многие дворяне, чиновники и офицеры стали продавать свои земли, а крестьяне – скупать их. В западных губерниях Российской Империи им стала принадлежать треть всей земли.

Однако их землевладения не были свободной буржуазной собственностью, а были обременены различными ограничениями.

Крестьяне несли три вида повинностей и податей: казённые (выкупные платежи и государственный поземельный налог), земские (земский поземельный налог, а также дорожные,

транспортные и полицейские повинности) и мирские, за счёт которых только крестьянами содержались волостные правления, суды, сельские старосты, школы и прочее. Без разрешения сельской общины, к которой были приписаны все крестьяне, они не могли продать свой земельный надел или уйти на отхожие промыслы.

В начале века лишь около десятой части всех крестьянских хозяйств Западного Полесья считались зажиточными, а половина из всех крестьянских дворов владела землями, площадью от одной до десяти десятин, что не обеспечивало прожиточный минимум средней крестьянской семье.

Соответственно примерно сорок процентов крестьян Западного Полесья жили очень бедно, еле сводя концы с концами, или полностью разорялись, уходя в город.

Перенаселение пяти западных губерний царской России составляло более двух миллионов крестьян, что составляло более половины трудоспособного населения деревни.

Это вызвало эмиграцию крестьян – наиболее бесправного сословия – в малонаселённые районы России и за границу – в Канаду, США, Австралию и другие страны.

Но несколько семей Кочетов это пока не задело, как пока их вплотную не коснулась и революция, вести о которой всё чаще доходили и до Пилипок.

Через неделю после кровавого воскресенья 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге, весть о котором со временем донеслась и до Западного Полесья, в нескольких городах России состоялись стачки протеста, в том числе и в Варшаве.

А в конце июня до Пилипок уже дошли вести и о восстании на броненосце Черноморского флота «Князь Потёмкин Таврический» и о восстании в Лодзи.

А в октябре началась уже всеобщая всероссийская стачка.

Но расстрел 18 октября в Минске народной демонстрации теперь не на шутку перепугал и крестьян.

А декабрьское вооружённое восстание в Москве окончательно убедило крестьян Полесья поддержать в городах рабочих.

Поэтому в конце этого же года неугомонный сосед Григорий, бывший всего два месяца назад солдатом, уехал в Минск, где сразу вступил в партию «Белорусская социалистическая громада», уже в январе 1906 года поучаствовав наблюдателем на её II-ом съезде.

Но через год эта партия фактически прекратила свою активную деятельность, сконцентрировавшись на издании популярной легальной газеты на белорусском языке «Наша нива», а поучаствовавший в революции крестьянин Григорий вернулся в Пилипки.

И начались годы реакции.

Однако и крестьянам Западного Полесья эта революция кое-что всё же дала. Для всех российских крестьян были отменены выкупные платежи, и им было даровано право на свободное передвижение и выбор места жительства.

– *«Рыгор (Григорий), а ты юсё ж не дарэмна (не даром) з'ездзів у Минск. Вунь нам свабоду перамяшчэння (передвижения) прывёз!»* – немного с завистью шутил Пётр.

Он прекрасно понимал, что ему, обременённому семьёй и хозяйством, сделать тоже, что сделал неженатый Григорий, было просто невозможно.

А хозяйство у Петра было просто на зависть соседям. После завершения строительства хаты с пристройками, он с отцом и его братом построили и второй ряд хозяйственных построек своей усадьбы.

А усадьба Петра Кочета площадью менее двух десятин (полтора гектара), как и большинство усадеб Полесья, была погонной, но двухрядной.

Её ширина по улице составляла чуть больше шестидесяти метров, а длина, с пристройками и двором, с садом, огородом и полем – более двухсот пятидесяти. Кроме того, отец выделил ему по другую сторону от деревни поля площадью четыре с половиной десятины.

Таким образом, Пётр Васильевич Кочет, как проживающий рядом старший сын Василия Климовича, стал владельцем шести десятин земли.

В главном ряду его с чистым двором усадьбы вслед за хатой, стоящей торцом к улице, размещались придомные хозяйственные постройки, включая погреб в сенях для хранения картофеля, квашеной капусты, лука и молочных продуктов.

А далее к заднему торцу дома и к сеням были пристроены тоже срубная истопка (варьвня) с печью-каменкой и очагом-жаровней, также служащая для хранения продуктов и подготовки зимой корма скоту, большая клеть-кладовка, дровница и баня с пристроенным к ней предбанником.

Баню с предбанником (промыльником) Петр Васильевич соорудил из относительно тонких брёвен, с двускатной крышей и двумя оконцами.

Полог выложил из жердей и горбыля.

Вдоль стен он поставил лавки, а у печи разместил полки, на котором потом не раз намыливал тела своей жёнушки и сыночков.

Печь-каменка была сделана тем же знакомым печником, но теперь весьма прогрессивно – с вмурованным в неё котлом для воды, с выходящей на крышу дымовой трубой, и с разогревающимися камнями для образования пара.

Во втором ряду усадьбы – скотном дворе – построек было не меньше.

Этот второй ряд построек соединялся с первым вспомогательными хозяйственными помещениями – поветями, сенниками, и навесами для выгула, под которыми был проезд в сад, огород, на поле и к речке Локница.

Можно было из хаты усадьбы, напоминавшей в плане букву «П» пройти в любое хозяйственное помещение, не выходя под дождь во двор.

Во втором ряду, в основном, были конюшня с тремя лошадьми, хлев (под одной крышей и в одних стенах – коровник, свиарник и овчарня) для четырёх коров, шести свиней, двух кабанчиков, и пяти овец, а также помещения для кур и гусей, под двускатной крышей которых размещался большой сеновал.

Накапливавшийся зимой навоз из хлева не вывозился, обогревая находившихся там домашних животных выделяемым им от брожения теплом. И лишь ранней весной, после схода снега, он вывозился на поля.

А завершался этот ряд в углу двора гумном (клуней) для сушки и хранения снопов – срубной постройкой с неплотно подогнанными брёвнами (для вентиляции) и крутой, низко спускающейся, четырёхскатной соломенной крышей.

Посреди этого гумна был глинобитный ток для молотбы железными цепями, а по его сторонам имелись засеки.

Рядом с гумном самим Петром была сделана двух ярусная сушильня (евня) для сушки над печью-каменкой ещё не обмолоченных снопов.

А в саду, который рос сам собой, было восемь яблонь, три груши, несколько кустов красной и чёрной смородины, и крыжовника.

В огороде, за которым следовало картофельное поле и поле с зерновыми культурами, Кочеты, как и все крестьяне их деревни, выращивали капусту и огурцы, корнеплоды (морковь, репу и свёклу), лук и чеснок, петрушку и укроп, а так же горох и бобы.

Лошади в крестьянском хозяйстве были, конечно, не скаковые, а рабочие, выносливые. Они использовались для пахоты и боронования почвы, а также для перевозки грузов.

Зимой Пётр Васильевич запрягал свою тройку лошадей (реже пару) в им самим же сделанные сани с загнутыми, окованными железом, полозьями и с решётчатым кузовом, и семья разъезжала по окрестностям, по гостям, или на ярмарки в Пасынки или в Бельск-Подляски.

Когда они выезжали всей семьёй за ворота, сидящая сзади на овчине дощатого сидения, его жена Ксения с сыновьями, сквозь набегающий от быстрой езды холодный поток воздуха, кричала мужу:

– *«Петя! Мы едем, ну, прям, как шляхтичи!»*.

– *«Тата, давай хутчэй (быстрей)!»* – подбадривал отца Борис.

– *«Тата, глядзи (смотри) не перакулив (не опрокинь) вазок!»* сдерживал задорно смеющегося отца Петя.

Зимой домашнюю скотину помимо сена подкармливали ещё овсом и мякиной с варёным картофелем.

Почти главной едой в их деревне всегда считалось молоко. Летом от коров Кочеты получали до пяти литров молока в день, а зимой лишь до трёх.

С овец Пётр Васильевич сам состригал шерсть, а после её обработки Ксения Мартыновна пряла из неё сукно, шедшее затем на одежду.

Для этого домашнего зимнего ткачества муж соорудил ей в правом ближнем углу горницы довольно сложный ткацкий станок (кросны).

На его деревянный каркас (ставы) Пётр Васильевич установил два деревянных вала (навои), на один из которых должны были навиваться нити основы, а на другой – наматываться полотно. Он смонтировал и два параллельных прутка (верхний и нижний), на них надевались рядами нитяные петли (ниты), сквозь которые протягивались нити основы.

От количества таких нитов зависел узор будущей ткани.

Сделал он и смонтировал и другие приспособления к станку, завершив его сборку монтажом рычагов и блоков для приведения в движение нитов.

После долгой наладки и опробования, станок заработал, а Ксения просто светилась от счастья, улыбаясь мужу:

– *«Петя, а ты у меня оказываешься большой мастер!»*.

– *«Ды (да) вжо (уж), яки я майстар? Вось (вот) ты зараз будзеш у нас майстрыха. Усих абыходзиш (обошьёшь) и апранеш (оденешь)!»* – не согласился он.

Но теперь Петру нужно было позаботиться об основном сырье.

Ведь для ткачества в домашних условиях был нужен, прежде всего, лён, а потом уже овечья шерсть и волокно конопли.

Но Кочеты лён пока не выращивали.

– *«Кутим у суседзяв. Лён у цябе будзе!»* – успокоил он жену.

На каждом этапе обработки льна использовались свои инструменты и приспособления.

Сначала стебли собранного и высушенного льна вручную перебирались и сортировались женщинами.

Потом обивали льняные головки с семенами, для чего служил валёк (праник).

Далее лён мяли с помощью мялки (церницы), а волокно очищали с помощью трепала (трапла).

А чесали льняное волокно с помощью гребня, теперь уже с металлическими зубьями. Также обрабатывали и коноплю.

Обработка же овечьей шерсти была проще: после стрижки овец её мыли и чесали.

А пряли крестьянки вручную с помощью лопатообразной прялки (прасницы), сматывая готовую пряжу в мотки на вилкообразном мотовиле.

Белорусские крестьянки изготавливали ткани в домашних условиях на горизонтальном ткацком стане, в основе которого была четырёхугольная рама с навоями для пряжи и полотна.

Ткани для женской одежды изготавливались с узорами и клетчатые.

Из шерстяных это были андарак (разновидность юбки) и суконник, а из полотняных – спадница (нательные штаны) и палатняник (фартук).

Изготавливались также декоративные ткани: покрывала, скатерти и полотенца (ручники), а также простые ткани для хозяйственных нужд.

Из тканей крестьянки сами шили себе различную одежду и головные уборы.

Женские головные уборы и причёски сразу всем демонстрировали семейное положение и возраст крестьянки.

Гладко зачёсанные на прямой пробор, заплетённые от затылка в одну или две косы с вплетёнными в них лентами, свободно свисающие вдоль спины волосы, сразу выдавали девичью причёску.

Девичий головной убор не должен был закрывать собой макушку головы.

Поэтому девушки обычно носили венки или головные повязки (шырышки и скиндачки) из сложенного вдвое и завязанного на затылке, тонкого, хорошо отбеленного домашнего холста, шириной до тридцати сантиметров.

Венки же изготавливались на твёрдых лубяных обручах толщиной около десяти сантиметров, которые обшивались домашним холстом, снаружи которого нашивался, ярко разукрашенный цветными нитками, мишурой и бусами, налобник.

К основе венка крепились живые или искусственные цветы, зелёные руту и барвинок, и крашеные перья, а сзади – разноцветные ленты.

Венки ежедневно носились девочками с десяти лет.

А праздничные венки украшались ярче и богаче.

Головной убор замужних женщин был сложнее, и состоял из трёх частей: обруча, чепца и намитки.

По совету матери Анны Васильевны Ксения свой головной убор сделала практически самостоятельно.

На обруч (кибалку, тканку или лямец) из жгута льняной кудели, лубяного ободка или гибких ивовых прутьев она накручивала свои не заплетённые чёрные вьющиеся волосы.

Поверх волос она надевала чепец с рисунками красных оттенков, который стягивала на затылке шнурком.

Свой чепец Ксения связала из домашних разноцветных суровых ниток, украсив налобную часть оборками, кружевами и бусами. Он конечно уступал богатому чепцу какой-нибудь шляхтички, сделанному из парчи с золотой вышивкой, но всё же был красив.

А третьей частью головного убора, как замужней женщины, была намитка, представлявшая собой небольшое белое покрывало, похожее на полотенце.

Ну, а плечи Ксении теперь покрывал большой полосатый платок (хусток, рантух) из шерсти.

Из всех женских домашних зимних промыслов крестьянки деревни Пилипки преимущественно вязали и шили, реже ткали, что иногда делали и мужчины.

А вообще-то в крестьянских семьях Западного Полесья существовало традиционное половозрастное разделение труда. Все хозяйственные работы подразделялись на мужские и женские работы, для взрослых и детей, в основном завися от размера и состава семьи.

Но состав семьи Петра Васильевича Кочета был теперь нетипичным для большинства семей Западного Полесья.

Большая часть отдельно проживающих семей (домов) их деревни были патриархальные. Такие семьи имели до десятка крестьян трёх поколений.

Из всех крестьянских работ чисто мужскими считались пахота и посев, бороньба и косьба, молотьба и заготовка дров, уход за лошадьми и вывозка их в поле, плотницкое и столярное дело, ремонт дома и сельхозинвентаря, и ещё ряд других работ.

Чисто женскими считались приготовление еды и уход за детьми, стирка белья и уборка в доме, шитьё, тканье и прядение, доение коров и уход за домашним скотом и птицей, прополка и уход за огородом, жатва и сгребание сена, уборка картофеля за плугом и теребление льна.

Но в силу обстоятельств эти правила нарушались и женщины выполняли некоторые мужские работы, а мужчины – женские.

Но никогда мужчины в белорусских деревнях не ткали и не пряли, без крайней нужды не стряпали и не доили коров, за исключением Петра Кочета.

И, следуя этой традиции, ни Пётр, ни Ксения обычно не вмешивались в дела друг друга.

Совместно супруги Кочет обсуждали лишь начало тех или иных сельскохозяйственных работ и приобретение или продажу чего-либо, так как всё их семейное имущество они считали общим.

И, естественно, совместным было у них воспитание сыновей, с пятилетнего возраста участвовавших в тяжёлом крестьянском труде. Хотя, конечно, ведущую роль в этом играл принципиальный и строгий отец.

Пошедший в первый класс деревенской начальной школы, Борис уже вовсю помогал отцу по хозяйству.

А любознательный четырёхлетний Петя пока всё ещё чаще находился при матери, с нетерпением ожидая прихода своего старшего брата и его занятий уроками. Но и он с интересом смотрел на домашнее творчество отца, пока больше принимая это за игры.

Как и все в Западном Полесье Пётр Васильевич Кочет был хорошим плотником, к тому же и заправским столяром, умеющим мастерить мебель.

Если практически каждый взрослый крестьянин их деревни, хоть и с помощью родственников и односельчан, мог срубить себе хату и хозяйственные постройки, то хорошими столярами были единицы из них.

А его отец, кроме бондарского промысла, иногда занимался и стальмашным. Он мог изготовить телегу, сани с полозьями, бричку, дуги и оглобли.

Был в их деревне и профессиональный потомственный кузнец – мастер по изготовлению колёс и колёсных ободьев. Занимался он и другим «кавалством».

А в соседней деревне Котлы – один умелец из различных пород дерева изготавливал даже музыкальные инструменты. Среди них были дудки, свистульки, жалейки, цимбалы и даже скрипки.

Семья нищего музыканта из этой деревни периодически заходила и в деревню Пилипки.

Состриженную овечью шерсть Кочеты отдавали кочующим зимой из деревни в деревню мастерам-валяльщикам. А те из неё валяли популярные среди крестьян шапки магерки и войлок для конской сбруи и попон.

Но из-за большой трудоёмкости процесса валяния в подготовке войлока приходилось участвовать всем членам семьи заказчика.

Для придания мягкости и прочности смоченное горячей водой сукно-сырец валяли с помощью ручных приспособлений или топтали босыми ногами в корыте или на полу, толкли толкачом в ступе, или мяли на ребристой поверхности в ручных «валюшах».

Почти аналогичное было и с кожами. Но здесь было разделение труда.

Скорняки (кушняры и чэмбары) занимались выделкой овчин и мехов для пошива зимней одежды.

Шорники (рымары) занимались выделкой сыромятной кожи, из которой шили сбрую: гужи, вожжи, шлеи, постромки и уздечки. Сыромять шла и на пошив кожаных лаптей, и на изготовление поясов, кожаных мешков и прочего из различных хозяйственных и бытовых принадлежностей.

А обувную кожу выделывали кожевники (гарбары). Но это ремесло преобладало в городах, так как такую обувь в деревнях ещё не носили.

Умение мастерить родители прививали и своим сыновьям. И здесь, в отличие от всегда занятых работой отцов, большую роль играли матери.

Но более чем её подруги, образованная Ксения пыталась привить своим сыновьям тягу к знаниям, что ей особенно удавалось с младшим Петром.

– *«Пьер, тую дуа апрэндр, э бьен апрэндр! Тю э трэ капабль. Тю вуа а кель пуан ле фам дю виляж сон дифисиль? Иль зон сомбрэ зэ бушэ. Э лезом сан конэсанс нэ пэв плю! (Петя, тебе надо обязательно учиться, и хорошо учиться! Ты ведь очень способный. Видишь, как деревенским жєницинам тяжело? Они тёмные и забитые. А мужчинам без знаний тем более нельзя!)».*

– *«Уи, маман!»* – соглашался Петя, помогая ей в плетении корзин.

Это домашнее ремесло было массовым. Из лозовых прутьев плели не только корзины и кошёлки, но и рыболовные снасти, а также делали изгороди (плетни).

Но Пётр Васильевич занимался другим. Он мастерил мебель, и не только для себя, но и на продажу.

Он делал, в частности, детские колыбели и короба, кузова саней и телег. Причём он это делал ни сколько из ивовых прутьев, сколько из луба.

Для заготовки сухого луба он сначала топором соскребал с содранной весной липовой коры её верхний слой, затем оставшееся распаривал над костром и клал под груз, а после просушки использовал по назначению.

Из липового лыка он драл мочала. Для этого очищенный от коры луб Пётр сначала замачивал в реке. Затем из содранной с него волокнистой части плёл лапти, кошели (варэньки) и вил верёвки.

А после просушки оставшейся части он разрывали её на узкие ленты, из которых затем делал мочало, плёл или ткал на ручных станках рогожи и циновки, различные сетки, канаты, и вил верёвки для лаптей. И в этом ему активно помогала жена.

Из корней сосны, ели и можжевельника Пётр Васильевич вырезал посуду и домашнюю утварь (ложки, ковши и др.).

Из бересты мастерил солонки, табакерки, сумки, и оплетал глиняную посуду (берасцяники). А из соломенных жгутов он также плёл короба, ёмкости для хранения продуктов, шка-тулки, игрушки и даже летние мужские соломенные шляпы – капелюшы.

Но в своём ежедневном напряжённом труде крестьяне не забывали и об отдыхе.

В семье Петра Васильевича Кочета, как и в других крестьянских семьях деревни Пилипки, отмечались все известные им ежегодные религиозные праздники и справлялись обряды.

Среди праздников были каляды (рождество), вьлтдзєнь (пасха), сёмуха (семик) и другие. А традиционные обряды проводились по случаю сватовства, свадеб, рождения, крестин, первой пахоты и других событий, включая похороны и поминки.

В отсутствие организованной медицинской помощи в Пилипках, крестьяне этой деревни ещё верили в силу заговора и знахарских приёмов, правда, с использованием рациональных средств народной медицины – настоев и отваров из трав и корней. И это часто помогало, но не всегда.

Как толком и не помогало крестьянам царское правительство, по существу лишь занимаясь укреплением власти самодержавия.

С 1907 года, во времена реакции, когда царское правительство стремилось нейтрализовать оппозицию, уехавший в город сосед Григорий Денисюк счастливо избежал участи арестанта и не попал в число более двадцати четырёх тысяч человек, к концу 1908 года прошедших через минскую тюрьму.

А по аграрным реформам премьер-министра П.А. Столыпина, провозглашённым царским указом от 9 ноября 1906 года, уже предусматривалась ликвидация общины, и долгожданный переход земли в личную собственность крестьян.

Этим царское правительство стремилось расслоить крестьян с образованием из них зажиточного слоя, который стал бы опорой самодержавия.

Теперь крестьянину разрешалось не только выйти из общины и закрепить свой надел земли в личную собственность, но и требовать от общины выделение этой земли на одном участке-отрубе, с перенесением туда дома и образования своего хутора.

За время проведения Столыпинской аграрной реформы таких хуторов и отрубов образовалось около ста тридцати тысяч, что составляло более десятой части всех крестьянских хозяйств, примерно с таким же процентом, от находящихся в собственности крестьян, земель.

Причём, созданным властью губернским и уездным землеустроительным комиссиям, давалось право принудительного выделения крестьянам земли на одном участке.

Но, фактически, это коснулось только Витебской и Могилёвской губерний, в которых общинные земли составляли, соответственно, сорок пять и восемьдесят процентов от всех крестьянских земель.

Получив землю в частную собственность, многие крестьяне-бедняки продавали её.

В пяти западных губерниях России за семь лет реакции, вплоть до начала войны, наделенную землю продали более сорока тысяч крестьян.

Однако в Столыпинской реформе содействия сельскому хозяйству было и много положительного.

На десятую часть в Белоруссии увеличились посевные площади, а также поголовье крупного рогатого скота и свиней, потому возросла и товарность продаваемой сельхозпродукции.

Произошли изменения и во внутренней политике, основой которой в годы реакции стал великодержавный шовинизм.

В целях ослабления позиций польских помещиков на выборах в III-ю и IV-ую Государственные Думы, царское правительство сохранило белорусским крестьянам относительно большее представительство от них, чем от крестьян Центральной России, чуть меньше тридцати процентов выборщиков от них.

Представительство же помещиков в числе выборщиков от западных губерний было наоборот снижено, по отношению к Центральной России почти до восьмидесяти восьми процентов.

Как следствие всего этого, в белорусских губерниях абсолютное большинство мест на выборах в III-ю и IV-ую Государственные Думы получили октябристы и черносотенцы.

И действительно, в доказательство этого в Белоруссии были созданы товарищества «Крестьянин» и «Русское окраинное общество», представлявшие собой лишь группы «Союза русского народа», которые стремились сохранить и укрепить позиции самодержавия в Белоруссии.

А созданное в 1908 году в Белоруссии «Западнорусское православное братство» на деле повело борьбу против католичества.

Позже, по прошествии трёх лет после этого, укрепив свои политические и идеологические позиции, царское правительство ввело земство в Витебской, Минской и Могилёвской губерниях. При этом вместо сословных курий (крестьянской и помещичьей) вводились национальные (русская и польская).

Но в Виленской и в Гродненской губернии земства не вводились.

Власть опасалась попадания органов местного самоуправления в этих губерниях под влияние польского и католического дворянства.

Но и русские шовинисты и польско-литовские клерикальные националисты отрицали существование белорусского этноса, выступая против белорусского национального движения, которое в этот период носило лишь культурно-просветительский характер, и центром которого была, издававшаяся в Минске, газета «Наша Нива», боровшаяся против национального гнёта, за признание белорусской нации и культуры.

А к радости крестьян деревни Пилипки в число выборщиков при выборах в Государственную Думу попал их односельчанин – бывший участник русско-японской войны – Григорий Денисюк, опять надолго покинувший родную деревню.

Но через полтора год он всё же возвратился в родные края, рано утром постучав Кочетам в окошко.

Пётр встал и спросонья в одной сорочке попытался выйти в сени.

– *«Петь, хоть спадницы надень!»* – послышался сонный голос Ксении.

Муж повернулся назад и натянул на себя сначала мужские нательные штаны, выпустив на неё белую льняную нательную сорочку без воротника и подпоясавшись тканым с геометрическим орнаментом поясом, а затем надел и суконную безрукавку.

Открыв входную дверь из сеней на улицу, недовольный Пётр сразу узнал Гришу, подобрав и просяив.

– *«Рыгор, раскажы нам, як там у гарадах, у Менску, а можа і у Маскве ведаеш як?»* – по-дружески сразу спросил Пётр, пропуская его в сени.

– *«Ды вельми (плохо) дрэнна (очень). Их органы друку (печати)...»* – начал, было, отвечать раздевающийся гость, но сразу был перебит нетерпеливым хозяином:

– *«А каго их?»*.

– «Ды чарнасоценцав гэтых! Дык вось (так вот), «Виленски Весник», «Минскае слова» и «Селянин» разгарнулі шавиністычную агітацыю супраць палякаў, яўрэяў, нашага Беларускага нацыянальнага руху (движения) і газеты «Наша Нива», як супраць ворагаў адзінай (единой) і непадзельнай (неделимой) Расіі!».

– «Так (да), ну!» – іскренне удзіўляўся Пётр, постесняўшыся переспросіць у друга значэння пака непянятных яму слоў.

– «Дык (так) гэта (эта) яшчэ не усё! Ствараюцца (создаются) усякія грамадства (общества) для абароны (защиты) цара і барацьбы (борьбы) супраць (против) каталікоў у Польшчы!».

– «А ты як?».

– «Так я спалохаўся (испугался) і уцёк (убежал)!».

– «Я гляджу, нам, беларускім сялянам, дрэнна (плохо) жывеца пры царызме, як пры рускіх праваслаўных, як ты сказаў, шавіністах, так і пры польскіх панах-каталіках! – мудра заключыў Пётр. – Усё ж патрэбна рэвалюцыя!».

– «Пётр, ты вельмі (очень) добра сказаў! Давай запішам твае словы, і напишам нататку (заметку) ці (или) нават (даже) артыкул (статью) у газету «Наша Нива». У мяне сувязь з ёю ёсць!» – прапанаваў Грыгорый.

– «Ды кинь (брось), ты, Грыша, якую нататку (заметку)? Ды (да) яшчэ артыкул (статья)! Далей (подальше) трэба (надо) трымацца (держаться) ад (от) гэтай (этой) палітыкі! Цэлы будзеш!» – катэгорычна не сагласіўся з ім Пётр.

І паступенна ў Расіі ўсё больш ці менш успакойналася, як і ў заходна-беларускай дэравне Піліпкі. Пака палітыкі ў крупных гарадах краіны бароліліся за ўладзь і плелі свой інтрыгі, крэсьціяне па ўсё Расіі займаліліся сваім трудом.

Собіраючыся на зімнюю ярмарку ў пачатку 1909 года, Пётр спачатку надел празаднічную сорочку з невысокім стаячым воротніком на двух пуговіцах сперэды, і вышэлі з горніцы ў хату.

А там ужо заканчывался шутлівый разгавор Ксеніі з Грыгоріем.

– «Грыша, а што гэту сорочку з отложным воротничком, как у мелкого шляхтича?» – вдруг спрасіла Ксенія.

– «Так яна ў мяне яшчэ і з карункамі (кружевами), як у цябе!» – горду адветілі Грыгорый, будту нечаянно расстегівая верхнюю пуговицу, закрывающей сорочку, короткой до талии безрукавки.

– «А откуда ты это знаешь? Моя ж спадница (полотняная юбка) сорочку закрывает! Да и фартук всегда сверху!» – вдруг смелу пошутіла Ксенія, ніжэ жывота дотрагіваяся до расшитого кружевами длинного фартука, і от лёгкого наклона звеня стэкланымі бусамі і серыгамі.

– «Так ж у цябе карунки (кружева) не там, а тут!» – пака Пётр не зарэвновал, быстро нашёлся Грыгорый, паказываю на грудзь молодой женщины.

– «А аб чым гэту (эту) вы цяпер (сейчас) размаўлялі (разговаривали)? Змаўляліся (сговаривались), ці (или) так?!» – паддэржал шутку неадзіданна паявіўшыся Пётр.

Он сел на скамью и начал обуваться в кожаные лапти маршачки, которые давно сам же и сделал из овального куска сыромятной коровьей кожи, выкроенной по размеру ступни, но с припуском на борта, носок и задник.

По краям Пётр вырезал отверстия, через которые пропустил оборы, сморщивавшие кожу при их затягивании.

– «Грыша, а я смотрю, ты надел хадаки!?» – риторычна спрасіла Ксенія – неплоху жывёшь!» – прадоўжыла она с завистью.

Хадакі былі нарядней, чэм маршачкі. Они делались из прямоугольного куска кожи, сшиваемого по центру впереди ступни, обычно образуя острый носок.

Затем, через специально проделанные отверстия в загнутых вверх краях этого куска кожи, его стягивали лыком, бечёвкой или ремешком, притягивая лапти к ноге. Но на хадаках Григория была бечёвка.

Друзья носили такие лапти только по праздникам, обувая в обычные дни, как и все крестьяне их деревни, самую распространённую обувь – круглогодичные самодельные лапти, сплетённые дома с помощью простейших инструментов из лозы и лыка.

К ноге они крепились пеньковыми оборами, которые протягивали через вплетённые в лапти ушки. Их носили ежедневно при выполнении всех видов работ на улице, и дома.

В морозы ступни утепляли мягкой соломой или сеном, поверх которого накручивали матерчатые портянки.

А летом чаще ходили босиком.

Пётр обулся и перед выходом на улицу надел свой крестьянский кожух из отделанной бараньим мехом овчины, застегнул его на середине живота застёжкой, и, высунув из длинных рукавов руки, отвернул ими назад широкий отложной воротник.

– *«Нет, Петя, ты так замёрзнешь. Дорога ведь дальняя, а там сильный ветер. Надень поверх ещё и епанчу. Она ведь из плотного сукна, не продует. И пристегни башлык!»* – посоветовала Ксения.

– *«Да ну, гэтую (эту) чую, нязручна (неудобно) у ёй будзе (будет)!»* – возразил Пётр.

– *«Тогда возьми синий кафтан с красными обшлагами! Будешь, как пан!»*.

– *«Добра (хорошо), я надзёну (надену) гэтую (эту) сярмягу!»* – теперь согласился муж.

Накинув шубу, он потянулся за своей коричневой каждодневной зимней шапкой.

– *«Петь, подожди!»* – остановила его жена.

Она перебрала в сундуке суконные и войлочные шапки, носимые мужем в остальное время года, и достала сразу две нужные шапки.

– *«Петь, надень сегодня на голову лучше вот эту кучму, – протянула Ксения ему шапку из чёрной домашней овчины – или возьми серую. Они лучше подходят по цвету к твоему кафтану, чем коричневая».*

Тогда крестьяне Западного Полесья повсеместно и в любое время года носили разнообразные по форме и материалу головные уборы, которые отражали социальный статус их владельцев больше и наглядней, чем любая другая часть их одежды.

У всех сословий западно-белорусского населения были целиком меховые, или с меховым околышем, высокие и низкие шапки, отличавшиеся только качеством меха и украшениями.

Друг Григорий пришёл к Петру в рогативке – шапке с высоким околышем из натуральной овечьей шерсти с четырёхугольным верхом, сшитым из кусков добротного сукна красного, жёлтого и синева цвета.

А в тёплое время вместо меховых и суконных шапок на мужчинах их деревни можно было увидеть широкополые соломенные или с малыми полями войлочные шляпы (капелюши) с чёрной лентой вокруг тульи.

И в этом сосед Григорий Денисюк выделялся среди других крестьян.

Щёголь носил войлочную магерку – невысокую светло-серую шляпу с плотно прилегающими к тулье узкими полями – по типу шляхетской «баторовки», пошитой из бархата и украшенной перьями.

Кроме достатка и вкуса, мужские головные уборы более ничего не выдавали об их владельце.

Григорий с Петром сели в его сани и южной дорогой выехали в Пасынки.

Быстро и удачно закончив на ярмарке куплю-продажу, друзья решили это отпраздновать, по не ими установленной традиции зайдя в придорожную корчму.

Западно-белорусские крестьяне, впрочем, как и подавляющее большинство крестьян на Руси, больше всего страдали от пьянства, от которого затем впадали в нужду.

Если более зажиточные крестьяне, к коим относились и все Кочеты, оставляя у себя необходимое для пропитания своих семей количество продуктов, остальные продавая на ярмарках, покупали на вырученные деньги другие нужные на селе товары, то другие крестьяне вырученные деньги попросту пропивали в расположенных по дорогам многочисленных корчмах.

Но в семьях Кочетов испокон веков это не было принято.

Не считая пива, основным напитком в корчмах всегда была водка, которую любили пить и мужчины и женщины, старики и, едва достигшие двенадцати лет, дети.

– *«Яны пропиваюць у карчме усё!»* – говорил про таких людей Пётр Васильевич.

К тому времени водка сделалась почти неизбежной принадлежностью крестьянского быта.

Даже нанимаясь на работу, пьющие крестьяне обговаривали с нанимателем ежедневную, сверх условленной платы, рюмку водки для себя.

– *«Яны цяпер не могуць абмыцца без магарыча!»* – продолжал свою мысль Пётр Васильевич, зло сплёвывая на землю.

И в этот базарный зимний день Григорий решил угостить Петра за помощь в приобретении какой-то важной для него вещи, пригласив его в ближайшую корчму.

– *«Добра, пайшли, Рыгор (Григорий) – согласился непьющий – хоць сагрэюся!»*.

А на улице было морозно и уже вечерело.

В довольно большой комнате с широкой печью слева от входа и сырым глиняным полом, за столами на лавках вдоль некогда побеленных грязных стен сидело много народу – десятков семь.

Её середина, предназначавшаяся для танцев, пока была пуста.

В нос вошедшим сразушибанул крепкий запах, перемешанного с табачным дымом, сивушного перегара.

Они прошли в глухой угол, усевшись на свободные места.

К новым посетителям тут же подскочил подросток:

– *«Што жадаеце, спадары (Что желаете, господа)?»*.

– *«Гарэлки па чарачкамі (Водки по шкалику)»* – поскромничал Григорий, давно знавший непьющего Петра.

– *«Не, лепш пива (Нет, лучше пива)!»* – возразил тот, с недовольным видом оглядываясь вокруг.

– *«Добра! Падайце нам ... гарнец пива!»* – теперь шиканул односельчанин.

Пока подросток разносил заказы по столам, торопливо сгребая с него крестьянские деньги, вспотевший от заботы корчмарь еврейской внешности и его жена усердно разливали водку и пиво.

– *«Ну и п'янь тут сабралася! Дурни адно! Вунь як их грошы огребают за гапlickи (крючки) гарэлки (водки)!»* – в ожидании снова заворчал Пётр, брезгливо разглядывая публику.

В основном за столами сидели невесёлые мрачные деревенские мужики, пившие вяло и долго, с флегматичным видом ведя друг с другом длинные беседы, при этом почёсываясь и неспешно покуривая свои вонючие самокрутки. От усталости и хмеля некоторые из них с трудом подпирали свои головы руками с широко расставленными локтями.

Иные умудрялись даже задремать во время такой беседы и под смех собутыльников удариться лицом о стол.

Трое, допившиеся из них, жалуясь друг другу на горькое житьё, уже распустили нюни, и почти плача полезли лобызаться друг с другом.

Почти у выхода двое подвыпивших молодых парней уже считались между собой, чуть ли не доводя спор до драки.

А две незамужние молодухи, морщась выпившие стоя, и медленно перемещавшиеся по корчме, продолжали своими звонкими голосами громко и с ужимками, но бессвязно и очень

оживлённо, разговаривать друг с другом, с призывными улыбками ища глазами возможных кавалеров на вечер и даже на ночь.

Односельчане, как это часто бывает у мужчин, свой разговор начали с хозяйственных дел, потом постепенно перешли на политику, а с неё, естественно, на женщин.

– «Ух, и жонка у мяне, дружка! Маладая, прыгожая, хату у парадку трымае (держит), за дзецьмі даглядае!» – гордо похвалился Пётр Васильевич Кочет.

– «А у мяне... Вочы б не бачыли. Увесь час (всё время) гарлапаниць (орёт), лаецца (ругается), дзяцей пры мне карае (наказывает), каб (чтоб) тыя (те) плакали мацней (сильней) и мяне даймали. Ух... зараза чортава! – поделился горем Григорий – а бо (ведь) я яе не бю (бью)! А мабыць (может) тэпер трэба усё ж!».

– «Ды (Да) цябе не пазайздросіш (позавидуешь)! Можса ужо прыйшла пара разоко пабіць яе моцна (сильно)?!» – неожиданно даже для себя самого посоветовал Пётр.

– «Так (Да), цябе лёгка раіць-тое (советовать-то)! Ты вунь (вон) сваю идзи (поди) яшчэ (ещё) ни разу пальцам не кранув (тронул). И я таксама (тоже). Бо (ведь) люблю яе, заразу! И шкада (жалко) будзе (будет), кали пабью. Рука-то у мяне вунь якая цяжская (тяжёлая)!» – возразил односельчанин.

– «Так (Да), баб лепі (лучше) не біць. Бо (ведь) яны даликатныя (хрупкие)..., пакуль (пока) маладыя!» – согласились оба, глотая последние капли пива.

– «Давай, Пётр, да дома. А то нас жонки зачкалися (заждались)!» – предложил Григорий.

Закончив, затянувшееся из-за излишнего объёма пива, его питье, односельчане вышли на улицу.

Увидев всё это, с тяжёлым камнем на душе, Пётр Васильевич с наслаждением и каким-то внутренним очищением вдохнул живительного, свежего морозного воздуха.

– «Я вось гляджу, дружка, да чаго ж вясёлы, пакорливы и лагодны (кроток) наш народ!?» – поделился он с другом Григорием вечно подавляющим его мысли.

Они сели в, запряжённые застоявшейся лошадей, сани и с хорошим настроением поехали домой.

А дома молодая заждавшаяся жена неожиданно устроила Петру допрос, сразу перешедший в разнос:

– «Ты, что муженёк, забыл про нас?! Где шлялся-то? У какой ещё молодухи ошивался-то?! Все мужики давно вернулись, а ты за кем ушивался-то?!» – схватила она мокрую тряпку, скорее демонстративно огрев ею мужа по спине.

Не ожидавший такого поворота событий, смиренный Пётр от несправедливой обиды вдруг сразу взбеленился. Ведь Ксения никогда ранее не позволяла себе ничего подобного, даже просто грубого слова и косога взгляда в адрес любимого мужа.

Он правой рукой выхватил у жены тряпку, не глядя швырнув её через плечо, а своей левой тяжёлой крестьянской рукой залепил ей со всего маху пощёчину.

Удар оказался таким сильным и неожиданным, что молодая женщина, не успев даже вскрикнуть, отлетела в сторону, больно ударившись спиной о пол, а затылком о ножку лавки.

Увидев на полу неподвижную жену с закатившимися глазами, Пётр сразу протрезвел.

Он наклонился над Ксенией, одной рукой приподнял с пола её голову, а другой стал легонько трясти за плечо, сквозь сразу выступившие слёзы вымаливая прощение:

– «Ксюша, уставай! Жоначка мая милая, даруй (прости) мяне, старога дурня. Не хацев (хотел) я так. Я неспадзявана (начаянно). Даруй (прости) мяне. Ну, уставай! Кали ласка (пожалуйста)!».

Наконец, Ксения застонала и приоткрыла глаза. Пётр стал осыпать её лицо поцелуями, ласково разглаживая её густые выющиеся чёрные волосы, словно от этого что-нибудь зависело.

Он взял жену на руки и понёс к проснувшимся сынкам на печку.

– *«Сынки пущице (пустите) мамку, яна выцяла (ушиблась)»* – помог он Ксении взобраться на печные полаты.

А утром всё происходило, как обычно, только Ксения надолго перестала быть инициатором разговоров, лишь односложно отвечая на вопросы мужа.

И с тех пор Пётр стал замечать, что жена стала как-то сторониться его.

Она старалась не только не разговаривать с ним, тем более спрашивать его о чём-либо, но даже встречаться с мужем глазами, не касаться его, и даже, как бы невзначай, увёртывалась от его рук.

Лишь через несколько дней Ксения смягчилась. И виной тому в большой степени стали их сыновья Борис и Пётр.

А ежедневный крестьянский труд и общие заботы о детях и доме постепенно сгладил взаимные обиды в семье Петра Кочета.

Из-за налаженного быта из года в год постепенно супругам Кочет становилось жить всё легче и легче. Да и сыны подрастали и всё больше помогали по хозяйству.

В конце весны, летом и ранней осенью 1909 года, подросшие первоклассник Борис и дошкольник Пётр, попеременно с родителями, уже частенько одни пасли своих лошадей, коров, свиней и овец на общинных пастбищах и в лесных урочищах, гоняли гусей на реку и обратно.

После уборки урожая Ксения навестила своих родителей в деревне Котлы, где сфотографировалась им на память.

Для этого она дома красиво приделалась и обулась в свои любимые праздничные женские башмаки (чаравики), специально изготовленные для неё на заказ.

Такую обувь все зажиточные крестьянки их деревни носили только по праздникам.

В приданом Ксении были и женские сапожки, и нарядные башмаки на толстой подошве с совсем невысоким голенищем, перешедшие старшей дочери от матери.

И она их тоже надевала по праздникам, остальное время бережно сохраняя в сундуке.

Ксения вообще как-то внутренне абстрагировалась от многих деревенских обычаев, укладов и местной моды.

Видимо всё-таки через поколения сказывалась её шляхетская и дворянская кровь.

Поэтому она фотографировалась не в традиционном праздничном деревенском наряде, а в том, что ей самой по-правде нравилось.

Она словно предчувствовала последнюю возможность запечатлеть себя для родителей, семьи, детей и потомков.

Но в 1910 году Ксения неожиданно скончалась от неизвестной и скоротечной болезни, оставив мужа одного с сыновьями. Борису тогда было уже девять, а Петру шесть лет. Сыновья не видели, как соседки обмыли их умершую мать, и одели в заранее приготовленную одежду.

Ксения уже чувствовала, что умирает и попросила ухаживавших за ней в последние дни мать и свекровь приготовить длинную рубаху на случай своей смерти.

Не желавшие мириться с неожиданной утратой, женщины, во главе с Анной Васильевной, украсили голову Ксении венком из цветов, как обычно украшали умерших девушек и невест. После этого гроб поставили на лавку головой в угол горницы, и пустили сыновей проститься с матерью.

Тут же со старшей дочерью попрощался и её отец Мартын Николаевич Раевский.

Мальчики, особенно младший Петя, не понимали, что случилось с мамой. Почему она не встаёт и не гладит их по головке, приговаривая ласковые слова. Хоть Пётр Васильевич и воспитывал из них настоящих мужиков, но все дети всё равно всегда любят материнскую ласку.

На второй день, после многочисленных прощаний и причитаний, где громче всех голосила Анна Васильевна, и отпевания отцом Сергием в Православной Церкви Рождества Святого

Иоанна Крестителя в Пасынках, двадцатилетнюю Ксению Мартыновну похоронили на местном старом деревенском кладбище недалеко от часовни Святой Анны.

После похорон, как обычно, родственники и соседи собрались в доме усопшей на поминки. А через шесть дней провели «шасцты», через сорок дней – «сарачыны», а через год – «гадавши» с поминками по умершей.

Белорусы ежегодно, и четырежды в год, справляли дни всеобщего поминания (радзше-ляу) всех умерших родственников (дзядзы).

А главным поминальным из этих дней считалась «радутца», отмечаемая во вторник после пасхальной недели.

В конце весны 1911 года, помянув Ксению, Пётр начал рытьё нового колодца, так как старый колодец, оставшийся ещё от прежних владельцев земли, сильно прогнил и обветшал.

А свои колодцы были во всех крестьянских дворах их деревни Пилипки.

И теперь, сделав сруб из дуба и ольхи, он вырыл в своём хозяйственном дворе колодец глубиной около шести метров, из которого воду также поднимали с помощью журавля.

А на окраине их деревни к тому же был ещё и обустроенный родник.

Но крестьяне не только пили чистую воду из родника, но и «пили из родника знаний».

При поддержке родителей крестьянские дети тянулись к школе.

Вот и постоянная тяга младшего Петра к знаниям помогла ему, уже после смерти матери, успешно начать с сентября 1912 года обучение в церковноприходской школе в ближайшем селе Пасынки под присмотром двоюродного деда – настоятеля местной Православной Церкви Рождения Святого Иоанна Крестителя – Сергея Климовича.

Отец послал его учиться в Пасынки, не только как более способного из двух сыновей, но и с целью облегчения своей участи. Ведь его старший сын Борис, сильный и большому обученный, лучше помогал ему по хозяйству.

И теперь, оставшийся в деревне без младшего брата, Борис, ни сколько скучал, сколько завидовал младшему, пусть временно, но зато рано и вне очереди вырвавшегося из-под родительского крыла.

– *«Вось (вот) и добра (хорошо), Пеця, што цябе бацьки (родители) даслалі да мяне. Вывучыўшыся тут і чалавекам станеш. Не будзеш ад (от) бацькавай (отцовской) капрызе (прихоти) пакутаваць (страдать)!»* – обрадовал Петю Сергей Климович.

– *«Як гэта (как это), дзядуля (дедушка)?»* – удивился Петя.

– *«А вось (вот) так. Каму бацьки даюць у спадчыну (в наследство) зямлю? Старэйшаму! А табе Што рабіць (делать)? У прымакі (примаки) ісці (идти)?»* – продолжил служитель культа.

– *«А хто гэта (это) такая?»* – удивился внучатый племянник.

– *«А вось (вот) слухай!»*.

И Сергей Климович подробно и в лицах рассказал внучатому племяннику, кто такие примаки.

У крестьян Западного Полесья были большие семьи и много детей.

И если старшему сыну перепадал от отца кусок земли, то младшим сыновьям уже нечего было давать. Да и ещё одну невестку вести в отцовский дом было некуда. И так тесно.

Поэтому младшие сыновья после женитьбы не были свободны в выборе, они не могли быть самостоятельны, и им, со всеми вытекающими последствиями, приходилось уходить жить к тётке. Такое явление в дореволюционной Белоруссии называлось приймачество.

– *«Пеця, яшчэ у песні спяваецца: прымачча доля сабачча! Як у твайго дзядзькі Захара Климовіча»* – объяснил Сергей Климович суть дела.

А чтобы младший сын не скучал по своему старшему брату и по своим деревенским друзьям, отец передал Петру в Пасынки фотографию Бориса в окружении соседских мальчишек, сделанную, вернувшись из Минска, его закадычным другом Григорием Денисюком.

Григорий стал модным и галантным, любил нравиться окружающим, но не любил, когда кто-то пытался руководить им. С некоторых пор он стал единственным, но хорошим фотографом в деревне Пилипки. Появился у него и некоторый журналистский дар – он начал вести хронику событий.

На выходные, каникулы и на всё лето Пётр Васильевич, конечно, забирал Петю домой, где он играл с Борисом и соседскими мальчишками, не забывая помогать отцу и брату по хозяйству.

В отсутствие матери, дед Василий Климович стал чаще общаться с внучатами, передавая им свою любовь и навыки.

В свои почти семьдесят лет их дед был величав и царственен. Он носил опрятную седую окладистую бороду и почти такие же усы.

С самого малолетства он прививал своим внукам любовь к животным, к домашней скотине, и, вообще, к любому живому существу. У доброго деда всегда было много друзей и приятелей. Отвечая ему взаимностью, его любили не только люди, но и животные. Иногда Василий Климович брал внуков с собою в лес по грибы и ягоды, а также собирать валежник.

Крестьяне Западного Полесья в подавляющем большинстве любили свой, дарующий им жизнь, лес и по-возможности помогали ему – чистили от бурелома, валежника, головешек и залежей.

Так и жили они без матери последующие три с лишним года, пока Пётр Васильевич осенью 1913 года не женился снова.

На этот раз его четвёртой женой стала, знающая себе цену, и потому несколько засидевшаяся в девках, двадцатиоднолетняя односельчанка и племянница Григория – признанная местная красавица Гликерия Сидоровна Денисюк, до этого давшая от ворот поворот не одному десятку женихов, тщетно стремившихся завоевать эту неприступную гордячку.

После венчания в церкви, из Пасынок поехали на тройке. Отец держал на коленях насосем возвращенного в Пилипки девятилетнего Петю, позволив старшему – двенадцатилетнему Борису – править лошадьми.

Его новая жена Гликерия Сидоровна Денисюк была единственной в семье дочерью, признававшей только авторитет своего отца, росшей озорной и чувствительной. И именно дядя Григорий посоветовал своей, засидевшейся в девицах, двадцатиоднолетней племяннице обратить внимание на своего друга детства – сорокашестилетнего вдовца Петра Васильевича Кочета.

Она долго искала свой идеал, ожидая принца на белом коне. Он и прискакал к её крыльцу, но не на коне, а на возке, запряжённом двумя кобылами.

По характеру Гликерия Сидоровна была спокойной и уравновешенной, всегда приходившей на помощь и поддерживающей в трудную минуту женщиной. Лишь иногда она проявляла твёрдость и упрямство в решении каких-либо вопросов, часто субъективно полагаясь лишь на интуицию. А избирательность её памяти часто мешала ей шире взглянуть на происходящее вокруг.

Она сразу и активно вступила в обязанности хозяйки дома, чему уставший от этого Пётр Васильевич вовсе не препятствовал.

К тому же она не лезла в дела мужа и в его епархию, подчиняясь ему.

А в хозяйстве была экономна и бережлива.

Гликерия любила детей и с удовольствием играла роль матери для Бориса и Петра, быстро понравившись тем добротой и лёгкостью общения.

По примеру своего отца Сидора – старшего брата Григория – она читала уже не маленьким Борису и Петру сказки на ночь.

Но не забывала она проверить у них и приготовление уроков, и качество их одежды, заботясь не только о сытости плотской, но и духовной, требуя от них ежедневного чтения книг. Всей своей бурной домашней деятельностью Гликерия Сидоровна старалась создать о своей семье положительное впечатление в глазах окружающих.

Её и так высокий, ещё до замужества, авторитет в деревне Пилипки, как доброй и порядочной девушки – но на первый взгляд простушки, теперь дополнительно подкреплялся её проявившейся не только открытостью и добродушием, но также настойчивостью и основательностью человека, знающего, что ему нужно в жизни.

В общем, Гликерия Сидоровна Денисюк оказалась заботливой женой, отличной хозяйкой, доброй и ласковой мачехой. Но мать она заменить полностью, конечно, не могла, особенно для младшего Пети. И это всё ещё печалило парнишку.

А пока все семьи справных крестьян Кочетов, как и всё зажиточное крестьянство Западной Белоруссии, трудились в своих хозяйствах и своим каждодневным трудом крепили фундамент Российского государства.

Но начавшаяся I-ая Мировая война, пронесшаяся по этому краю, нанесла сокрушительный удар по этому фундаменту.

Глава 2

Сомнения (1914 – август 1915 гг.)

Укрепление крестьянских хозяйств – экономического фундамента Российской империи – после революционных бурных событий и последовавшего за ними естественного периода реакции, привело к развитию всей экономики страны.

За увеличением, в результате аграрной реформы, объёма производимой Россией сельхозпродукции, в полтора раза увеличилось и промышленное производство.

Этому способствовали и увеличение товарности сельхозпродукции, и начавшееся перевооружение армии и флота, и возросшая покупательная способность населения, и иностранные займы.

Началось укрупнение и монополизация производств, появились тресты, концерны и синдикаты, образовались финансово-промышленные группы.

Но, несмотря на экономический рост, Россия продолжала оставаться преимущественно аграрной и недостаточно технически развитой, зависящей от западноевропейского капитала, страной, по объёму промышленного производства занимающей пятое место в Мире и четвертое в Европе.

В результате этого превращения России в финансово-зависимую от Запада страну под контролем иностранного капитала оказались добыча железной руды, угля и нефти, металлургическая, электрическая и электротехническая отрасли промышленности.

Стал постепенно и непрерывно нарастать внешний долг России Западу, а с ним росла и экономическая зависимость от него.

В эти годы на Россию приходилось уже тридцать процентов мировых финансовых долгов, надёжно превращавших её из просто зависимой страны в полуколонию. И такой капиталистический путь развития России неизбежно вёл страну в тупик.

Этот путь развития России неизбежно порождал и рост социально-экономических противоречий и, как следствие этого и, несмотря на поражение революции, дальнейший рост классовой борьбы российского пролетариата за свои права и интересы.

И ещё с лета 1910 года в ряде мест, начиная с Москвы, вспыхивают стачки.

А после Ленского расстрела мирного шествия рабочих в 1912 году количество протестных стачек перерастает в настоящую волну, захлестнувшую уже практически всю страну.

Нарастая в 1913 году, рабочее движение достигает своего наивысшего подъёма к первой половине 1914 года. И теперь, наряду с выступлениями рабочих в городах, начались и крестьянские волнения в ряде губерний, а затем и волнения в армии и на флоте.

Российскому государству стал грозить новый социальный взрыв.

Однако это практически не коснулось в основной своей массе самостоятельного и зажиточного крестьянства Западного Полесья.

Со своим укладом жизни, своими традиционными нравственными ценностями и принципами, имевшее в частной собственности существенные наделы земли, но решавшее многие свои задачи в разных видах кооперации и на общинном уровне, оно пока не поддавалось новым социальным, тем более революционным веяниям.

Относительно успешное внутриэкономическое развитие России в этот период, попытка выйти из экономической и финансовой зависимости от Запада, и попытка перевести активность народных масс с революционной на патриотическую волну, привели царское правительство к желанию военным путём решить в свою пользу ряд накопившихся национальных внешнеполитических проблем.

В частности, в планах царского правительства было получение контроля над Босфором и Дарданеллами, а также присоединение к России части Османской империи – Восточной Анатолии, с проживавшими на этой территории христианами-армянами.

Также царское правительство было обеспокоено усилением германской гегемонии в Европе, в частности строительством железной дороги Берлин – Багдад, и австрийским проникновением на Балканы. Оно настаивало на своём исключительном праве протектората над всеми территориями проживания славянских народов, поддерживая на Балканах антиавстрийские и антитурецкие настроения, в частности у Сербов и Болгар.

А затихшая до поры до времени на территории бывшей Польши националистическая шляхта мечтала, воспользовавшись новой войной, обрести независимость от России и собрать прежние польские земли в единое государство.

Но, кроме российского царского правительства, новую войну хотели практически все крупные европейские государства, желавшие передела Мира, и не видевшие других способов разрешения проявившихся взаимных претензий и накопившихся противоречий, особенно Англия.

Давно ведшая против Германии необъявленную торгово-экономическую войну, Великобритания была недовольна её проникновением на Балканы, Ближний Восток, в Восточную и Юго-западную Африку, и хотела посчитаться с нею за поддержку буров в англо-бурской войне.

Несшая же убытки в торговле и проигрывавшая конкуренцию немецким товарам, Франция стремилась взять реванш у Германии за поражение в войне 1870 года, вернуть себе Эльзас и Лотарингию, захватив и немецкий Саарский угольный бассейн.

А, стремящаяся к политическому и экономическому господству в Европе, Германия форсировано наращивала свой экономический и военный потенциал, усиливая своё влияние на Балканах и Ближнем Востоке, желая отнять у России Польшу, Украину и Прибалтику, лишить Великобританию морского господства, отняв у неё, а также у Франции, Бельгии, Голландии и Португалии – часть их колоний.

Она также противодействовала России в решении славянского вопроса.

Стремящаяся же к усилению своего влияния на Балканах, Австро-Венгрия, которую постоянно раздирали национальные восстания, хотела удержать в своём составе Боснию и Герцеговину, воспрепятствовав желанию России подчинить себе Босфор и Дарданеллы.

Становившаяся же лакомой добычей, постепенно разваливающаяся Османская империя, стремилась сохранить единство нации и вернуть, утраченные в ходе Балканских войн, территории.

К тому же масла в огонь подливали недавно получившие независимость Болгария с Сербией.

Поэтому Балканы, где сошлись интересы Османской империи, Австро-Венгрии и Германии с одной стороны, и России, Великобритании и Франции – с другой, в итоге и стали настоящей пороховой бочкой.

К 1914 году взаимные интересы развели европейские страны по соперничающим и противоборствующим блокам.

В Антанту, окончательно оформившуюся ещё в 1907 году, входили Великобритания, Франция и Россия.

В противостоящий ей, ещё в 1882-ом году созданный, Тройственный союз входили Германия, Австро-Венгрия и, объявившая с началом войны о нейтралитете, Италия, а также Османская империя.

В таком тяжёлом и неоднозначном положении в августе 1914 года Россия вступила в мировую войну.

Формальным поводом для начала войны явилось убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франса Фердинанда с супругой, совершённое ещё 15 июня. Так наступило лето 1914 года.

Это убийство в столице Боснии и Герцеговины осуществил девятнадцатилетний боснийский серб, студент, член организации «Чёрная рука» движения «Молодая Босния» Гаврило Принцип.

Через месяц после этого, 15 июля 1914 года, Австро-Венгрия прямой телеграммой объявила войну Сербии, и в этот же день начала интенсивный артиллерийский обстрел Белграда.

Согласно договору, Россия, естественно, должна была поддержать союзническую Сербию, вступившись за неё.

В тот же день сербский посланник в России Мирослав Иванович Спалайкович сообщил министру иностранных дел России Сергею Дмитриевичу Сазонову о начале Австро-Венгрией военных действий против его страны. И в Берлин было послано сообщение, что 16 июля в России будет объявлена частичная мобилизация.

Более того, российский император Николай II-ой, не хотевший войны и принявший со своей стороны все возможные меры по её недопущению, в тот же день 15 июля отправил личную телеграмму германскому кайзеру Вильгельму II-му, в которой просил того воздействовать на Австро-Венгрию.

Он даже поначалу отменил решение высших российских военных о всеобщей мобилизации, поручив послать телеграмму германскому правительству, что у России нет завоевательных планов против Германии.

Такое же сообщение было передано в Вену, Париж и Лондон.

А на следующий день 16 июля в своей новой телеграмме на имя германского кайзера российский император предлагал передать рассмотрение австро-сербского конфликта на Гаагскую конференцию, чтобы предотвратить кровопролитие. Но Вильгельм II-ой даже не ответил на неё.

Тогда днём Николай II-ой подписал два варианта Указа о мобилизации: о частичной и о всеобщей, делегировав окончательное решение этого вопроса Совету министров.

После дневного заседания Совета министров России с обсуждением создавшегося положения, вечером в кабинете начальника генерального штаба Николая Николаевича Янушкевича в присутствии военного министра Владимира Александровича Сухомлинова и министра иностранных дел Сергея Дмитриевича Сазонова, было принято решение о необходимости всеобщей мобилизации, о чём было сразу по телефону доложено царю.

Утром 17 июля Николай II-ой в новой телеграмме снова убеждал германского кайзера повлиять на Австро-Венгрию. Днём он послал в Берлин к своему личному представителю при кайзере генералу Илье Леонидовичу Татищеву ещё одно письмо к Вильгельму II-му с просьбой о содействии миру. Но уже вечером того же дня под давлением военных чиновников российский император дал разрешение приступить к всеобщей мобилизации.

Однако подготовка к возможной войне в самой российской армии началась за несколько дней до этого.

Ещё 13 июля 1914 года в пять часов утра капитан Александр Арефьевич Успенский проснулся от громкого стука в дверь своей комнаты, услышав встревоженный голос вестового рядового Михаила Ерёмкина:

– *«Ваше Высокоблагородие! Вставайте! Тревога!».*

Для него – сорока однолетнего капитана российской императорской армии уже тогда так начиналась эта Великая война.

Будучи выпускником Литовской духовной семинарии, он и должен был пойти по этой церковной стезе. Но в 1891 году девятнадцатилетний Александр Успенский на правах вольно-

определяющегося пошёл служить рядовым в 108-ой Саратовский полк, так необычно начав свою блестящую военную карьеру.

Но, как выбравшего воинский путь и образованного, его сразу послали на учёбу в Виленское пехотное юнкерское училище, после окончания которого, в августе 1894 года, ему присвоили звание подпрапорщика.

Через год он уже подпоручик, а ещё через четыре года, в 1899 году – поручик. В 1903 году А.А. Успенскому присваивают звание штабс-капитана, а ещё через четыре года – капитана.

И в этом звании он прослужил почти семь лет вплоть до начала войны, командуя 16-ой ротой 106-го Уфимского пехотного полка 27-ой пехотной дивизии 3-го армейского корпуса, располагавшегося в самом центре 1-ой русской армии под командованием генерала от кавалерии Павла-Георга Карловича фон Ренненкампа.

В это время 106-ой Уфимский пехотный полк находился в летних лагерях недалеко от города Подбродзье Виленской губернии, занимаясь повседневной военной подготовкой.

По тревоге полк выступил к Вильно, где проживала семья Успенских, прибыв туда утром 14 июля.

А 17 июля был объявлен приказ о мобилизации, а с ним и Приказ по штабу Виленского военного округа, который начинался словами:

«17 июля 1914 года, гор. Вильна.

***ВЫСОЧАЙШИМ** повелением, состоявшимся 17-го июля, объявлена мобилизация частей войск и управлений Виленского военного округа и первым днём назначено 18 июля...».*

Поначалу российское руководство планировало провести мобилизационные мероприятия в глубокой тайне.

Но 18-го же июля на стенах зданий российских городов появились многочисленные объявления на красной бумаге о мобилизации. И на фоне всеобщего патриотического подъёма на сборные пункты сразу прибыло запасников на пятнадцать процентов больше запланированного.

Для прикрытия мобилизационного развертывания новых частей в течение первых двух суток уже приведённые в полную боевую готовность кавалерийские части и соединения были выдвинуты на границу России с Восточной Пруссией.

По завершении своих мобилизационных мероприятий и 106-ой Уфимский пехотный полк в это день выдвигался на фронт.

Перед построением полком с речью выступил командир полка полковник Константин Прокофьевич Отрыганьев, а затем был отслужен молебен.

А завершилась торжественная церемония проводов исполнением полковым оркестром национального русского гимна «Боже царя храни!».

После окончания церемонии полк под военные марши двинулся по улицам Вильно на вокзал.

А капитан Успенский стал прощаться с семьёй.

Жена Гелена Андреевна, в девичестве Станкевич, благословила мужа, повесив ему на шею зашитый в ладанке образок «Остробрамской Божией Матери».

Александр Арефьевич тоже благословил жену и дочь Татьяну – гимназистку 5-го класса Виленской Мариинской гимназии, расцеловав плачущих жену, дочь и двух сыновей.

После тяжёлого расставания он вскочил на коня и под эскортом своих сыновей Евгения и Валентина – кадетов Полоцкого корпуса – принялся догонять роту. А сыновья проводили отца до самого вокзала, гордо идя рядом с ним и с марширующей его ротой.

Уже в вагоне военного эшелона, уходящего всё дальше от Вильно, Александр Арефьевич с грустью вспоминал минуты прощания с семьёй и с городом, в котором прошли лучшие годы его жизни.

Единственное, что утешало капитана, так это присутствие рядом с его семьёй надёжного человека, ставшего настоящим другом – ещё служившего в Управлении Губернского Военского Начальника Виленской губернии неженатого унтер-офицера, сорокадевятiletнего уроженца деревни Пилипки – Парфения Васильевича Кочета, долгое время бывшего по совместительству воспитателем и дядькой-наставником при его сыновьях.

Парфений Васильевич жил неподалёку от дома А.А Успенского на той же улице города Вильно, поэтому при необходимости, имея связь с Управлением, мог бы быстро чем-нибудь помочь его семье.

Грустные воспоминания капитана прервали его подчинённые – командиры взводов его роты, неженатые младшие офицеры – недавно ставшие поручиками Бадзен и Кульдвер, подпоручики Врублевский и самый молодой из них – недавно прибывший в часть двадцатилетний Раевский, видимо по молодости лет вдруг почему-то не ко времени развеселившиеся.

– *«Господа! Я смотрю, у вас видимо наступило нервное веселье?»* – спросил старший младших.

– *«Неужто вы не боитесь предстоящего ужаса, и вас не охватывает страх или хотя бы смутная тревога перед грядущей неизвестностью?»* – продолжил он после короткой паузы в воцарившей тишине.

– *«Господин капитан, конечно нам страшно, как и всем. Но мы же командиры, и на нас смотрят подчинённые. Какой пример мы им подадим, если будем бояться?»* – за всех ответил старший по возрасту из поручиков командир первого взвода Александр Александрович Кульдвер.

– *«И я тоже побаиваюсь. В меня даже вселилось нехорошее предчувствие надвигающейся опасности, может даже немыслимо безграничного горя»* – добавил командир второго взвода поручик Иосиф Сильвестрович Бадзен.

– *«Да, господа, нас ожидает горе разлуки, страданий и утрат. И от этого всего невозможно будет скрыться или избежать его. Нам всем предстоит узнать и познать все ужасы войны. И это понимаем теперь не только мы, но и те, кто остался ждать нас дома»* – подвёл черту Александр Арефьевич.

А 19 июля Германия объявила войну России. На это российское общество ответило взрывом патриотизма, выразившимся, прежде всего, в повсеместных порою многотысячных манифестациях.

И Александр Арефьевич окончательно понял, что войны уже не избежать, и что к предстоящим в его жизни событиям надо теперь относиться очень серьёзно. Ведь ему, как и другим офицерам, предстоял реальный и суровый экзамен на мужество и честь.

Теперь главное – думал Успенский – это не опозориться и не осрамиться перед своей ротой. А умереть ведь всё равно суждено только один раз. И лучше это сделать красиво и на поле брани за Родину!

Ведь как многие офицеры царской армии, Александр Арефьевич был привержен идеалам чести, служения и самопожертвования во имя Родины.

На 8-ой день мобилизации, 25 июля, были уже мобилизованы все русские кадровые пехотные дивизии, и начались оперативные перевозки войск и их сосредоточение на стратегических направлениях.

В частности 106-ой Уфимский пехотный полк прибыл на железнодорожную станцию Симно, находящуюся вблизи границы с Германией, в район сосредоточения своей 27-ой пехотной дивизии.

К 13-му дню мобилизации, к 30 июля, в действующей российской армии уже было 96 пехотных и 37 кавалерийских дивизий, численность которых составляла около двух миллионов семисот тысяч человек, не считая одного миллиона резервистов и гарнизонов крепостей.

А через три дня, ко 2 августа 1914 года, на 16-ый день мобилизации было завершено развёртывание ещё и 35 пехотных дивизий второй очереди.

Но ещё 31 июля германский посол в Петербурге граф Фридрих фон Пурталес попытался добиться объяснений от министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова, и в ультимативной форме потребовал от него отменить мобилизацию, на что получил отказ.

А российский император Николай II-ой в эти же часы отправил новую объяснительную телеграмму кайзеру Германии Вильгельму II-му:

«Приостановить мобилизацию уже технически невозможно, но Россия далека от того, чтобы желать войны. Пока ведутся переговоры с Австрией по сербскому вопросу, Россия не предпримет вызывающих действий».

Таким образом, Россия отказалась дать Германии положительный ответ на демобилизацию своих войск. И вечером того же дня посол Германии в России Фридрих фон Пурталес передал ноту об объявлении войны министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову. После этого он отошёл к окну и неожиданно заплакал.

А чуть позже, 2 августа 1914 года, передовые германские 5-ый и 6-ой армейские корпуса 8-ой немецкой армии генерал-полковника Максимилиана фон Притвица начали боевые действия на Восточном фронте, вторгшись на территорию России, заняв и разорив город Калиш в центральной Польше, а на следующий день взяв и Ченстохову.

А накануне части 27-ой пехотной дивизии 3-го армейского корпуса из 1-ой русской армии двумя походными колоннами двинулись от Симно к Вержболово.

Подходя вечером 3 августа к городу, солдаты 106-го Уфимского пехотного полка услышали шум недалёкого боя, который вели немцы против русской кавалерии.

В этот вечер и все остальные воинские части 1-ой армии, готовые к вторжению в Восточную Пруссию, закончили сосредоточение на границе с Германией.

По замыслу командования армии главным направлением удара 3-го корпуса был назначен участок фронта между городами Инстербург и Ангербург, что было предписано Приказом № 2 по 1-ой армии.

А по боевому предписанию 3-ий армейский корпус под командованием генерала от инфантерии Николая Алексеевича Епанчина в составе 25-ой пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта Павла Ильича Булгакова и 27-ой пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта Августа-Карла-Михаила Михайловича Адарида сосредотачивался в районе между городом Вержболово и деревнями Бержины и Шаки.

По тому же приказу всем корпусам армии предписывалось 4 августа перейти границу Восточной Пруссии, а 3-му корпусу в тот же день выйти к городу Сталупенен.

Этот приказ офицеры 13-ой, 14-ой, 15-ой и 16-ой рот 4-го батальона, которым командовал, недавно переведённый из 105-го Оренбургского пехотного полка в 106-ой Уфимский пехотный полк, подполковник Павел Иванович Красиков, выслушали уже после двадцати двух часов того же 3 августа.

Собравшись в одной хате, они отмечали в своих полевых книжках и на картах направления для атак каждой роты, которые в это время отдыхали, набираясь сил перед утренним наступлением.

Час ожидания прошёл, и наступало время действовать. Настроение офицеров было приподнятым, а многие, возможно из-за внутреннего страха, даже бодро шутили.

– *«Господа офицеры! – начал наставление Павел Иванович – Нам предстоит действовать на границе Германии. А что собой представляет германская армия – всем известно. Это не сброд, а чётко организованная, хорошо вооружённая и обученная, отмобилизованная армия. Нам всем надо теперь относиться к этому ... предприятию, как к серьёзной работе – продолжил он – Повторяю, что сознавая всё это, все мы твёрдо уверены и надеемся, что*

Бог пошлёт нам вполне заслуженную победу. Допустить обратное не позволяют ни сердце, ни разум!» – пафосно заключил командир батальона.

Взволнованные речью командира, офицеры одобрительно зашептались, обмениваясь первыми впечатлениями.

– *А я лично против немцев питаю такое чувство ненависти, что готов даже на зверства!»* – послышалось из угла хаты от командира 13-ой роты капитана Владимира Ивановича Барыборова.

– *«И у меня такое же мнение!»* – выразил теперь уже общее мнение подпоручик Врублевский из 16-ой роты.

– *«Хочется проучить зазнавшихся колбасников и надолго отбить у них охоту на авантюры!»* – поддержал его поручик Кульдвер.

– *«Да, господа! Что будет – одному Богу известно. Но хочется верить, что Бог не в силе, а в правде!»* – как бы подвёл черту подполковник Красиков.

Внезапно в хату вошёл всеобщий любимчик и герой Японской войны всегда весёлый и остроумный штабс-капитан Михаил Константинович Попов.

– *«О, Мишель! Выдай-ка нам что-нибудь новенькое и весёлое!»* – послышалось из сумрака комнаты от штабс-капитана Сергея Сергеевича Сазонова – командира 14-ой роты того же 4-го батальона их полка.

Взглянув на первого же попавшегося его пытливому взгляду, тщательно пережёвывавшего пищу командира 13-ой роты капитана Владимира Ивановича Барыборова, «Мишель» тут же выдал, слегка подкручивая кончики своих мушкетёрских усов:

– *«Господин капитан, вам не стоит сейчас есть так много! Потому что, если ранят в живот, то из-за переполненного пищей желудка смерть неминуема!»*.

В ответ бравый и уверенный в себе капитан рассмеялся, но есть на всякий случай перестал.

Но, видимо поняв, что начал со слишком минорной ноты, «Мишель» мгновенно перестроился и обрадовал очередного попавшему ему на язык офицера, коим стал капитан Гедвилло:

– *«А вы, господин капитан, непременно станете генералом!»*.

Воспрямившие духом офицеры стали наперебой просить пророка «Мишеля» дать предсказания и их судьбе, но в этот момент Александр Арефьевич вышел во двор.

А когда круг замкнулся, а Успенский вернулся, кто-то спросил «Мишеля» и о его судьбе, что даст ему война.

– *«Господа, а мне непременно будет деревянный крест, потому что в японскую войну я его не получил»*.

Это предсказание «Мишеля» побудило некоторых из присутствовавших офицеров на всякий случай обменяться своими домашними адресами.

Затем офицеры, утомлённые дневными хлопотами по размещению своих частей, разошлись спать по своим подразделениям, но мало кто из них смог теперь спокойно заснуть, тем более выспаться, волнуясь от осознания серьёзности обстановки.

И ранним утром 4 августа, уже русская армия, силами двух армий Северо-Западного фронта перешла границу Восточной Пруссии, начав Восточно-Прусскую операцию. А разработали её и опробовали в оперативно-тактической игре ещё в 1911 году.

По этому плану 1-ой армии предписывалось атаковать левый фланг немецкой группировки в Восточной Пруссии и отрезать её от Кенигсберга, блокировав этот город.

А 2-ой армии предписывалось, обойдя Мазурские озёра и болота с юга, атаковать правый фланг немцев, отрезав его от Вислы, и совместно с 1-ой армией окружить немецкую группировку.

Но времени на подготовку этой операции у российского военного руководства практически не было, так как срочность её проведения буквально диктовалась просьбой о помощи со стороны Франции, подвергшейся мощному удару германской армии.

И французский посол в России Жорж Морис Палеолог уже через четыре дня после начала войны взывал к Николаю II-му:

– *«Я умоляю Ваше величество приказать Вашим войскам немедленное наступление, иначе французская армия рискует быть раздавленной».*

Как и полагалось по замыслу этой операции, разработанной в Ставке под руководством Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, 1-ая русская (Неманская) армия под командованием генерала от кавалерии Павла-Георга Карловича Ренненкампа двигалась с северо-востока от Мазурских озёр, от реки Неман, на запад к Кёнигсбергу.

А 2-ой (Наревской) армии под командованием, зарекомендовавшего себя талантливым военачальником, генерала от кавалерии Александра Васильевича Самсонова было предписано двигаться от реки Нарев на север – в обход Мазурских озёр с юго-запада.

В четыре часа утра 4 августа 1914 года, ещё в предрассветных сумерках и сквозь белёсый туман в низинах, роты 106-го Уфимского полка начали движение к границе с Германией.

Восход Солнца колонны полка встретили на марше, и уже засветло перешли российско-германскую границу. Как-то быстро и само собой перед глазами солдат промелькнули пёстрые пограничные столбы с двуглавыми русскими орлами и одноглавыми немецкими.

В этот момент какое-то непривычное всё усиливающееся внутреннее волнение вновь охватило капитана Успенского.

Он словно своим нутром теперь чувствовал неизвестность и непоправимость, даже фатальность происходящего, но теперь ещё ярче и острее.

– Да, Россия уже позади! – мелькнула у него мысль.

В первый день конечными пунктами продвижения его 27-ой пехотной дивизии были назначены населённые пункты Восточной Пруссии Будвейчен, Гёрритен и Допенен.

После почти пятичасового перехода, в девять часов утра, когда Солнце было уже высоко, его рота остановилась на малый привал в высокой ржи с редкими васильками. Собравшиеся вместе офицеры закусывали и шутили, что уже ждут повышенных суточных за переход германской границы.

А вокруг пока всё было тихо и красиво. Прекрасное утро с ярким и тёплым Солнцем, ясным и безоблачным небом, ещё не пожухшими травами с пёстрыми цветами на лугах, с жужжащими осами над ними и душистым августовским ароматом спелых трав и цветов, пока мирно пьянило.

– Да! Сейчас только жить и жить! Только в такое время ты ясно понимаешь и ощущаешь цену жизни, которую совсем не замечаешь и не ценишь в мирное время – с какой-то тоской подумал Александр Арефьевич.

Но его полк двинулся дальше.

И в этот момент немцы открыли артиллерийский огонь по идущим колоннам.

А вскоре послышалась и ружейно-пулемётная пальба.

Сразу перейдя с марша в наступление, 106-ой Уфимский пехотный полк вступил в тяжёлый встречный бой с немцами у города Сталупенен.

А ещё раньше, в девять часов утра 4 августа, при выходе из Эйдкунена первой нападению немцев подверглась колонна 98-го Юрьевского пехотного полка 25-ой пехотной дивизии их же 3-го армейского корпуса.

Этот полк также получил приказ о наступлении, и в семь часов утра 4 августа пересёк границу Российской империи в составе 1-ой бригады 25-ой пехотой дивизии 3-го армейского корпуса начав движение по шоссе тоже на немецкий город Сталупенен.

А там их всех на заранее подготовленных и укрепленных позициях поджидал 1-ый немецкий армейский корпус генерала Германа фон Франсуа.

98-ой Юрьевский пехотный полк до 17 июля также находился в летних лагерях, в четырёх километрах от города Двинска Витебской губернии на берегу реки Западная Двина, когда из штаба 25-ой пехотной дивизии был получен приказ о мобилизации.

И этот полк, как и все другие полки дивизии, тоже приступил к комплектованию личным составом по штатному расписанию военного времени.

Командиром 1-го батальона полка был недавно получивший звание подполковника и назначенный на эту должность кадровый офицер Дмитрий Николаевич Постников – старший товарищ капитана А.А. Успенского, как и он окончивший Виленское пехотное юнкерское училище.

Он также начал свою воинскую службу в девятнадцать лет рядовым, но в 103-ем Петро-заводском пехотном полку.

И также в 1907 году в чине капитана был переведён в свой полк на должность командира роты. И почти также у него дома теперь осталась жена, но с четырьмя детьми.

После всех мобилизационных мероприятий, завершённых к 25 июля, его полк пятью эшелонами был отправлен на железнодорожную станцию Олита, прибыв на место постоянной дислокации к 27 июля, заняв боевые позиции в двадцати – тридцати вёрстах от одноимённого города.

Вечером 29 июля расположение полка на большой высоте неожиданно облетел, видимо совершавший разведку, немецкий аэроплан. Открытая солдатами ружейная стрельба его только отогнала, но не повредила. И все поняли, что первого боя осталось ждать недолго.

И через три дня, 1 августа, командир полка полковник Владимир Александрович Желтышев получил приказ о наступлении 1-ой армии, и его полк в походном порядке двинулся к городу Волковышки.

А уже 2 августа по раскисшим от начавшихся дождей дорогам этот полк подошёл к городу Вержболово, около которого и произошло его первое боевое столкновение с противником.

На 13-ую роту капитана Александра Николаевича Вишнеревского легла основная тяжесть боя за деревню Бояры, которая в течение дня переходила из рук в руки, пока с сумерками бой не затих.

А 14-ая рота капитана Андрея Афанасьевича Молчанова в это время прикрывала артиллерию, находясь в резерве.

В тот день этот бой оказался не единственным. Столкновения уже шли по всей линии соприкосновения частей 1-ой армии с противником. Но пока они больше были разведкой боем.

Но теперь, в этот день 4 августа, 98-ой Юрьевский пехотный полк, так же, как и находившийся южнее 106-ой Уфимский пехотный полк, сразу с марша вступил в бой, получив приказ наступать на Сталупенен.

Преодолевая ожесточённое сопротивление немцев, 1-ый батальон Юрьевского полка под командованием подполковника Дмитрия Николаевича Постникова наступал севернее линии железной дороги Эйдкунен – Сталупенен.

Не смотря на сильный огонь со стороны немцев, при поддержке 2-го батальона подполковника Яна Ильдефонсовича Энгельмана, наступавшего параллельно и южнее железнодорожных путей, 1-ый батальон к полудню оттеснил противника, и через полтора часа продвинулся к деревне Пешикен.

На этом направлении 1-ый и 2-ой батальоны 98-го Юрьевского полка тесно взаимодействовали с наступавшими севернее батальонами 99-го Ивангородского пехотного полка.

На узком участке фронта батальоны всех этих трёх полков действовали фактически в зоне прямой видимости друг друга.

В один из моментов чуть затихшего боя, Александр Арефьевич стал свидетелем героического поступка неизвестного ему капитана – командира роты Ивангородского полка.

Тот, раненый в грудь, плечо и бедро, весь перепачканный кровью, встав во весь рост, буквально сверкая глазами, крикнул не выдержавшим сильного огня и начавшим отходить солдатам:

– *«Куда!? Ошалели?! Где противник? Вон где! Ивангородцы, вперёд!».*

Крик, вид и жест этого героя, показывавшего окровавленной рукой в сторону немцев, заставил солдат сконфузиться, остановиться и повернуть в сторону неприятеля.

Немцы вели прицельный и всё усиливавшийся огонь по наступающей русской пехоте с хорошо подготовленных, укрепленных и замаскированных позиций.

Вокруг капитана Успенского стали падать на землю убитые и раненые солдаты его роты. А первым из офицеров полка был убит, как он себе и предсказал, «Мишель» М.К. Попов.

Звуки свистящих и разящих пуль, вой мин и снарядов, их громкие с треском разрывы с дымом и фонтанами земли, песка и камней, крики и стоны раненых, агонии корчащихся на земле умирающих – представляли ужасное зрелище, производя гнетущее впечатление.

Не выдержав шквала смертельного огня, ложились на землю и уцелевшие солдаты, не желавшие попусту лезть под пули. Животный страх сковал залегшие цепи русской пехоты.

Чувство ужаса и страха смерти овладело и Александром Арефьевичем, уже мысленно прощавшимся с жизнью.

Он просто иступленно молил Бога, если на то его воля, чтобы его жизнь он отнял сразу, чтобы не мучиться с тяжёлым ранением.

Но вскоре цепи русской пехоты перебежали на новую позицию.

Это стало возможным благодаря смелому и благоразумному действию командира 13-ой роты капитана В.И. Барыборова.

Его рота захватила господствующую высоту с тремя соснами и с неё открыла по противнику огонь, прикрывая русский залегшие цепи.

Но в этот момент он был ранен, как и предсказывал накануне «Мишель» в живот, но к счастью выжил!

Тут же Александр Арефьевич несколько взбодрился.

– Вот я и остался жив! Значит, так Богу угодно! – мелькнула у него радостная, но чисто эгоистическая мысль.

Нужно скорее открыть огонь. Для этого указать взводным цели и напомнить о прицеле, пополнить запас патронов. Значит, предаваться страху некогда. И согласно приказу надо взять Депенен! – решил взявший себя в руку капитан – Ведь в первом бою боятся все, но герои и трусы ведут себя по-разному.

Несмотря на всех охвативший страх, успокоившийся капитан Успенский, направил свою роту на южную опушку около деревни Депенен.

И при поддержке других частей его рота смогла ворваться в деревню.

Однако невнимательность к флангам привела к разгрому соседнего полка и отступлению всей 25-ой пехотной дивизии к границе.

И лишь под напором остальных частей 1-ой русской армии немцам пришлось отступить самим.

Такое отчаянное сопротивление 1-го немецкого корпуса под командованием генерала от инфантерии Германа фон Франсуа, первым вступившего в бой с русской армией, было вызвано нарушением им категорического приказа командующего 8-ой германской армией генерал-полковника Максимилиана фон Притвица, приказавшего своим корпусам не ввязываться в бои с неприятелем, а отступать.

Генерал Франсуа наоборот, энергично выдвинул свой корпус в район города Сталупенен, намереваясь остановить наступление 3-го русского корпуса всего лишь в восьми километрах от границы с Россией.

И для вошедших на территорию Восточной Пруссии частей 3-го русского армейского корпуса это стало полной неожиданностью.

Но, несмотря на отчаянное и ожесточённое сопротивление противника, после полудня 106-ой Уфимский пехотный полк, проявив чудеса отваги при штурме укреплённых позиций, захватил и деревню Гёрритен.

Немцы провели ряд отчаянных контратак, и к вечеру деревню пришлось оставить, а с наступлением темноты постепенно затих и бой.

А в окрестностях уже горели другие деревни и усадьбы, загоревшиеся от артиллерийского огня.

Вдали виднелось зарево и над Эйдкуненом.

И уже в полной темноте возвращаясь в расположение полка, временно объединённые под командованием капитана А.А. Успенского 13-ая, 14-ая и 16-ая роты наткнулись на разбитую батарею 27-ой артиллерийской бригады их дивизии.

Оставшийся за командира батареи прапорщик просил о помощи. Вся прислуга и наводчики батареи, кроме одного, и все лошади были убиты или ранены.

Прапорщик боялся, чтобы орудия не достались бы немцам.

Тогда капитан А.А. Успенский остановил своих уставших и изнурённых солдат, и они вытащили на шоссе и прокатили по нему почти полторы версты три орудия, а на руках пронесли ещё и ящики со снарядами.

Потом всё сдали их артиллерийскому офицеру, подъехавшему к ним на запасных лошадях с ездовыми.

И по дороге они, всё ещё возбуждённые, обменивались впечатлениями от первого боя.

Прибыв в расположение полка, Александр Арефьевич дал приказ ротам разместиться на ночлег в ближайших сараях и накормить солдат из походных кухонь.

Сам же он поспешно лёг на грязную солому в каком-то сарайчике с дырявыми стенами. У него уже не было физических сил искать себе ночью лучшее место для ночлега.

Все офицеры его роты всё ещё были возбуждены и потрясены от прошедшего боя. Несмотря на усталость, нервное потрясение не давало многим заснуть. А кто засыпал, тот во сне бредил ужасами боя.

А некоторые командиры даже вскакивали и кричали, отдавая команды, словно продолжая видеть пережитое.

И только к рассвету все утомонились и забылись в крепком сне.

А проснулись они с вопросом, что будет сегодня, что делают немцы и где они? Но на утро 5 августа бой не возобновился, так как немцы отступили.

По полученным из штаба дивизии сведениям немцы ушли и из Сталупенена, оставив лишь незначительные силы сторожевого охранения.

Тогда командование дало приказ занять этот город, предварительно произведя в нём разведку, дабы не нарваться на засаду.

Но город оказался пуст. В нём не осталось даже жителей.

И на ночлег полк разместился на его западной окраине.

Но для сохранения скрытности расположения полка было приказано костров не разводить. Поэтому солдаты легли спать в полной темноте и не имея возможности согреться.

Александр Арефьевич обходил расположение рот, множество раз наводя свет своего фонарика на спящих непробудным сном уставших солдат.

Он прекрасно понимал, что нервное напряжение его храбрых солдат в прошедшем кровопролитном бою было столь сильным, что теперь сон был единственным спасением для них от буквально валившей с ног усталости.

Наутро перед командирами разных уровней встал вопрос оказания помощи своим раненым, ибо их положение становилось ужасным.

Но такая помощь пока оказалась не на высоте, медико-санитарная служба не была ещё налажена в полной мере.

Перевязочные пункты были далеко, а санитаров с носилками для переноски раненых вообще не было видно.

Не дождавшись своевременной помощи, многие раненые умирали прямо на поле боя.

А те, которые могли самостоятельно двигаться, сами выбирались на дорогу, ожидая, что там их увидят и окажут помощь.

Медико-санитарные службы и прифронтовые лазареты не справлялись с большим потоком раненых. Но русский солдат был терпелив.

А действия русской армии в самые первые дни войны были весьма успешными.

Это было доказано в крупном Гумбинен-Гольдапском сражении, завершившегося 7 августа победой 1-ой русской армии над немного превосходящей её 8-ой немецкой армией генерал-полковника Максимилиана фон Притвица.

Сражение началось атаками немцев на флангах. На русском правом фланге немцы поначалу разбили 28-ую пехотную дивизию.

Добились они успехов и на левом фланге 1-ой русской армии.

Однако в центре позиции все атаки германского 17-го корпуса под командованием генерала Августа фон Макензена разбились о стойкость 3-го корпуса генерала от инфантерии Николая Алексеевича Епанчина, и в первую очередь 27-ой пехотной дивизии.

И особую отвагу в этом сражении проявил 106-ой Уфимский полк, занимавший позиции у деревни Маттишкемен. Он целый день сдерживал наступление превосходящих сил противника. А вечером, при отступлении противника, уфимцы сумели взять значительные трофеи: 4 орудия с 8-ю ящиками со снарядами, 6 пулемётов и около 900 винтовок.

Капитан А.А. Успенский после боя делился впечатлениями со своим командиром:

– «Когда немцы подошли шагов на семьсот, я отдал приказ открыть огонь! А их было столько много, что моя рота стреляла фактически с постоянным прицелом! А когда бой дошёл до высшего напряжения, у меня даже сердце задрожало, ... кто же устоит? А ум мой подсказывал, кто первым начнёт отступить – тот погиб! Нам всё же помогало боевое товарищество, подвиги однополчан, мысли об оставшейся далеко в тылу семье, истинно христианская вера в Бога! Они позволяли побеждать страх и оставаться, прежде всего, людьми!».

Это сражение стало крупнейшим успехом русского оружия в начавшейся войне. Немецкая 8-ая армия отступила, открыв дорогу 1-ой русской армии вглубь территории Восточной Пруссии.

В первые дни войны немцы были ошеломлены подготовкой и выучкой русской армии, части которой уже в первом бою показали превосходные боевые качества: упорно оборонялись и отлично стреляли, а, переходя в контратаки, храбро и стремительно вели штыковые бои.

Сказалась эффективная боевая подготовка войск, проводимая Ранненкампом в мирное время ещё в бытность его командующим войсками вверенного ему Виленского военного округа. К тому же проведённая перед войной военная реформа 1907–1910 годов, наконец, дала о себе знать.

Многokrратно увеличенные перед войной военные расходы позволили России даже в мирное время иметь армию в два миллиона человек.

А в 1912 году принятый новый Устав полевой службы оказался самым совершенным уставом своего времени. Он мотивировал рядовых и командиров на проявление личной инициативы. Да и вся военная Доктрина Российской империи была наступательной.

И теперь, во многом благодаря этому, потеряв сначала в обороне, а затем в контрнаступлении десять тысяч убитыми, при почти девяти тысячах убитыми и шести тысячах пленными у немцев, 1-ая русская армия всё же оттеснила противника за линию Велау – Летцен.

Поначалу Ренненкампф отдал приказ на преследование отступающего противника. Однако, вследствие больших потерь, отставания тылов, чрезвычайной усталости личного состава армии, несколько дней усиленными маршами по 25–30 километров передвигавшейся без отдыха, Ренненкампф временно отменил свой приказ.

А командующий Северо-Западным фронтом генерал от кавалерии Яков Григорьевич Жилинский неверно оценил ситуацию, в открытом радио-эфире приказав 1-ой армии вообще остановиться.

Командование фронтом не имело ни разведанных о противнике, ни данных о состоянии собственных тылов. К тому же оно не принимало во внимание соображения командующих армиями.

Поэтому весь план операции, без сосредоточения всех сил, без проведения разведки боем, без организации тыла на деле превратился в череду, в том числе и неудачных, импровизаций.

В этот период командование Северо-Западным фронтом, обнаружив перед своей наступающей 1-ой армией быстрое отступление немецких войск, решило, что противник уже отходит за Вислу, и, сочтя операцию выполненной, изменила для Ренненкампфа первоначальные задачи.

Поэтому бедствие населения восточной Пруссии, спасавшегося от русской армии, было недолгим. До полумиллиона человек устремились к Кенигсбергу, пытаясь укрыться за стенами его крепостей. А более десяти тысяч беженцев отправились на лодках по водам Балтийского моря к Данцигу.

Русские солдаты по красивым шоссе входили в богатые и ухоженные, обезлюдевшие прусские городки и сёла, безмолвие в которых нарушалось лишь мычанием не доенных коров.

Они с изумлением смотрели на уютные немецкие сёла с булыжными мостовыми, на крестьянские усадьбы с черепичными крышами, и на обилие кругом растущих фруктовых деревьев с висящими на них никем нетронутыми плодами.

– *«Ваисокбродь!»* – обратился, всегда находившийся вестовым при командире роты, рядовой из Нижегородской губернии Михаил Ерёмин к капитану А. А. Успенскому – *«А зачем этим немцам нужно было с нами воевать-то, раз у них и так всё есть!?»* – показывая ему на накрытый стол с обильной и ещё неостывшей едой.

Но вошедший в дом капитан, сняв фуражку и машинально отирая лоб, будто бы не слыша вопроса подчинённого и, наверно, думая о чём-то своём, вслух сказал, а потом и неожиданно приказал:

– *«Да-а, странно это! Они словно вышли на пять минут?! Будто думают или знают, что мы здесь ненадолго?! Они, наверно, бежали в ближайший лес, или вообще сидят в каком-нибудь потайном подвале, и ждут, когда мы уйдём?! Ну, ладно! Сообщи всем мой приказ, что за мародёрство будет суровое наказание, вплоть до расстрела!».*

– *«Есть, ваисокбродь!»* – взял под козырёк вестовой – *«разрешите исполнять-с?!».*

И действительно, такой приказ был не напрасен, ибо непонимание увиденных картин русскими солдатами-крестьянами, обычная человеческая зависть и просто жадность, перемешанная с местью и ощущением собственной силы и правды, иногда приводили русских солдат к мародёрству.

– «Странно! А ведь немецкие власти требовали эвакуации своего населения. Я ведь сам видел ещё в приграничном Илове развешанное распоряжение его жителям покинуть город к двум часам дня, не увозя с собой никакого имущества!» – делился в собравшейся офицерской компании командир 16-ой роты 106-го Уфимского пехотного полка капитан Александр Арефьевич Успенский.

– «Да! Недаром вон дороги забиты беженцами! Мы наступали от Фридлянда, так из-за обилия повозок не могли проехать. Пришлось их разворачивать обратно и отправлять по домам» – не поняв подоплеку, ответил ему командир 15-ой роты капитан Лонгин Францевич Гедвилло.

– «И чего там только не было! И большие, и пароконные фурмáнки, и другие доверху нагруженные всяким скарбом подводь, и даже ручные тачки с вещами! А шли женщины с детьми и стариками, скот гнали! В общем, загородили нам дороги!» – добавил командир 14-ой роты штабс-капитан Сергей Сергеевич Сазонов.

– «Так они же боятся нас, потому и уходят! Наши бы тоже ушли!» – неожиданно, но робко вмешался в разговор самый молодой подпоручик – совсем недавно выпущенный из Виленского пехотного юнкерского училища – Иван Мартынович Раевский, пытаясь вернуть разговор к теме, заданной его командиром капитаном А.А. Успенским.

Тот с благодарностью взглянул на подчинённого и продолжил свою мысль:

– «Я, господа, имел ввиду, что здесь всё как-то странно! Как будто жители не эвакуировались, а отошли по надобности?! Что-то здесь не так!».

Тут-то собравшиеся офицеры и поняли проявившийся нюанс.

А первым откликнулся всегда хорошо ориентировавшийся в подобных щекотливых ситуациях, уже чуть захмелевший, но всегда державший нос по ветру, случайно зашедший на огонёк их полковой адъютант, штабс-капитан Борис Зиновьевич Цихоцкий.

– «Да, господа! Ведь среди возвращённых жителей Пруссии нашлись шпионы и диверсанты! И нам пришлось некоторые семьи уже по-настоящему выгонять из их домов!» – вдруг вспомнил он – Да, и я, господа, прекрасно это помню! – продолжил осведомлённый адъютант – Да что там? Вот этот приказ как раз у меня здесь, в кармане – полез он в нагрудный карман, доставая изрядно измятый листок, и громко зачитывая:

– «Ввиду явно враждебного к нам отношения немецкого и еврейского населения, удалять всех жителей мужского пола рабочего возраста вслед за отступающим неприятелем, тщательно осматривая госпитали, больницы, поручая это дело офицерам, объявлять военнопленными всех находящихся там здоровых и отправлять их немедленно в тыл. Излишек собранных или обнаруженных в складах запасов выводить в Россию, имущество частных лиц, проявивших враждебные действия против нас уничтожать немедленно».

– «Так что, штабс-капитан, и вам, видимо, пришлось изрядно потрудиться!» – со скрытой иронией обратился к штабс-капитану Цихоцкому капитан Успенский.

Но тот промолчал, недобро сверкнув своими серыми глазами. Некоторые офицеры что-то тихо пробубнили, другие же молча и понимающе переглянулись.

– «Ну, всё, господа офицеры, пора и честь знать! Расходимся по вверенным нам подразделениям!» – закончил стихийный пикник старший по званию – командир их 4-го батальона подполковник П.И. Красиков, и офицеры разошлись спать, ведь завтра их ждали новые испытания.

Теперь основные силы 1-ой армии Ренненкампа были направлены не навстречу 2-ой армии Самсонова, а на отсечение Кенигсберга, где по предположению командующего фронтом укрылась часть 8-ой армии, и на преследование «отступавших к Висле» немцев.

В то же время и командующий 2-ой армией А.В. Самсонов, в свою очередь, решил перехватить «отступавших к Висле» немцев.

Он настоял перед командованием фронта на перенесении главного удара своей армии с северного направления на северо-западное, что привело к тому, что русские армии стали наступать по расходящимся направлениям и между ними образовалась огромная брешь в 125 километров.

Получилось так, что в этот период и Ставка Верховного Главнокомандования и командующие фронтом и армиями принимали решения, не основанные на реальной ситуации, что позволило противнику беспрепятственно перебросить большинство своих войск против 2-й армии, оставив против 1-й армии лишь незначительные заслоны.

Теперь немцы смогли полностью сосредоточиться на действиях против 2-ой русской армии, и в период 13–17 августа нанесли ей поражение в сражении при Танненберге.

Трагичной оказалась и судьба её командующего – пятидесятичетырехлетнего генерала от кавалерии Александра Васильевича Самсонова.

Ещё будучи руководителем военного училища, он запомнился юнкерам образованным военным, образцовым командиром и справедливым администратором, непримиримо относящимся к неуставным взаимоотношениям и другим нарушениям воинской дисциплины и христианской этики.

В войне с Японией командир Уссурийской конной бригады генерал-майор А.В. Самсонов приобрёл репутацию идеального кавалерийского командира. Проявив себя во многих победных боях, он вскоре возглавил Сибирскую казачью дивизию, с которой также одержал множество побед, получив чин генерал-лейтенанта.

После войны с Японией Александр Васильевич был начальником штаба Варшавского военного округа, наказным атаманом Войска Донского, Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа, войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска.

Будучи генерал-губернатором Туркестана, Самсонов, как талантливый администратор, наладил мирные отношения между русскими и местным населением, активизировал просветительскую деятельность, содействовал развитию хлопководства, водоснабжения и орошения земель края.

В 1910 году ему было присвоено звание генерала от кавалерии. Летом 1914 года Александра Васильевича вызвали в Варшаву из отпуска, который он проводил с семьёй на Кавказе, и назначили командующим 2-ой армией.

Ещё 19 июля в Варшаве А.В. Самсонов встретился с командующим Северо-Западным фронтом генералом от кавалерии Яковом Григорьевичем Жилинским, который посвятил его в план предстоящих действий 1-ой и 2-ой армий при осуществлении наступательной Восточно-Прусской операции русской армии.

Понимая всю сложность, пока неподготовленность и опасность задуманной операции в Восточной Пруссии генерал от кавалерии А.В. Самсонов всё же счёл своим долгом её осуществить.

Получив директиву о скоропалительном наступлении его армии, он вышел от Главнокомандующего фронтом в весьма подавленном и даже в упадническом настроении.

23 июля прибыв в свой штаб в Остроленке, вступивший в должность командующего 2-ой (Наревской) русской армией, Александр Васильевич Самсонов медленно опустился на стул и, молча посидев минуту, закрыв лицо руками, удручённо произнёс начальнику штаба:

– *«Мы с нашей армией предназначены на роль жертвы. Это моя Голгофа».*

Ведь этот мужественный человек уже ясно осознавал сложившуюся вокруг его армии ситуацию.

Но, преодолев мрачные предчувствия и тяжкое осознание возможной предстоящей гибели, опытный командир нашёл в себе силы, поднялся, перекрестился и отдал необходимые

распоряжения о роковом для своей армии наступлении, в провале которого он был заранее уверен.

И он сам, и его ближайшие подчинённые, начиная с начальника штаба армии, начальники оперативного, разведывательного и отделения связи служили перед войной в разных местах, и не имели той спайки командиров, которая необходима на войне, особенно в первых боевых столкновениях.

Начальник штаба армии генерал-майор Пётр Иванович Постовский был назначен на свой пост лишь 6 августа с должности начальника 1-ой Кавказской стрелковой бригады, которой командовал чуть больше года. До этого он занимал должность генерал-квартирмейстера (начальника снабжения) Варшавского военного округа. Так что хотя бы с театром предстоящих военных действий был знаком.

Состав высших чинов армейского управления 2-ой армии был подобран крайне неудачно. Не только у начальника штаба армии, но и у четырёх из пяти начальников штабов корпусов не было боевого опыта. К началу операции они не участвовали ни в одном сражении.

Это должно было сказаться самым отрицательным образом на управлении вверенными им частями, с которыми они даже не были достаточно знакомы. Серьёзный боевой опыт отсутствовал и у большинства других военачальников рангом ниже.

Сборный состав штаба армии, недостаточное знакомство с подчинёнными частями значительной части генералитета, отсутствие должного командного стажа у некоторых военачальников, и многие другие факторы, конечно, повлияли на результат действий 2-ой армии.

А пока, раньше вступившая в соприкосновение с противником, 1-ая армия Ренненкампа 4 августа наносила поражение передовому немецкому корпусу у Сталупенена, а 7 августа во встречном сражении заставляла отступить основные силы 8-ой немецкой армии в Гумбинен-Гольдапском сражении, 2-ая армия Самсонова, ускоренным маршем преодолев за три дня более восьмидесяти километров пути по песчаным дорогам, также перешла границу Восточной Пруссии, но лишь 8 августа.

Наступала она в направлении Ортельбург – Вилленбург, 9 августа заняв эти города. Также армия Самсонова заняла города Нейдельбург и Сольдау, опасно растянувшись по всему фронту своего наступления.

Своими опасениями о дальнейшем ходе операции Александр Васильевич делился в своём сообщении командующему фронтом генералу Я.Г. Жилинскому:

– «Необходимо организовать тыл, который до настоящего времени организации не получил. Наша территория опустошена. Лошади давно без овса. Хлеба нет. Подвоз из Остроленки невозможен».

Но командующий фронтом, невзирая на отставшие тылы и скудные сведения о намерениях противника, каждый день требовал от А.В. Самсонова лишь ускорить движение его армии.

Поначалу, не встречая серьёзного сопротивления противника, 2-ая армия занимала промежуточные населённые пункты.

Но Александр Васильевич, предчувствуя ловушку, постоянно просил у Жилинского разрешения развернуть 2-ую армию уступом с северо-запада на север, чтобы наступать по сходящимся направлениям с армией Ренненкампа.

И лишь после трёхдневных переговоров со штабом фронта такое разрешение было получено.

Но время было упущено, да и разрешение было дано с оговорками – от его армии направить на север лишь один правофланговый 6-ой корпус под командованием Александра Александровича Благовещенского.

Это привело к отрыву корпуса в составе двух пехотных дивизий (4-ой Н.Н. Комарова и 16-ой Г.К. Рихтера) и 22-го Донского казачьего полка от главных сил армии.

Кроме того, по приказу Верховного главнокомандующего, дабы избежать окружения с юга, левофланговый 1-ый корпус генерала от инфантерии Артамонова был оставлен почти в тылу 2-ой армии в Сольдау.

Командование Северо-Западным фронтом не довело до командующего 2-ой армией, что этот корпус теперь находится в его распоряжении, к тому же без приказа командующего фронтом его передислокация запрещалась.

И вообще, с составом армии Самсонова происходила постоянная чехарда. Её корпуса то входили в состав 2-ой армии, то изымались из её состава в 1-ую армию или переводились в резерв. Поэтому корпусной состав армии Самсонова всё время менялся, но в основном в сторону уменьшения.

Генералу А.В.Самсонову сначала подчинили Гвардейский корпус, но через три дня Я.Г. Жилинский его почему-то отобрал, не предупредив об этом командующего армией. Из-за этого Александр Василевич лишние сутки считал, что этот корпус по его приказу всё ещё наступает, пока командир корпуса сам не доложил о приказе Жилинского.

То же происходило и с другими корпусами. Генералу Самсонову подчинили 23-ий корпус, но из его состава вывели в резерв фронта пехотную дивизию Л.О. Сирелиуса.

На некоторое время у А.В. Самсонова забирали и дивизию Мингина, дислоцировав её в Новогеоргиевске. Но потом, спохватившись, возвратили её, и той пришлось форсированным маршем догонять свой корпус.

Также по приказу Жилинского артиллерию 23-го корпуса оставили в Гродно, а корпусную конницу, уже по приказу Ставки, отправили на Юго-Западный фронт.

И ещё до передачи Ренненкампуф 2-го корпуса, неподвижно находившегося у Мазурских озёр, тот формально подчинялся Самсонову, но связь с ним осуществлялась только через штаб фронта. В иные моменты под командованием Самсонова оказывалась всего лишь половина его армии.

К тому же положение армии Самсонова усугубилось не только слабой разведкой сил противника, но и нарушением связи. Так как, отходя, немцы вывели из строя телефонную и телеграфную связь. Передача же радиосообщений постоянно прослушивалась противником, знавшим теперь о намерениях и планах действий русской 2-ой армии.

Поначалу наступление по инерции развивалось успешно.

Ещё 11 августа 15-ый корпус атаковал немцев, заставив их отступить.

Однако после тяжёлой атаки войска устали.

Снабжение корпуса отставало, а у командования не было разведывательной информации о противнике.

Генерал А.В. Самсонов опять запросил у штаба фронта разрешение на приостановку наступления и обеспечение своего правого фланга всем необходимым.

Но генерал Я.Г. Жилинский обвинил генерала А.В. Самсонова в трусости и потребовал продолжения наступления.

А на просьбу командиров 15-го и 13-го корпусов Мартоса и Клюева дать их войскам отдых, чтобы подтянуть тылы и наладить снабжение, теперь уже оскорблённый Александр Васильевич ответил отказом.

Вместо наступления на север для соединения с 1-ой армией Ренненкампуфа Самсонов вынужденно перенёс направление наступления на запад, к Остероде.

Поэтому 15-ый корпус начал движение, имея на своём левом фланге прикрывавший его 1-ый корпус Артамонова, а 6-ой корпус Благовещенского находился уже в пятидесяти километрах северо-восточнее остальной армии.

И части 2-ой армии ещё сильнее растянулись по фронту.

Наступавшая в самом центре фронта 2-ой армии 6-ая пехотная дивизия генерала Торкелуса из 15-го корпуса, в составе 21-го Муромского пехотного полка, принимавшего участие

ещё в 1831 году в усмирении польского мятежа, ведя борьбу с повстанцами в Беловежской пуще, а также 22-го Нижегородского, 23-го Низовского и 24-го Симбирского пехотных полков, не имея резервов, не смогла развить свой успех и остановилась около города Мюлен. И всё наступление по центру фронта 13-го, 15-го и 23-го корпусов генералов Ключева, Мартоса и Кондратовича было остановлено перегруппировавшейся 8-ой немецкой армией и резервами, к тому времени быстро переброшенными по железным дорогам из Франции.

А 12 августа генерал А.В. Самсонов, наконец, получил сведения о концентрации немецких войск в районе своего правого фланга.

Но предложение Александра Васильевича развернуться против них командующий фронтом Жилинский отверг, приказав продолжить наступление.

Утром 13 августа Самсонов отдал соответствующие приказы своим центральным корпусам. И в тот же день армия Самсонова натолкнулась на неожиданно сильное сопротивление немцев.

Две русские армии теперь опять двигались не по сходящимся, а по расходящимся направлениям. Более того, 2-ая армия двигалась в западню, устроенную для неё немцами.

Генерал Пауль фон Гинденбург, вместо Максимилиана фон Притвица возглавивший теперь 8-ую немецкую армию, утвердил план операции по разгрому 2-ой русской армии генерала А.В. Самсонова.

Этот план был представлен ему начальником штаба генералом Эрихом Людендорфом. А разработан план был начальником оперативного управления его штаба, большим специалистом по России, бывшим ранее военным атташе в Санкт-Петербурге, подполковником Максом Хоффманом. До этого он служил под руководством генерала фон Шлиффена в русском отделе Германского генерального штаба.

Немцам теперь были известны все планы русского командования. Это и перехваченные незашифрованные радиосообщения, и из документов, попавших к немцам после аварийной посадки на их позиции самолёта с русским лётчиком-курьером.

Оставив перед 1-ой армией Ренненкампа лишь отряды прикрытия, Гинденбург перебросил все свои войска для окружения 2-ой армии Самсонова. И началось так называемое сражение при Танненберге.

А 13 августа 1-ый немецкий корпус генерала Германа фон Франсуа атаковал 23-ий русский корпус генерала Киприана Антоновича Кондратовича, заставив его отступать к городу Нейденбург.

Поэтому между 1-ым и 15-ым корпусами 2-ой русской армии образовался опасный разрыв.

В этот же день немецкие войска под командованием генерала Августа фон Макензена атаковали изолированный от основных сил армии 6-ой корпус генерала от инфантерии А.А. Благовещенского, выбив его части из Бишофсбурга.

Две дивизии корпуса потеряли 7.500 человек и отступили в полном беспорядке, при этом командир корпуса бросил войска и бежал в тыл.

Заставив отступить 6-ой корпус 2-ой русской армии, немцы полностью оголили её правый фланг.

Но войска центральных корпусов продолжали идти вперёд, всё больше увязая в боях со свежими силами противника.

И 14 августа фланговые 1-ый и 6-ой корпуса 2-ой русской армии были полностью отрезаны от центральных 13-го и 15-го корпусов.

А ночью, взяв Нейденбург, немцы отрезали пути отступления и всей армии генерала А.В. Самсонова, ещё не знавшего об этом.

Лишь утром следующего дня командующий узнал о разгроме своего правого флангового 6-го корпуса.

Попытка 13-го корпуса оказать помощь 15-му корпусу также не увенчалась успехом. Тогда командующий 13-ым корпусом генерал Николай Алексеевич Клюев приказал своим частям отступать.

В середине дня Александр Васильевич Самсонов принял такое же решение, но было уже поздно. А на следующий день уже и левофланговый его армии 1-ый корпус практически без боя отступил к югу от Сольдау.

Узнав об этом, Самсонов был вне себя от возмущения и отстранил командира корпуса генерала от инфантерии Леонида Константиновича Артамонова от должности, заменив его генерал-лейтенантом Александром Александровичем Душкевичем, бывшим до этого командиром 22-ой пехотной дивизии этого же корпуса.

С разгромом и отступлением флангов положение трёх корпусов, сражавшихся с немцами в центре и испытывавшим на себе сильнейшее их давление, теперь становилось угрожающим.

Более того, немцы перерезали трём русским корпусам путь назад, теперь грозя полным их окружением.

В 7 часов 15 минут 15 августа Александр Васильевич послал Главнокомандующему фронтом Я.Г. Жилинскому свою последнюю телеграмму:

– *«1-ый корпус, сильно расстроенный, вчера вечером, по приказанию генерала Артамонова, отступил к Иллоу, оставив аррьергард впереди Сольдау. Сейчас переезжаю в штаб 15-го корпуса в Надрау для руководства наступающими корпусами. Аппарат Юза снимаю. Временно буду без связи с Вами».*

Это решение Александра Васильевича Самсонова оказалось роковым, так как привело к полной дезорганизации управления частями его 2-ой армии. Ибо, по правилам, а в штабе армии, на котором лежала функция обеспечения связью со всеми своими подчинёнными частями, это должны были знать, работающая станция связи прекращает свою работу лишь после начала работы новой станции, более отвечающей новому месту пребывания командующего армией.

Это невежество в штабе армии вело к усугублению последствий решения генерала Самсонова выехать в расположение 15-го корпуса.

С его отъездом в Надрау закончилось управление армией.

И с этого момента катастрофа 2-ой армии стала неминуемой.

Британский офицер связи Нокс, прикомандированный к штабу 2-ой русской армии, присоединился было к генералу Самсонову, близ дороги в кругу офицеров изучавшему карту местности. Его удивило, что даже в штабе армии сейчас была всего лишь одна карта и один компас.

Тут главнокомандующий внезапно вскочил на коня, и с несколькими офицерами штаба и с казацким прикрытием помчался по дороге, на ходу бросив Ноксу:

– *«Оставайтесь здесь, Нокс. Я к Мартосу».*

Удивлённый союзник повернулся к офицерам:

– *«Что это, господа?».*

– *«Не волнуйтесь, Нокс. Сегодня удача на стороне противника, завтра она будет нашей!»* – ответил один из штабных офицеров, по-видимому, выражая общее настроение.

– *«Господа, но ведь происходит страшное и непоправимое!»* – не унимался союзник.

– *«Нокс, если даже сейчас и случится худшее, это всё равно не повлияет на конечный исход войны»* – похлопал его по плечу другой.

И этот фатализм русских поразил Нокса не менее всего прочего. Ведь худшее уже наступало.

А тем временем, переживая за судьбу своей армии, Александр Васильевич в то же утро прибыл на передовую линию в штаб 15-го корпуса генерала от инфантерии Николая Николаевича Мартоса.

Прибыв в расположение корпуса, Александр Васильевич, понял, что немцев теперь не остановить.

Он ещё имел возможность возвратиться назад.

Но, повинувшись воинскому долгу и старым традициям русского воинства, он не смог бросить своих сражавшихся подчинённых на произвол судьбы.

У Самсонова ещё была надежда на удачный прорыв его корпусов к северу для соединения с армией Ренненкампа, и на то, что 1-ая армия уже начала активные действия в тылу немцев, наседавших на его 2-ую армию.

Но его надеждам не было суждено сбыться.

16 августа 15-ый корпус не смог пробиться к Нейденбургу.

Хотя к тому времени на флангах 2-ой армии атаки немцев были отбиты 1-ым и 23-им корпусами, но в центре отступление русской армии приняло беспорядочный характер.

Пять дивизий 13-го и 15-го корпусов, а это около тридцати тысяч человек при двухстах орудиях, были окружены в районе Комусинского леса и пленены вместе с генералом Мартосом.

Немцы брали в плен изможденных и осоловевших от непонимания происходящего русских рядовых и офицеров.

Однако, даже оказавшись в мешке, сто тысяч человек могли ещё сжаться для мощного удара. Но этого не произошло.

Части не чувствовали локоть друг друга, пружина единого фронта лопнула, и громадная сила оказалась разделенной на отдельные фрагменты.

Некоторые части армии были деморализованы общей неразберихой ещё до непосредственного соприкосновения с противником.

Они устали от изнурительных переходов по пересечённой местности, давно не получали питания, и их выводил из себя пока отступающий, но невидимый и явно владеющий инициативой противник.

И 2-ая русская армия оказалась по сути разгромленной.

К вечеру того же дня был окружён и 13-ый корпус генерала Ключева, который ещё пытался вывести свои войска из окружения, отступая тремя колоннами.

Пробираясь в полной темноте, без дорог, лишь по лесным просекам и тропам, пользуясь лишь компасом, так как карт этой местности не было, в течение двух суток без горячей пищи колонны продолжали свой трудный путь на восток. Но две из них были разбиты, и генерал вынужден был отдать приказ о сдаче в плен. Однако небольшая часть корпуса всё же вырвалась из окружения и ушла за польскую границу.

Части 2-ой армии в составе 1-го, 6-го и 23-го корпусов, а также остатки попавших в окружение 13-го и 15-го корпусов теперь отступали за реку Нарев.

А судьба оставшихся офицеров штаба генерала Самсонова, укrywшихся в лесу, оказалась трагической. После отдачи приказ об отходе центральных корпусов своей армии командующий с группой офицеров штаба направился через Мушакен на Янов.

Александр Васильевич находился в тяжелейшем моральном стоянии.

– *«Пётр Иванович, моя жизнь, как военного деятеля, кончена. В моих руках ведь было почти четверть миллиона элитных войск России! Император верил мне. Как же я смогу посмотреть ему в лицо после такого несчастья?»* – по дороге горестно жаловался он своему начальнику штаба генерал-майору П.И. Постовскому.

– *«Александр Васильевич, возможно ещё не всё потеряно?! Да поможет нам господь Бог!».*

– *«Только на господу и осталось нам уповать!».*

Тут же начальник штаба подскочил к полковнику М.Н. Грязнову, дав необходимые распоряжения по дальнейшему следованию.

А тот не преминул поделиться с П.И. Постовским:

– *«Я ещё недавно видел Александра Васильевича бравым генералом, чёртом сидящем на боевом коне! А сейчас это... извините, человеческая развалина».*

Вскоре штабная кавалькада прибыла в расположение 2-ой пехотной дивизии генерала И.Ф. Мингина из 23-го корпуса генерала К.А. Кондратовича, и Александр Васильевич кратко переговорил с Иосифом Феликсовичем.

Но около двенадцати часов того же 16 августа кортеж командующего оставил 2-ую пехотную дивизию и двинулся к городу Виленберг, рассчитывая там ещё застать части 6-го корпуса. Но по дороге на всех переправах болотистых речек им встречались немецкие воинские части.

В одном из таких болотистых дефиле, при выходе из деревни Саддек, где сочувствовавшие польские крестьяне радушно встретили русских воинов, ехавших впереди казаков из караула командующего, состоявший из донских казаков второй и третьей очереди призыва, обстреляли пулемёты противника.

Тогда командующий приказал своему казачьему охранению атаковать пулемётчиков противника. Полковник Вялов из штаба его армии храбро повёл казаков в атаку, но та не удалась. Однако большая часть кавалькады командующего прорвалась дальше.

Подъехав к Виленбергу, они обнаружили, что город занят неприятелем.

Александр Васильевич, поначалу возглавивший отряд своих отступающих войск, теперь понял, что управление ими уже невозможно, и впал в проstration.

– *«Пётр Иванович, – обратился Александр Васильевич к своему начальнику штаба Постовскому – это всё! Ради Бога, не мешайте мне застрелиться. Принимайте командование!».*

Но разговор слышали и другие сопровождавшие офицеры, тут же окружив командующего и высказав горячий протест против его замысла.

Тогда А.В. Самсонов отказался от своего намерения, но, как оказалось, временно.

Теперь командующий 2-ой русской армией со своим штабом был полностью отрезан от своих войск. Все возможные и реальные направления отхода в свой тыл оказались перекрыты немцами. И к этому времени казаки охраны понемногу оставляли командующего армией со штабной свитой.

Им ничего не оставалось, как или пробиваться силой, или пробираться через лес скрытно.

От первого решения Самсонов отказался, так как, не имея под рукой никаких войск, кроме остатков наполовину разбежавшейся казачьей сотни, рассчитывать на успех открытого прорыва было бы трудно.

– *«С такой ордой мы не пройдем!»* – в сердцах бросил он начальнику штаба П.И. Постовскому.

Но, с другой стороны, теперь представлялось сравнительно нетрудным, пользуясь темнотой, лесистой местностью и расположением местных жителей-поляков, спешившись, пробиться сквозь неприятельские отряды, расположенные на путях отхода армии.

И Александр Васильевич остановился на этом решении, приказав оставшимся казакам пробираться к своим отдельно от его штаба.

Командующий 2-ой русской армией, генерал от кавалерии А.В. Самсонов остался лишь с семью офицерами своего штаба: начальником штаба армии генерал-лейтенантом Петром Ивановичем Постовским, генерал-майором-квартирмейстером Николаем Григорьевичем Филимоновым, полковниками Вяловым и Лебедевым, подполковником Андогским, штабс-капитаном Дюсиметьером, поручиком Кавершенским, а также есаулом Донского казачьего войска, канониром 11-ой конной батареи Купчиком и одним ординарцем, состоявшим при командующем вестовым.

На исходе восьмого часа вечера командующий армией вместе со своим штабом, отделившись от казаков, перешёл пешком в лесок к югу от шоссе Виленберг – Канвизен, где было решено дожидаться полного наступления темноты.

Они решили ночью на 17 августа выбраться из зоны расположения противника.

И с наступлением полной темноты генерал Самсонов с остатками своего штаба пешком двинулись по лесистой и болотистой местности, часто встречая на своём пути конные разъезды противника и его пешие заслоны.

Двигались они по лесу гуськом, в затылок, держа по компасу направление на Хоржеле.

Причём генерал А.В. Самсонов шёл посредине.

Во втором часу ночи дошли до леса около молочной фермы Каролиненгоф в окрестностях города Виленберга, где решили сделать короткий привал и отдохнуть.

После получасового отдыха в лесу, все встали и двинулись в путь.

Августовская ночь была темна. Из-за туч на небе не было видно ни Луны, ни звёзд.

Поэтому из-за темноты приходилось часто останавливаться и проверять по светящемуся компасу правильность направления движения.

При этом все скапливались около офицера, идущего в голове колонны, совещаясь о дальнейшем маршруте и делая переключку.

После короткого отдыха в лесу, около двух часов ночи, группа снова двинулась дальше в путь, но генерала Самсонова в ней не оказалось.

Вскоре в лесу прозвучал выстрел, и все поняли, что их благородного командующего, не пережившего разгрома их армии, больше нет.

Жестоко страдая от астмы, посерев от несчастья, полностью отчаявшись, генерал Александр Васильевич Самсонов покончил с собой.

Немедленно все пошли обратно к месту привала. По пути негромко звали командующего, подавая свистки.

Но дойдя до места, генерала Самсонова не нашли.

Тогда повернули обратно, а затем вторично прошли весь путь до места привала. Но все поиски опять оказались безрезультатными.

Снова решили остановиться у валежника около места прежнего привала и оттуда продолжили искать мелкими группами уже в разных направлениях.

Но так как при этом чуть не потерялись, то решили поиски тела командующего отложить до рассвета, чтобы, наконец, найти его и вынести из расположения вражеских войск.

Рано утром, после двухчасового поиска, группа подверглась обстрелу противником сразу с двух сторон опушки леса.

Поэтому им, сначала пришлось укрыться в лесу, а затем и отойти по указанию местных жителей-поляков в том направлении, которое сейчас оказывалось единственно свободным от немецких патрулей.

Потому поиски тела генерала Александра Васильевича Самсонова пришлось прекратить.

Но все офицеры, вышедшие из окружения вместе с генералом А.В. Самсоновым, вскоре вышли к своим.

Поначалу, преследуемые огнём то с одной, то с другой стороны и обстреливаемые пулемётом с автомобиля, крейсировавшего по шоссе, офицеры штаба подошли к деревне Монтвиц, где встретили два эскадрона 6-го Глуховского драгунского полка и две сотни 6-го казацкого полка, прорвавшихся со штандартами обоих полков к деревне Зарембы.

Присоединившись к ним, офицеры и генералы штаба продолжили дальнейшее совместное движение, и все вместе они вышли в расположение своих войск. Если бы Александр Васильевич Самсонов не застрелился, то тоже бы вышел к своим.

Сражение под Танненбергом, как и судьба всей Восточно-Прусской операции, стало первым крупным сражением, проигранным русскими войсками в этой войне.

И главная причина этого была не в отсутствии боевого духа русского солдата, а в неспособности русского командования вести войну с серьёзным, думающим противником, в частности в ошибочных решениях главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Я.Г. Жилинского и собственных просчётов генерала А.В. Самсонова.

Угроза окружения и разгрома 8-ой немецкой армии была устранена, а русская 2-ая армия потерпела тяжёлое поражение.

И 18 августа генерал Я.Г. Жилинский приказал остаткам войск 2-ой армии отойти за реку Нарев, в практически исходное перед наступлением положение.

И остатки русских 15-го и 13-го корпусов и 2-ой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Иосифа Феликсовича Мингина из 23-го корпуса генерала от инфантерии Киприана Антоновича Кондратовича, вырвавшиеся из окружения и отошедшие к реке Нарев в район Остроленки, уже там приводили себя в порядок.

Находящийся в спокойном тылу Северо-Западного фронта, его главнокомандующий Я.Г. Жилинский вплоть до 2 сентября так и не понял всей глубины происшедшего.

А действительно талантливые военачальники Павел Карлович Ренненкампф и Александр Васильевич Самсонов, оказавшись во главе армий, были не на своём месте.

Командуя корпусом или дивизией, они были бы военными гениями и о них говорили бы только положительное.

А после битвы при Танненберге и 1-ая русская армия, находясь под угрозой окружения превосходящими по численности германскими войсками, была вынуждена к 3 сентября с боями отходить на исходную позицию.

Но этому предшествовали весьма кровопролитные события ещё 26 августа у города Алленбург, около которого находился один из мостов через реку Алле. Для его охраны под командованием капитана А.А. Успенского его 16-ая рота была усилена командой сапёров из их же 106-го Уфимского пехотного полка, командой разведчиков 107-го Троицкого пехотного полка и шестью орудиями из 27-ой артиллерийской бригады.

Однако командование полка не обеспечило эту усиленную роту пулемётами, боясь, что те попадут в руки врага.

Вечером того же дня, когда подразделения армии уже переправились через реку, начались первые перестрелки возле моста.

На следующий день, после подхода к мосту основных сил немецкого Гвардейского резервного корпуса генерала Гальвица, начался уже настоящий бой.

Поскольку разведчикам под командованием поручика Ивана Зубовича удалось добыть точные сведения о противнике, артиллеристы обстреляли и остановили его.

А удачно проведенные инженерные работы позволили хорошо замаскировать 16-ую роту, и противник вёл ответный огонь вслепую, в связи с чем потери в роте были минимальны.

Окопы роты были вырыты на покрытых кустами холмистых берегах реки Алле и были едва заметны для противника. Ещё лучше и дальше от берега была замаскирована артиллерийская батарея, что не позволило недостаточно опытным немецким резервистам обнаружить её расположение.

Бесплодные атаки немцев до конца дня так и ни к чему не привели, пока над позициями 16-ой роты опять не пролетел немецкий аэроплан.

И к вечеру немцы проявили хитрость – стали пробираться к мосту по долине реки. Но их вовремя обнаружили, и капитан А.А. Успенский успел отвезти свои взводы на другие позиции.

Когда немцы обнаружили, что наши не стреляют, то направились к якобы оставленным окопам.

Подпустив противника поближе, командир 4-го левофлангового взвода подпрапорщик Карпенко, возглавивший взвод вместо раненого и взятого в плен в предыдущих боях отважного

подпоручика Врублевского, приказал открыть огонь. От такого убийственного огня бóльшая часть немцев сразу полегла, а оставшаяся разбежалась.

Эта задержка позволила всей усиленной роте капитана Успенского переправиться через реку, и отойти на заранее подготовленные в тылу позиции. Общие потери его сводной роты составили пятьдесят семь человек.

За этот бой капитан А.А Успенский позже был произведён в подполковники.

А командующий Северо-Западным фронтом Я.Г. Жилинский, на ком лежала основная вина за поражение русских войск в Восточной Пруссии, наоборот, был снят с должности, а действия командующего 1-ой армией генерала Ренненкампа были сочтены неудачными.

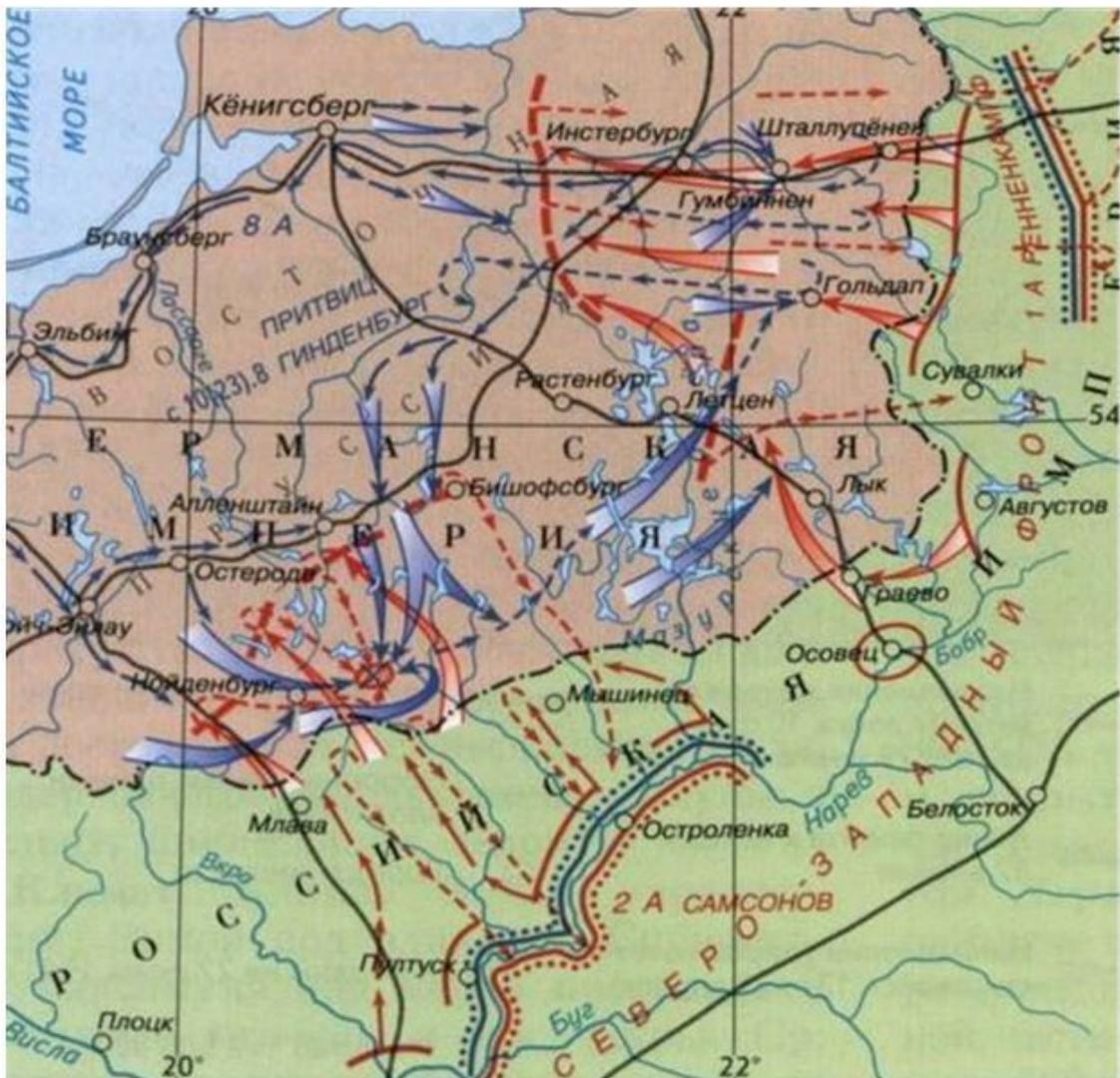
Это стало первым эпизодом оказания недоверия к крупным военачальникам с немецкими фамилиями.

В этом сражении некоторые русские дивизии и полки одержали ряд важных побед у городов Лан, Орлау, Франкенау, Ваплица, Мюлен и других.

Но отдельные тактические успехи русской армии не были объединены в общую победу.

Немецкие же войска, потерпев ряд тактических поражений, выиграли сражение в целом.

А вот благодаря бездарному управлению русскими войсками на уровне фронт – армия – корпус фланги 2-ой армии были отеснены, а её центр уничтожен.

Неудовлетворительное руководство сражением со стороны штаба Северо-Западного фронта и его командующего Я.Г. Жилинского, не правильно оценившего оперативную ситуацию в период с 7 по 13 августа, подставило 2-ую армию под удар почти всей немецкой 8-ой армии, считавшейся штабом русского фронта разбитой и отступающей за Вислу.

Вина за поражение 2-ой армии лежала и на самом её командующем генерале от кавалерии А.В. Самсонове, не сумевшим грамотно распорядиться вверенными ему войсками и организовать встречное сражение, и на командующих корпусами генералах от инфантерии Л.К. Артамонове (1-ый корпус), А.А. Благовещенском (6-ой корпус), Н.А. Ключеве (13-ый корпус) и К.А. Кондратовиче (23-ий корпус).

А плохая работа русской армейской разведки не дала возможность вскрыть места сосредоточения основных сил германской армии против флангов 2-ой армии. Поэтому до самого последнего момента А.В. Самсонов считал, что фланги его армии ведут бои с заслонами и отходящими войсками противника.

А пренебрежение правилами фронтовой радиосвязи привело к перехвату противником незашифрованных телеграмм и раскрытию всех планов командования 2-ой армии.

Таким образом, немецкая 8-ая армия отразила наступление в Восточную Пруссию двух русских армий, нанеся поражение 2-ой армии и вытеснив из Восточной Пруссии 1-ую армию, что стало существенным оперативным успехом Германии на Восточном фронте.

Победа вооружённых сил Германии в Восточно-Прусской операции привела к временному отказу русского командования от наступления из Варшавского выступа через Познань на Берлин.

Но переброска, для усиления своей 8-ой армии, с Западного фронта в Восточную Пруссию двух корпусов и конной дивизии общей численностью в сто двадцать тысяч человек, серьёзно ослабила германскую армию перед битвой на Марне, что способствовало победе французов в этой битве.

И в итоге, победа генерала Жозефа Жоффра на Марне стала возможной во многом благодаря жертве 2-ой русской армии генерала Александра Васильевича Самсонова, сознательно брошенной в, расставленную генералом фон Людендорфом, ловушку.

В то время французский генерал, Фердинанд Фош сделал вывод:

– «Если Франция не была стёрта с лица Европы, то этим, прежде всего, мы обязаны России, поскольку русская армия своим активным вмешательством отвлекла на себя часть сил и тем позволила нам одержать победу на Марне».

Таким образом, оперативный успех немецкой армии в Восточной Пруссии за счёт переброски войск с Западного фронта, в связи с провалом наступательной операции против Франции, обернулся стратегическим поражением Германии. И теперь Германия была вынуждена вести затяжную войну на два фронта, которую у неё не было шансов выиграть.

Но ещё до окончания этих сражений в Восточной Пруссии, 5 августа 1914 года, пять русских армий Юго-Западного фронта под командованием генерала Н.И. Иванова начали наступление в Галиции против четырёх австро-венгерских армий под командованием эрцгерцога Фридриха.

Фронт разразившейся огромной Галицийской битвы, с центром около Львова, составлял почти 500 километров.

Но вся битва разделилась на отдельные независимые операции, включавшие, как наступление, так и отступление обеих сторон.

На центральном участке фронта наступление русских войск началось 6 августа, и 21 августа был взят Львов (Лемберг). А на следующий день левофланговыми армиями фронта был взят Галич.

До 31 августа австро-венгерские войска в ходе контр наступления пытались вернуть себе Львов, но безуспешно.

А на северном участке этого фронта, в ходе Люблин-Холмской операции, 20 августа русские войска поначалу отступили на территорию Польши к Люблину и Холму.

Но с 29 августа, пытаясь выровнять и укоротить линию соприкосновения с противником, австро-венгерские войска начали общее отступление по всему фронту.

Поэтому армии Юго-Западного фронта сохранили высокий темп наступления, в короткие сроки освободив часть Буковины и историческую часть Руси – Восточную Галицию.

На 1 сентября, или на сорок пятый день со дня выхода Указа, мобилизация в России была полностью завершена.

Под ружьё было поставлено три миллиона триста восемьдесят восемь тысяч военнотружущих и более пятисот семидесяти тысяч ополченцев.

Всего в отобролизованной русской армии к этому дню имелось тысяча восемьсот тридцать батальонов, тысяча двести сорок три кавалерийских эскадрона (сотни), и шесть тысяч семьсот двадцать орудий в девятистах восьми батареях.

К 13 сентября уже стабилизировалась линия фронта, установившись на расстоянии 120–150 километров западнее Львова. А сильно укреплённая австрийская крепость Перемышль оказалась осаждённой в тылу русской армии.

Этот успех вызвал ликование в России и дальнейший подъём патриотических настроений.

А в Австро-Венгрии эти неудачи привели к опасению проведения крупных наступательных операций австрийской армии на русском фронте без помощи Германии.

Линию фронта пытались выровнять в свою пользу и Германия с Россией.

Германия пыталась, прежде всего, отрезать от территории России Варшавский выступ.

А Россия – соответственно прирезать к этому выступу территории севернее него – Восточную Пруссию, что ей не удалось, и южнее него – Восточную Галицию, что удалось сделать блестяще.

Теперь настала очередь Германии срезать Варшавский выступ. Но наступать на него с севера из Восточной Пруссии, территорию которой удалось удержать с таким трудом, немецкое командование не отважилось.

Наступление они повели с юго-запада из Галиции, перебросив туда войска пока для помощи терпящим поражение австрийцам.

И 15 сентября немецкие войска начали оттуда наступление в северо-восточном направлении, имея целью захват Варшавы и крепости Ивангород.

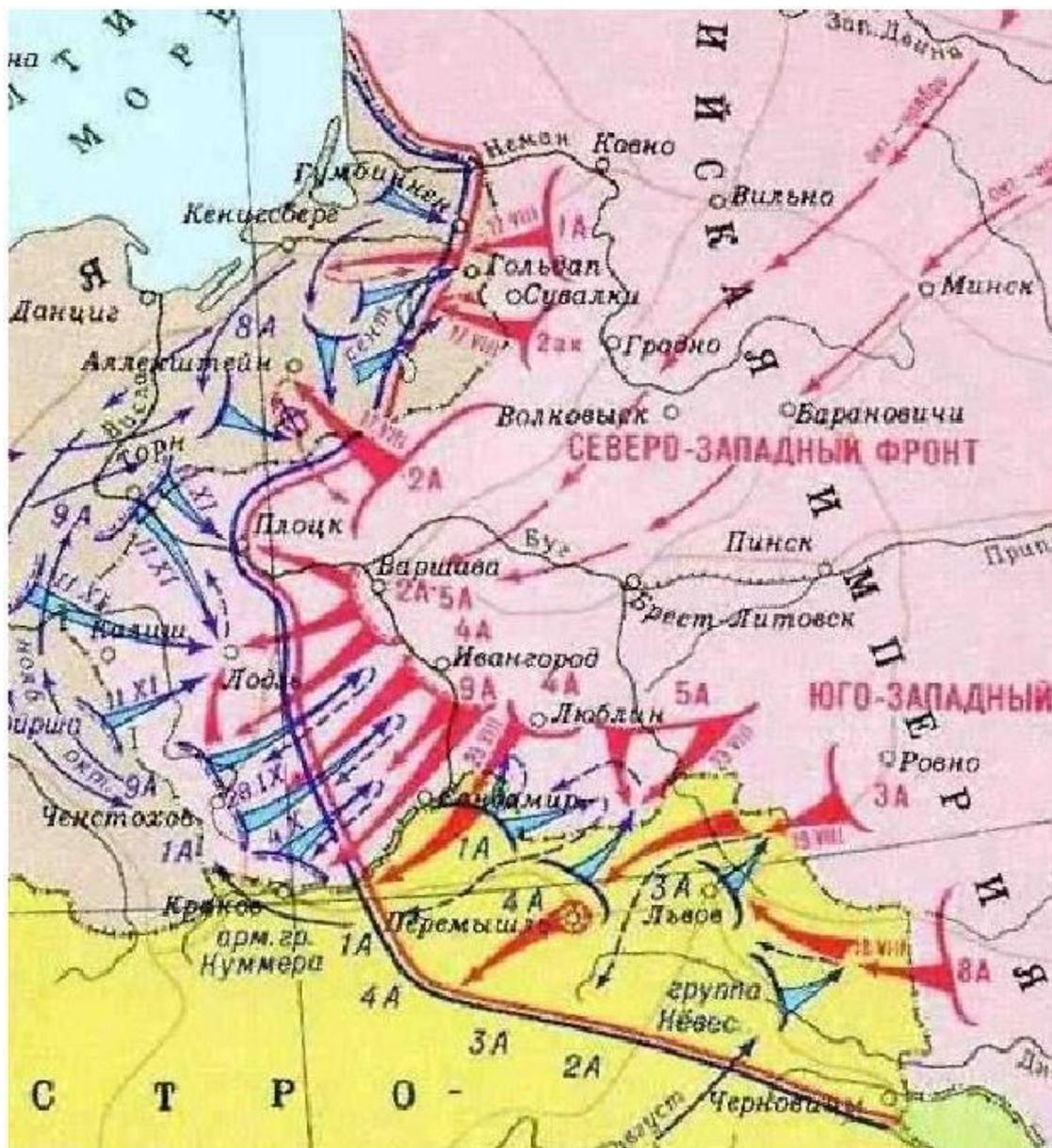
В ходе Варшавско-Ивангородской операции немцы к 30 сентября подошли к Варшаве, и вышли на рубеж реки Вислы.

И в ходе начавшихся ожесточённых боёв постепенно проявилось преимущество русской армии. А 7 октября русские войска в нескольких местах форсировали Вислу.

А уже 14 октября немецкая армия начала массовое отступление, окончательно отойдя на свои исходные позиции к 26 октября.

Через три дня, и с тех же позиций по довоенной границе, они предприняли вторую попытку наступления, но теперь по направлению на город Лодзь, оставленный немецкими войсками несколько дней назад.

В быстро развивающихся событиях немцы сначала окружили Лодзь, но затем сами чуть было не были окружены превосходящими их по численности русскими войсками, и отступили.

В результате этого, русским войскам удалось отстоять и Лодзь, и Варшаву, и нанести немцам тяжёлое поражение.

Но, с другой стороны, этими неудачными наступлениями своих войск Германии удалось сорвать планировавшееся на середину ноября наступление русских армий вглубь немецкой территории.

После срыва Лодзинской операции германских войск линия фронта несколько подравнялась в пользу Германии в районе Варшавского выступа, и в пользу России южнее него в Галиции, положение на фронтах стабилизировалось, и война всё больше становилась позиционной.

К концу 1914 года линия фронта, составлявшая около 1.200 километров, сначала проходила по довоенной границе между Восточной Пруссией и Россией.

Затем она следовала западнее от Варшавы до Лодзи, а потом шла восточнее Кракова, занятого австрийцами.

А далее линия фронта, неравномерно заполненная войсками, шла по захваченной у Австро-Венгрии части Восточной Галиции, проходя в 180 километрах западнее Львова, и упираясь в незанятые никем Карпаты.

При этом находящиеся к Востоку от этих гор Буковина и Черновцы перешли к России. Таким образом, территория Западного Полесья, по которой ещё после 16 августа отступала за Нарев 2-ая армия генерала А.В. Самсонова, оказалась тылом Северо-Западного фронта.

Но по этой же земле теперь пошли и потоки беженцев из Польши.

Миграционный процесс начался уже с первых дней войны.

Массовое прибытие беженцев на территорию Полесья и Западной Беларуси сопровождалось появлением слухов об угрожающей местным жителям опасности со стороны неприятеля и предстоящей эвакуации вглубь России. Поэтому население теперь проявляло беспокойство и требовало в банках свои вклады.

Простые люди, особенно любознательные крестьяне, любили посмотреть на беженцев, поселившихся по соседству, вступить с ними в разговор. Любопытные обыватели толпились возле домов, разглядывали игравших там детей беженцев, но приносили им продукты и одежду.

А в газетах писали, что беженцы быстро осваивались в городе, становились «чуть ли не преобладающим элементом в кинематографах и театре» и везде чувствовали себя непринуждённо.

При этом беженцы из Польши не переставали удивляться грязным дворам и мусору на улицах, даже свалкам нечистот вблизи памятников старины, создававшим явные неудобства для местного населения.

Но случалось, что местные жители обвиняли беженцев в германофильстве. Поэтому обоснованность таких обвинений проверяла полиция.

Обозы с беженцами потянулись теперь и южнее деревни Пилипки, с юго-запада на северо-восток от деревни Котлы через деревню Трещотки до деревни Клейники, и далее через Нарев на Волковыск. Доверху загруженные домашним скарбом крестьянские телеги, запряжённые изнурёнными лошадьми, бесконечной и плотной вереницей тянулись по шоссе.

Пётр Васильевич Кочет встретил эти обозы, когда вместе с женой и Григорием повёз своих сыновей в гости к бывшему тестю в деревню Котлы.

Тот теперь получал письма с фронта от своего самого младшего сына Ивана Мартыновича Раевского – подпоручика, командира взвода. Из них вся родня немного узнавала о событиях на его участке фронта, хотя цензура тщательно вымарывала ненужные места в тексте.

Туда они, специально взяв с собой друга и родственника к тому же и фотографа Григория Денисюка, ехали в переполненной подарками телеге семьи Петра Васильевича Кочета, управляемой тринадцатилетним Борисом.

На им встречавшихся телегах и прочих повозках с беженцами виднелись раскрашенные различными узорами простые деревянные сундуки, узлы с одеждой, подушки, пёстрые лоскутные одеяла, мешки с мукой, косички лука и глиняная посуда. Из лукошек, решёт и корзин, покрытых тряпками, торчали клювы ещё живых кур и уток. А редкие мужчины из обоза периодически спешивались и горячо обсуждали что-то между собой.

Женщины же насторожено вглядывались в лица встречных ездоков – зачем они здесь, не ограбят ли?

А дети с любопытством выглядывали из своих кибиток, оглядывая чрезвычайно редкую встречную повозку, и приветливо улыбаясь своим сверстникам Борису и Петру.

Периодический детский плач, визг привязанных к телегам поросят и лай сопровождающих повозки собак иногда оглашали почти мёртвую сопутствующую тишину передвижения обозов.

– И что будет с этими несчастными обездоленными людьми? Что их ждёт в будущем? – задавал себе вопрос Пётр Васильевич – А что будет с нами? Ведь война может докатиться и до нашей деревни. Вон сколько отступающих войск мимо прошло! – взволновался он.

Но его раздумья отвлекла мрачная картина. У обочины шоссе около телеги, над трупом павшей лошади, стояла растерянная плачущая женщина. По-видимому, это была вдова-крестьянка. С растерянным и убитым горем лицом, по щекам которого катились крупные слёзы, она стояла безмолвно, как изваяние. А из телеги из-под кучи домашнего скарба доносился скулёж двух маленьких девочек. Петра потрясла эта картина. Но больше всего его удивило то, что никто вокруг не оказывал женщине помощь.

Петру стало жалко эту вдвойне осиротевшую крестьянскую семью.

– А если бы это было со мной, с моей семьёй? Да ещё где-нибудь в безлюдном месте? Что бы я тогда делал? Сам бы в телегу вместо лошади впрягся? – рассуждал он.

– *«Ну, што, хлопцы, дапаможам няшчасным? Дамо им адну з нашых коней»* – обратился он к своим сынкам.

– *«Так, бацька, вядома, дапаможам!»* – сразу откликнулся отзывчивый и sentimentalный Петя.

– *«Бацька, а як жа мы дамо...? Бо яны нашы!»* – опасливо спросил хозяйственный Борис.

Обсуждая это с Гликерией, отец на миг задумался, потому проехал чуть мимо, но остановил свою повозку около обочины и подошёл к женщине.

– *«Не плач! Давай дапамагу (помогу)! Хлопцы, идзице сюды, дапамажы (помогите) конь выпрастаць (выпрячь)!»* – повернулся он к сыновьям.

Втроём они быстро освободили труп лошади от упряжи и с трудом, уже с помощью Григория, откатали телегу назад.

– *«А ты у Клейники идзеш?»* – спросил Пётр женщину.

– *«Не ведаю? Як и юсе иду на дарозе... у Расию!»* – удивлённо ответила та, представившись Степанидой.

– *«Напэвна (наверняка) у Клейники. Вось и добра! Я табе дам сваю каня. А ты там аддаси (отдашь) яе Сямёну. Гэта (это) други дом справа ад близкага да цябе краю вёски (села). Скажаш, што ад мяне – Пятра Кочета! Прозвишча запомнила? Скажы, каб змянив маю каня на сваю, а потым у инашага (другого) яго сваяка з наступнага (следующего) сяла знову памяняеш на инашую каня. Увогуле (в общем), змяняй коней, як бывала на паштовых станцыях!»* – подробно объяснил Пётр чуть успокоившейся Степаниде.

– *«Бацька, а якую конь будзем мяняць?»* – поинтересовался Борис.

– *«Дамо гэтую, Свяцелку!»* – указал отец на молодую лошадь.

Втроём быстро перепрягли Светёлку в телегу несчастной Степаниды, лицо которой как раз в этот момент засветилось безумной радостью.

Она подошла к Петру Васильевичу, по-братски обняла его, и при жене трижды расцеловала его в щёки.

– *«Дзякуй, Пятро! Стагоддзе (век) вас не забуду! Балазе (благо) табе и тваим сынкам!»* – приветливо улыбнулась она мальчишкам, возившимся со своей телегой, и убиравшим теперь ненужные постромки, хомут и вожжи от выпряженной из постромочно-дышловой парной упряжи пристяжной лошади Светёлки. На том и распрощались.

Довольная хозяйка рванула вперёд на Светёлке, а Григорий Денисюк еле успел сделать её фотографию на заднем плане, фотографируя подошедшую к ним Гликерию с младшим Петей.

– «Бацька, а калі яна падмане і не аддасць Светелку?» – взволновался Борис за сохранность своей собственности.

– «Ды аддасць... вунь, як яна радавалася нашай дапамозе! Яе ж гора змянілася на вар’яцкую (безумную) радасць!» – успокоил его отец.

– Но надолго ли хватит ей этой радости – про себя подумал Пётр Васильевич – хотя Светёлка лошадь молодая, выносливая. Да и хорошо откормленная! Ой, что это я думаю о ней, как об уже потерянной для моей семьи?! – сам себя остановил он – Ладно, поживём, увидим, посмотрим!

В задумчивости они ехали дальше. Но вскоре, видимо от излишней натуги при теперь перекошенной нагрузке на круп, лошадь приподняла хвост, начав извергать из себя не только лошадиный помёт, но и огласив окрестности звуком и запахом. От неожиданности, управлявший лошадью Петя даже отшатнулся назад, на что Борис от души рассмеялся.

Отец приказал остановиться, слез с телеги, взял, висевшее на заднем торце ведро, и деревянным совком собрал в него лошадиные фекалии.

– «Не трэба на шашы(шоссе) смеціць (мусорить)! Тут людзі ходзяць і ездзяць! А за сабой і сваёй скацінай трэба прыбіраць. Ды і нам гной (навоз) спатрэбіцца (пригодится)!» – объяснил он сыновьям свои действия, под несколько удивлённые и умилённые взгляды встречных беженцев.

А в Котлах пятидесятиоднолетний образованный и много знающий дед изрядно пообщался и повозился со своими старшими внуками Борисом и Петром-младшим от старшей дочери Ксении.

Мартын Николаевич всего на два с небольшим года был старше своего зятя Петра Васильевича, так, что после смерти дочери Ксении в 1910 году, их отношения стали, как у друзей-сверстников.

Домой Кочеты возвращались уже в общем потоке беженцев.

Но через территорию северо-западного Полесья шли не только беженцы из Польши, но и располагались госпитали и лазареты, через неё шло снабжение русских армий вооружением, снаряжением, боеприпасами и продовольствием. А в его продаже интендантским службам фронта участвовали уже многие крестьяне Полесья.

И среди местных крестьян прокатилась тревога и за своё будущее.

Через их земли проходила эвакуация оборудования фабрик с территории Польши, и уже шли православные беженцы. Всё это невольно создавало эффект толпы.

А больше всего масло в огонь подливали, выезжавшие с захваченных территорий, православные священники, тем самым подавая пример своей многочисленной пастве.

В общении с интендантскими службами крестьяне узнали о нехватке боеприпасов для армии. И их практичный ум невольно экстраполировал это на ближайшее своё будущее.

Боясь прихода немцев, некоторые крестьяне за бесценок стали продавать свои дома, имущество, скarb, скот и самостоятельно своим ходом отправляться вглубь России вслед за беженцами из Польши.

А уже осенью 1914 года начался уже беспланный, стихийный исход части беженцев и с территории Западной Беларуси.

Но ещё в июле 1914 года Генштаб разработал ряд новых правил и положений по эвакуации населения из прифронтовой полосы.

В Гродненской губернии, на территории которой размещалась и деревня Пилипки, руководством по эвакуации служили «Временные правила по эвакуации населения и имущества в случае войны», разработанные военными Виленского военного округа ещё в конце 1912 года.

По этому положению, например, перечень подлежащих эвакуации учреждений определял губернатор.

Но накануне войны никто из разработчиков планов не мог себе представить возможных масштабов беженства.

Хотя подготовка к войне и шла полным ходом: проводились учения и манёвры, инспектировались воинские части, строились новые крепости (например, Гродненская и Осовецкая) и модернизировались старые (например, Брест-Литовская).

Существовал и эвакуационный план на случай возможного отступления.

Да и сам Николай II-ой уделял этому вопросу большое внимание.

Уже после начала боевых действий и перевода польских, белорусских и литовских губерний на военное положение он несколько раз посещал места дислокаций некоторых частей действующей армии.

Он проводил смотры войск в Барановичах, где размещалась его Ставка Верховного Главнокомандующего, в Бресте, Вильно, Гродно, Ивангороде, Ковеле, Лукове, Люблине, Минске, Ровно, Седльце и Холме.

Планом эвакуации предусматривалось расселение беженцев в глубинные районы России, в основном в центральные и южные губернии Европейской части Российской империи, а также, но в меньшей степени и по желанию, в Сибирь.

Главным уполномоченным по устройству беженцев северного района стал Сергей Иванович Зубчанинов. В зону его полномочий помимо других областей входили белорусские Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилёвская губернии. Он лично определял порядок выселения с территорий фронтов, а также направления эвакуации и способы транспортирования беженцев на новое место жительства вглубь страны.

А территорией для расселения беженцев из двенадцати западных губерний, в основном пока польских и южных прибалтийских, была определена Калужская губерния, в которой первые беженцы появились уже в августе 1914 года.

В середине августа 1914 года в Гродно уже не работало более восьмидесяти процентов предприятий, не считая мелких, а без работы осталось более семидесяти процентов работников.

А в сентябре 1914 года уже началась деятельная подготовка эвакуации и из всей оставшейся части Гродненской губернии.

Но пока ряд учреждений из Гродно был эвакуирован недалеко – в город Слоним той же губернии.

А первые побеги жителей из самого Гродно начались уже 19 июля 1914 года – на следующий день, после объявления о мобилизации.

На городском железнодорожном вокзале, заваленном горами багажа, началось столпотворение. Уезжали члены семей военных, городских чиновников, духовенства и служащих. В ожидании посадки в вагоны, тысячи людей простаивали многочасовые очереди не только на перронах, но и на запасных железнодорожных путях.

Но первой в Калужскую губернию, вместе с богадельней, была эвакуирована гродненская окружная лечебница, с размещением в Жиздринском уезде на территории бывшего завода графа Орлова-Давыдова.

В этом же месяце в Гродно была создана «Особая оценочная комиссия», и каждый служащий мог оценить своё оставляемое имущество.

После эвакуации комиссия продолжила свою работу в доме Фалеева на Николо-Козинской улице в Калуге.

К этому времени, к 30 августа 1914 года, Правительством были выпущены Закон и Положение об обеспечении нужд беженцев и Законы и Распоряжения о беженцах.

А 14 сентября 1914 года в России был учреждён Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий.

Поскольку по Положению о Комитете его Председателем стала Великая княжна Татьяна Николаевна, то в народе он получил название «Татьянинский комитет», пока ставший центральной организацией в Российской империи по защите беженцев. Свою деятельность Комитет осуществлял в основном на государственные средства, а также на пожертвования, вносимые через губернские, уездные и городские отделения при непосредственном участии местных властей.

В России началась перестройка тыловой жизни по вновь принятым законам, которые были призваны всесторонне решить проблемы беженства всеми участниками процесса: и теми, кто бежал, и теми, кто принимал беженцев, организовывал им помощь, а со временем и способствовал их возвращению домой.

В октябре 1914 года, из-за последствий введения военного положения, ухудшение экономического положения в Гродненской губернии стало значительным.

Этому способствовали и существенные ограничения в перемещениях по территории губернии и обременения хозяйства губернии мероприятиями по обеспечению войск Северо-Западного фронта и Двинского военного округа, в который входили только некоторые уезды губернии: Белостокский, Волковысский, Гродненский и Сокольский.

Остальные уезды Гродненской губернии: Брестский, Кобринский, Пружанский и Слонимский входили в Минский военный округ.

Также на экономику губернии оказывало влияние ограничение и регламентирование торговли, и массовый охват населения трудовыми мобилизационными мероприятиями.

Наряду с этим, властями Гродненской губернии, как и властями других прифронтовых губерний России, стали проводиться репрессивные, в том числе и экономические, мероприятия против лиц немецкой и еврейской национальностей. В их среде искали шпионы и вредители.

Однако в октябре, вместе с изменением хода боевых действий на фронте, изменилась и ситуация с беженцами. В Гродно стали возвращаться даже местные чиновники со своими семьями.

А уже в январе 1915 года в Гродно вернулись ранее эвакуированные в Смоленск и Пензу школы, в которых в феврале начались занятия, тем как бы завершив первую волну эвакуации. Но сам характер этой первой волны эвакуации населения из Западных губерний России показал неподготовленность к ней ни местных властей, ни самих беженцев.

При отсутствии соответствующих и своевременных распоряжений от военных властей (командующего фронтом, командующих армиями, командующих войсками военных округов или комендантов городов и крепостей), направляемых населению через губернатора, градоначальников, уездных исправников и чиновников, при эвакуации не было должного порядка.

Даже военный человек – Гродненский губернатор генерал-майор Вадим Николаевич Шебеко – получал сведения о движении беженцев по территории его губернии от самых разных гражданских ведомств и военных учреждений. Во многом, это стало следствием подхода высшего российского военного руководства к тыловым территориям, прилегающим к существующему или вероятному театру военных действий, как к территориям, подлежащим изменению на них «тактики выжженной земли».

Согласно этой тактике реквизиции подлежали все домашние животные, лошади, повозки и превышающие месячную норму потребления продукты питания. А после уборки зерновых и сена, безусловно, должны были быть уничтожены все посевы и покосы. Также, по усмотрению военных, могло быть уничтожено и личное имущество уезжающих крестьян, и даже постройки и домашняя мебель. Но за уничтоженное и реквизированное военными имущество крестьянам полагались выплаты от властей. Причём за домашний скот и посевы выплаты должны были быть произведены немедленно и наличными с выдачей соответствующих документов.

Однако на практике это было далеко не всегда и не везде – власти просто не успевали за быстро меняющейся обстановкой на фронте.

Такой подход привёл к тому, что на территории Западной Беларуси оказались беженцы из Польши вместе со своими проблемами.

А их бедственное положение иногда даже приводило к случаям ограбления помещиков и зажиточных крестьян Западного Полесья.

Толпой в несколько десятков или сотен человек беженцы из Польши набрасывались на картофельные поля, сено, овёс и другие необработанные посевы. Но это пока не коснулось жителей деревни Пилипки, стоявшей несколько в стороне от забитого беженцами шоссе.

– А что и нас самих скоро ждёт? – задумались об этом и члены большой семьи Кочетов – Может и нам уже пора готовиться к отъезду?

Однако их мнения разделились. Старики не хотели уезжать из насиженных мест даже под страхом лишения и смерти. А молодые, прежде всего опасаясь за своих малых детей, начали задумываться об эвакуации на восток в Центральную Россию.

С особым волнением следили они за ходом зимнего сражения за Гродненскую крепость, располагавшуюся северо-восточнее их земель.

В результате январского 1915 года наступления немецких войск в Польше, северо-западнее Гродно в лесах около города Августов в окружение попал 20-ый корпус генерала Павла Ильича Булгакова из образованной ещё в августе 1914 года 10-ой полевой армии под командованием нового командующего – генерала от инфантерии Фаддея Васильевича Сиверса.

До этого 10-ая полевая армия, в которую влились части бывшей 1-ой армии, в составе Северо-Западного фронта участвовала в сентябрьских боях, захватив город Августов и, выйдя в тыл немецким войскам, вынудила их отступить, тем самым очистив территорию России к западу от среднего течения Немана.

И в этом втором наступлении в Восточной Пруссии вновь поучаствовал капитан Александр Арефьевич Успенский.

А в дальнейшем эта 10-ая русская полевая армия вошла на территорию Восточной Пруссии, лишив противника инициативы и возможности предпринять действия против тыла наших армий, наступавших в районе среднего течения Вислы.

А теперь наши окружённые воинские части из 20-го корпуса этой армии, в который теперь входила и 27-ая пехотная дивизия, пытались прорваться к фортам крепости, но немцы отрезали им отход.

Это сражение в январе – феврале 1915 года в Августовских лесах стало последним, в котором поучаствовал капитан Александр Арефьевич Успенский со своими ближайшими соратниками.

Русская военная разведка проглядела традиционное сосредоточение крупных сил противника по флангам нашей армии. И русское командование слишком поздно разгадало замысел противника, который в ходе начатого 25 января мощного наступления, вынудил 10-ую армию отойти.

А центральный 20-ый корпус армии с 27-ой пехотной дивизией на целые сутки задержался на позициях, что стало для его солдат роковым.

До 30 января в тяжёлых арьергардных боях у деревни Грюнвальде корпус ещё с трудом сдерживал противника. Но уже на следующий день бои перекатились на территорию России, в Августовские леса, в которых части сильно обескровленного 20-го корпуса были окончательно окружены.

Окружённым не хватало боеприпасов, снаряжения и провианта. Дело усугубила и плохая погода, но они сражались, иногда даже переходя в контрнаступление. А за ошибки и просчёты командования нередко приходилось расплачиваться своим героизмом офицерам и рядовым.

Колонна в составе 106-го Уфимского и 108-го Саратовского пехотных полков 3 февраля наткнулась на целую немецкую дивизию, располагавшуюся в районе деревень Серский ляс, Дальний ляс и Махарце Сувалкской губернии.

Поскольку в составе 106-го Уфимского полка оставалось до тысячи человек личного состава, то командование операцией по прорыву через вражеские части было поручено командиру 108-го Саратовского пехотного полка полковнику Валериану Ерофеевичу Белолипецкому.

Командир 106-го Уфимского пехотного полка полковник К.П. Отрыганьев шёл теперь вслед за цепями своих солдат, сведённых в батальон, воодушевляя их.

– *«Господин полковник! Поберегите себя, здесь уже цепи!»* – подскочил было к нему его адъютант штабс-капитан Б.З. Цихоцкий.

– *«Если вы боитесь, не идите за мной!»* – только и ответил Константин Прокофьевич.

После решительной атаки немцев удалось выбить из этих деревень, взяв в плен более тысячи солдат противника, 9 пулемётов и 15 орудий, включая 2 своих.

Но командир 106-го Уфимского пехотного полка полковник К.П. Отрыганьев был ранен в ногу шрапнелью, передав командование остатками полка полковнику Александру Николаевичу Соловьёву, прибывшему в их полк в конце 1914 года из отставки.

А в результате этих героических действий из готовящегося котла смог выйти соседний 26-ой корпус.

Но 20-ый корпус, сражавшийся до конца, был разбит. Из окружения вырвались только два его полка. Остальные погибли или были пленены немцами.

К 8 февраля в 106-ом Уфимском пехотном полку осталось около двухсот человек.

Загнав остатки 20-го корпуса в болота, 9 февраля противник пленил их, даже в последний момент пытавшихся перейти в контратаку.

Напоследок поручик Александр Александрович Кульдвер под присмотром своих командиров лично закопал полковое знамя 106-го Уфимского пехотного полка.

Среди пленённых русских офицеров оказались генерал-майор А.Э. Беймельбург, раненый полковник К.П. Отрыганьев, подполковник Е.Г. Костомаров, командиры рот капитаны В.К. Пясецкий, И.П. Балод и А.А. Успенский, адъютант комполка штабс-капитан Б.З. Цихоцкий, командиры взводов поручик А.А. Кульдвер, подпоручики П.А. Кострица и И.М. Раевский.

В темноте товарного вагона, вёзшего пленных на запад, Александр Арефьевич делился с сослуживцами своими последними впечатлениями:

– *«Господа, это же стыд и позор – оказаться в плену! Хорошо, что нас пленили не на глазах наших солдат!»* – поцеловал он свой крест.

– *«Ничего, господин капитан! А вы вспомните, какой голод, изнурение от бессонницы и физическая усталость отнимали наши силы в последние дни?!»* – ответил ему штабс-капитан Цихоцкий – *«Теперь хоть это позади. Мы хотя бы сыты, спим много и ничего не делаем!»*.

– *«Да, господа, даже и не верится, что некоторые из нас спали на ходу!»* – вступил в разговор капитан Пясецкий.

– *«Да, а как мои молодцы засыпали?! При малейшей остановке сразу валялись на снег!»* – восторженно вспомнил подпоручик Раевский.

– *«И при этом они спронежя вскакивали и безумно кричали!»* – добавил поручик Кульдвер.

– *«У меня в такие моменты, господа, перед глазами стоял сплошной туман, а в голове был настоящий кошмар!»* – внёс ясность и капитан Балод.

– *«Хорошо хоть нашего Константина Прокофьевича немцы сразу в госпиталь направили!»* – подвёл черту генерал-майор Артур Эмильевич Беймельбург.

Этих пленных русских офицеров доставили в Германию в лагерь для военнопленных Гнаденфрей, где они разделили участь миллионов русских рядовых и офицеров.

А тем временем на протяжении нескольких дней противник пытался прорваться к Неману и обойти Гродненскую крепость.

Но его сил для этого оказалось недостаточно, и он был вынужден отойти назад в Польшу. Таким образом, срывались новые планы немецкого командования.

Ведь с начала 1915 года Германия поменяла свои военные планы.

Теперь направлением её главного удара становился Восточный фронт против России, с целью вывести её из войны.

По этому плану командование германской армии решило мощными фланговыми ударами из Восточной Пруссии и из Галиции прорвать оборону русской армии и окружить её основные силы в Варшавском выступе.

А зимняя Августовская операция как раз и была частью этого плана.

И хотя поначалу немцам и удалось окружить и после ожесточённых боёв пленить остатки 20-го корпуса из 10-ой русской армии, организованно отошедшей на новые позиции, прорвать русский фронт им так и не удалось.

Но эта попытка противника захватить Гродно серьёзно напугала жителей Западного Полесья, начавших не только подумывать, он и реально готовится теперь уже и к своей эвакуации на восток.

Однако, с 12 февраля немцы, до этого встретившиеся с ожесточённым сопротивлением русской армии, вынуждены были под её контратакующим натиском отступать практически на исходные позиции в Восточной Пруссии.

Но в ходе этих сражений Россия потеряла Сувалкскую губернию.

Практически в это же время, 9 – 11 февраля, в центре и на левом фланге Юго-Западного фронта австро-германские войска предприняли зимнее наступление в Карпатах, пытаясь вернуть себе Буковину.

А русская армия начала встречное наступление в Венгрию.

Но на юге Карпат русская армия, не успев сгруппироваться, к концу марта потеряла большую часть Буковины с Черновцами.

С другой стороны, 9 марта после полугодовой осады пала австрийская крепость Перемышль, и в плен сдались сто двадцать тысяч человек.

Большое количество пленных с обеих сторон, а также беженцев создало много новых проблем для властей всех уровней.

Ведь в военный период всегда усиливаются миграционные процессы, которые наряду с другими факторами могут привести и к дестабилизации политической обстановки в стране. Перед властью тогда неизбежно встаёт задача сохранения политической и социально-экономической стабильности внутри страны. И это она достигает, в том числе, и путём уменьшения негативного влияния этих миграционных процессов.

Первой такой проблемой для русских властей стали беженцы из Польши, оказавшиеся на белорусских землях. Кроме их размещения, встала задача и их полезного трудоустройства.

В условиях военного времени такая задача легко решалась бы использованием эвакуированных жителей, прежде всего, на оборонительных работах в тылу армии. Это были земляные работы по укреплению позиций путём рытья окопов, траншей и блиндажей. Также беженцев можно было использовать при разгрузке железнодорожных воинских грузов, ремонте и постройке новых мостов и дорог в прифронтовой полосе.

На территории Гродненской губернии было два крепостных района вокруг Брест-Литовской и Гродненской крепостей.

Но на эти трудовые повинности военного времени сгонялось только местное население, в основном городские рабочие и крестьяне из ближайших уездов, у которых в этот период главной заботой был весенний сев. И это было в то же время, когда большое число беженцев из Привислинского края искало себе работу для гарантированного пропитания своих семей.

На такой работе они вполне бы могли заменить и местных рабочих и крестьян. Однако время шло, а людей на стройках не хватало, в то время как эвакуированные жители шатались без дела в поисках хоть какой-нибудь работы. А тут и посевная началась, и крестьяне устремились на свои поля.

Началась посевная и у крестьян деревни Пилипки.

Но многие уже раздумывали – А стоит ли сеять? А кто будет убирать урожай?

И в большой семье Кочетов пошли бурные споры и обсуждения.

– *«Бацька, на яки ляд нам сеяць и саджаць, кали хутка (скоро) немцы сюды прыйдуць и усё забяруць?! Можна лепш (лучше) пасянуое (посевное) збожжжа (зерно) з сабою юзяць (взять) у гэтую, як яго? Эвакуацыю!»* – спросил опытного отца Пётр Васильевич.

– *«Ня, не зусим так! Немцы прыйдуць можна, а можна няма. Вось будзе смешна, кали ты не пасееш, и яны не прыйдуць, а?! Чым тады сямгю кармиць будзеш? Ды и эвакуацыя, кажуць, недалёка будзе и не надовга!»* – якобы спросил отец, тыча пальцем в лоб своему сорокавосемилетнему сыну.

– *«Так, бацька! Ну, а кали прыйдуць и надовга, што тады?»* – почесав темя, спросил Пётр.

– *«Тады, тады! Што ты талдычишь? Тады и нас тут не будзе. Хай басурманы саи збожжжа (зерно) збираюць...»* – чуть возмущившись, с досадой за возможно потерянный урожай, ответил Василий Климович.

– *«Так, бацька, ты маеш рацыю (прав)... Але (Но) я усё ж зраблю на разумнаму. Вялікую частку збожжжа (зерна) пасаджу, а частка вазьму з сабою на новыя землі – можна атры-*

маецца (удастся) там ёю абзавесціся і сваё зерне вырастиць. У крайнім выпадку (случае), зьямо (сьедим) яго на дарозе (по дороге)».

– «Добра, сыноч, правільна прыдумав, так і паступим! Можэ гэта зерне на дарозе яшчэ прыйдзеца прадаць?».

– Уж лучше сделать что-нибудь потом оказавшееся бесполезным, чем вообще ничего не делать! – про себя решил Пётр Васильевич Кочет.

Так они с отцом и решили, приступив к весеннему севу.

Глядя на них, а может и додумавшись сами, или что-то решив для себя другого, но многие крестьяне их села тоже взялись за посевную.

Однако меняющаяся обстановка на фронте для русских войск всё же лишь ухудшалась.

После неудач на северном фланге Варшавского выступления в апреле германо-австрийские войска предприняли новое наступление, но теперь на его южном фланге в Галиции, с целью прорыва обороны и уничтожения, находящихся там основных сил.

К середине апреля здесь были сосредоточены значительные силы австро-германских войск. А прорыв русского фронта планировался в районе Горлице на юге Польши. Там, на участке в 35 километров Германия и Австро-Венгрия сосредоточили 32 дивизии и полторы тысячи орудий.

У русских войск, уступавшим неприятелю по численности почти в два раза, на этом участке фронта не было тяжёлой артиллерии, а для остальных орудий не хватало снарядов.

И 19 апреля австро-венгерские войска нанесли мощный удар по центру южного фланга русских армий в районе Горлице, с общим направлением наступления на Львов, через три дня прорвав фронт.

Этому способствовало также неудачное маневрирование русскими войсками и неиспользование резервов.

Пытаясь вывести из-под удара свои армии и выпрямить линию фронта, русские войска начали отступление на заранее подготовленные позиции.

В воздухе уже витал страх и перед возможным новым наступлением немцев и возможно новой эвакуации населения на восток.

Но не только сами крестьяне, но и царские власти теперь готовились к эвакуации населения из Полесья и Западной Беларуси, к вывозу скота, различного имущества и оборудования, разрушению жилых домов, различных предприятий, мостов и другой инфраструктуры – оставляя наступающему неприятелю лишь выжженную землю.

А в качестве компенсации власти давали крестьянам расписки, обещая после войны всё возместить.

И большая семья Кочетов, жившая в нескольких домах деревни Пилипки, начала готовиться к отъезду.

Первым делом позаботились о транспорте. Пётр Васильевич начал усиленной кормить лошадей, дабы им было бы легче в дальней дороге, да и чтоб остатки корма не достались бы врагу. Он подправил сбрую для лошадей, починил телегу и возок, приготовив для них и запасные колёса.

Но вещей набиралось много. Поэтому пришлось у местных мастеров срочно заказать дроги.

Но таких заказов было много, и мастера не успевали. Поэтому Петр Васильевич и сам лично поучаствовал в этом процессе.

Крестьяне распродавали в интендантские службы армии излишки продовольствия, в основном муку и крупы, соленья и копчения, законсервированное мясо, картофель, сало и птицу. Кое-кто забивал молодняк. Но отборное зерно для посадки на всякий случай некоторые крестьяне брали с собой.

Пётр Васильевич отобрал и самые сложные и возможно необходимые в будущем сельскохозяйственного труда и инструмент.

А Гликерия Сидоровна собирала в короба необходимую семейную одежду, посуду и некоторую домашнюю утварь.

Всего семья Петра Васильевича Кочета набрала своего добра на две телеги, как раз для двух оставшихся лошадей. Теперь всё было готово.

Остальную домашнюю и хозяйственную утварь Пётр спрятал в погреб и запер в хате, заколотив окна и двери всех своих построек.

Всё больше неодолимая тоска овладевала им. А уж как убивался его отец Василий Климович, тоже подготовившийся к дальней дороге:

– *«Сын, як жа мне не хочацца з'язджаць (уезжать) з родных мясцин (мест)! Ведав (знал) бы ты!?»*.

– *«Так, бацька, и мне таксама (тоже) не хочацца. Але трэба. Вунь немец як прэ, як бык на карову»*.

И действительно, отход войск Юго-Западного фронта продолжался до 9 июля и был назван Великим отступлением 1915 года.

Теперь весь фронт южнее Варшавы сместился на восток.

В Привисленском крае были утрачены Келецкая и Радомская губернии.

Фронт прошёл западнее Люблина. Была оставлена и большая часть Галиции. И только что взятый Перемышль был оставлен ещё 3 июня.

А 9 июня был оставлен и Львов.

За Россией остались небольшая часть Буковины, вся территория вокруг Тернополя и полоса до 40 километров глубиной с городом Броды.

И с этого периода отступление русских войск, начавшееся с прорыва немецких войск, стало плановым и проходило в организованном порядке. Но моральный дух русской армии был сломлен, что привело кое-где к массовой сдаче солдат в плен.

Добившись успеха на южном участке фронта, Германия начала наступление и на северном участке – в Варшавском выступе и в Восточной Пруссии.

А поскольку Горлицкий прорыв не привёл к развалу русского фронта, который удалось стабилизировать ценой глубокого отступления, немцы сменили тактику, организовав прорыв русского фронта сразу по трём направлениям.

Два удара: с севера между Варшавой и Ломжей на юг к реке Нарев; и с юга со стороны Галиции на север к междуречью Вислы и Буга.

И опять оба удара были направлены в основание Варшавского выступа, и должны были сойтись на границе Привисленского края в районе Брест-Литовска.

Поэтому во избежание окружения русским войскам пришлось бы отступить из Варшавского выступа.

А третий удар теперь должен был быть направлен из Восточной Пруссии в сторону Риги, но на широком фронте для сковывания русских резервов.

В результате этих ударов 13 июня началось наступление немецких войск между Вислой и Бугом, а 30 июня началась Наревская операция.

После ожесточённых боёв русский фронт в обоих местах был прорван, и русская армия начала общий отход из Варшавского выступа. В итоге этого отступления Россия потеряла всю Польшу.

Такие печальные события повлияли и на кадровые перестановки в высшем военном руководстве России. В тот же день 30 июня военный министр Владимир Александрович Сухомлинов был заменён на Алексея Андреевича Поливанова.

И особенно они повлияли на появление новой волны беженцев из западных губерний России.

Беженскую проблему в Белорусских губерниях усугубило преследование выселяемых подальше от линии фронта и мест дислокации действующей армии вглубь России лиц немецкой и еврейской национальности.

Власти демонстрировали подозрительность к этим лицам, создавая в обществе атмосферу недоверия и вызывая попытки свести с ними счёты.

Это раздражало и вызывало негодование у большей части коренных жителей Беларуси, веками привыкших жить со всеми национальностями в мире, дружбе и согласии, уважая национальные особенности и религиозные чувства своих соседей. И антисемитизм, и неприязнь к немцам-колонистам не были характерны для жителей Полесья и Западной Беларуси.

А жертвами этой политики поисков шпионов стали тысячи российских граждан еврейской и немецкой национальности, вместе с беженцами других национальностей наполнившие собой территории губерний центральной России, заставив своим числом по факту ликвидировать закон о черте еврейской оседлости в России.

Но в этой же беженской среде оказались и сотни тысяч беженцев-белорусов.

И теперь масштабное отступление войск Юго-Западного фронта с территории Западной Украины повлекло за собой и отступление войск Северо-Западного фронта с территории Польши и Западной Беларуси.

А 1 июля началось наступление немцев и в Восточной Пруссии.

За месяц боёв русские войска были оттеснены за реку Неман.

Немцы захватили Ковно, Курляндию (Западную Латвию) с Митавой (Елгавой) и важной военно-морской базой Либавой (Лиенай), вплотную подойдя к Риге. Но военно-морское сражение в Рижском заливе немцы не выиграли. Русский Балтийский флот продолжал оказывать поддержку своим сухопутным армиям.

Но к 22 июля Варшава и крепость Ивангород были оставлены русскими войсками, которые были вынуждены отступить из Варшавского выступа и со всей территории Польши сначала в Западную Беларусь.

Через несколько дней, 3 августа, на совещании Ставки Верховного Главнокомандующего в Волковыске было принято решение разделить теперь излишне растянувшийся Северо-Западный фронт на два: Северный фронт со штабом в Пскове, и Западный фронт со штабом в Минске.

Главкомом Западного фронта был назначен опытный военачальник генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

По инициативе же Ставки Верховного Главнокомандующего 4 августа 1915 года было принято Решение центральных властей о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии империи.

Из районов, подведомственных Северо-Западному фронту, беженцев преимущественно направляли в губернии Европейской России.

А 6 августа в Калугу поступило Распоряжение Главного уполномоченного о предстоящем направлении в Калужскую губернию и по устройству на её территории 100 тысяч беженцев Северо-Западного фронта.

В их число попали и крестьяне деревни Пилипки, которые пока не знали об этом.

А в период с 7 по 9 августа русскими войсками были оставлены уже крепости Новогеоргиевск, Осовец и Ковно.

При таком положении дел на фронте 10 августа Николай II-ой взял на себя обязанности главнокомандующего русскими войсками, направив Великого князя Николая Николаевича на Кавказский фронт.

Но и фактическое руководство всеми русскими армиями перешло к М.В. Алексееву.

От Верховного Главнокомандующего он получил задачи: прочно удерживать в своих руках Гродно-Белостокский район и фронт от верхнего течения реки Нарев до города Брест-

Литовск включительно, прикрывать пути по правому берегу верхнего Буга к фронту Брест-Литовск – Кобрин – Пинск – Лунинец, а также прочно удерживать саму крепость Брест-Литовск и её район.

В связи с этим генерал М.В. Алексеев дал распоряжения по передислокации ряда корпусов своего фронта, в состав которого теперь входили 1-ая, 2-ая, 3-я и 4-ая армии.

Для своего фронта М.В. Алексеев предложил следующие позиции: от Липска на Белосток, Бельск и Брест-Литовск; западнее Немана – Гродно, Крынки, Гайновка, Каменец-Литовский, река Десна, Брест-Литовск и Ратно; Ораны, Гродно, реки Неман и Свислочь, Шергаево, Жабинка, Дивин и Пинск; Олькеники, Мосты, Ружаны и Ясельда.

Эти распоряжения были одобрены Николаем II-ым, который ответил генералу М.В. Алексееву:

– «...*Не желаю стеснять Вас никакими указаниями... Руководство всеми операциями обоих фронтов должно всецело лежать на Вас!*».

Эти назначения повлекли за собой значительные положительные перемены в положениях на фронтах, и имели чрезвычайно важные внутривойсковые последствия.

И тут как раз подоспел и приказ о поголовной эвакуации населения с оставляемых войсками территорий, в которые естественно попала и территория Северо-Западного Полесья.

И в первой декаде августа в деревню Пилипки пришло распоряжение властей о подготовке к эвакуации всех крестьян на восток.

Тут уж было не до споров и обсуждений.

А когда был объявлен приказ властей уже о немедленной эвакуации, то многие от пришедшего горя заплакали.

Кому было жалко отхода наших войск и потери наших территорий, а кому, а таким безусловным большинством были практически все, было жалко своих домов, своих приусадебных и земельных наделов, и своего оставляемого имущества, приказанного сжечь на месте вместе с покосами.

Однако местные власти распространяли среди хозяев крестьянских хозяйств формуляры, в которых надо было указывать своё утраченное имущество для получения в будущем компенсации.

Всё равно никто не хотел уезжать из родных мест, однако пришлось.

Кое-где урядникам пришлось применять даже силу. И никакие прежние заслуги перед Отечеством не могли быть причиной отказа от эвакуации.

Ни наличие большой собственности, ни хорошая репутация, и даже ни участие и ранения в Русско-японской войне, как у Григория Денисюка, как и ни какие-либо другие заслуги теперь не имели никакой значимости. Тактика «Выжженной земли», помогшая ещё в войне с французами, и теперь активно и организованно претворялась в жизнь.

Как только караван из жителей деревни Пилипки был готов, местное начальство дало приказ начать движение.

Крестьяне уходили из деревни Пилипки под вой и причитания некоторых женщин. Обстановка была словно на похоронах.

Пётр Васильевич запряг теперь лишь в одну большую телегу пару лошадей: коренной – бывалую опытную Рыжуху и пристяжной – Косуху.

И они с женой сложили теперь в телегу лишь самые необходимые вещи и еду, остальное бросив в своей усадьбе.

– «*Ну, сынки, развитайтесь (прощайтесь) з роднай бокам (стороной)! Невядома, калі мы вернёмся назад, і вернёмся-ці?*» – обратился Пётр Петрович к сыновьям Борису и Петру, украдкой смахивая редкую слезу.

Смутившийся поведению отца, Борис, окинув окрестности быстрым невидящим взглядом и невольно улыбнувшись лучу дневного солнца, в сердцах излишне сильно хлыстнул Рыжуху:

– «Але, пайшла, зараза! Японски гарадавы (городовой)!».

– «Японски бог!» – поправил брата Петя.

Так со временем, как и их дядька – участник войны с Японией – Григорий, стали ругаться и братья Кочеты.

Младший же Петя, как и отец, в этот момент тоже прослезился.

Ведь он уезжал не только из отчего дома, в котором родился и вырос, но и из дома его любимой мамы Ксении, покидая родную землю и могилы предков, возможно навсегда прощаясь со своими деревенскими друзьями, покидая родимый край, родную природу.

А ещё два дня назад они, как угадали, всей семьёй посетили могилу Ксении Мартыновны Кочет на кладбище в Пасынках.

Тронулись в путь и другие семьи из их деревни.

Кортеж из разнотипных телег, дрог, повозок, бричек и даже из непонятно где раздобытых старых карет почти молча двинулся по дороге сначала на юго-запад и юг в сторону деревни Трещотки, где поток беженцев раздваивался.

Один поворачивал на северо-восток и, проходя через деревню Клейники, шёл на Нарев, Свислочь, Волковыск, Слоним, Барановичи и Минск.

Второй поворачивал на юго-запад в сторону деревни Котлы, не дойдя до которой сворачивал на юго-восток и мимо деревни Пасынки шёл к Локницы, от которой поворачивал на юг до дороги, идущей от города Бельск-Подляски на Гайновку, и далее шёл на восток через Беловежу на Пружаны, Слоним, Барановичи и Минск.

Семьи Василия Климовича Кочета, как и его братьев и детей, вместе с подавляющим большинством семей из их деревни Филипки, двинулись по короткой дороге на Нарев.

А семья Петра Васильевича Кочета вместе с Григорием Денисюком поехала на юг, дабы забрать по пути семью бывшего свёкра Мартына Николаевича Раевского с семьями его детей.

Обе колонны Кочетов надеялись нагнать друг друга и встретиться на участке Слоним – Барановичи – Минск, где у Григория жил большой друг.

По дороге они встречали крестьянские повозки и из других деревень, узнавая, куда и кого направляют власти в эвакуацию.

Их дорога на восток была долгой, как и отступление русской армии.

Кроме крестьян эвакуации, прежде всего, подлежали предприятия и учреждения.

Но из-за спешки, неразберихи, нервозности и неорганизованности с территории Польши, Прибалтики и Западной Беларуси удалось вывести только отдельные заводы и фабрики, и часть оборудования и готовой продукции других из них.

Одновременно с перемещением промышленного оборудования из районов, к которым приближалась линия фронта, на восток пошёл и огромный поток беженцев.

Сотни тысяч людей, часто по принуждению, когда казаки окружали деревню и вынуждали всех подряд покидать свои дома, были сорваны со своих родных мест, лишены крова и средств к существованию.

Военные и гражданские власти с помощью пропаганды и конкретных стимулирующих действий на эвакуацию создавали атмосферу «Народной войны 1812 года», когда противник шёл по буквально выжженной земле, не имея возможности грабить местное население в поисках себе пропитания.

К официальной пропаганде чиновничества подключилось и местное православное духовенство, внушавшее своей пастве, что оставаться под немцами – непатриотично.

По деревням стали распространяться и слухи об особенной жестокости противника. Будто бы немцы отрезали женщинам груди, топили детей в колодцах и убивали всех мужчин.

А крестьяне, фактически традиционно безвылазно жившие в своих деревнях, невольно верили в эти слухи, распространяемые не только пропагандой, но и подхваченные самими крестьянами.

И со звуками приближающихся дальних выстрелов и запаха гари они верили даже в то, что захватчики – это одноглазые чудовища.

Ведь вышедший ещё 25 мая 1915 года специальный царский указ требовал уводить всё мужское население возрастом от 18 до 50 лет вместе с семьями и необходимым домашним имуществом.

А для тех, кто не хотел эвакуироваться создавались сложные условия проживания около линии фронта. У них реквизировали скот и вводили огромные платежи на содержание армии.

Не дожидаясь прихода армии, некоторые испуганные жители бежали, пытаясь отсидеться в лесах и переждать опасность. Тогда казаки сжигали пустующие в деревнях дома.

Колоны беженцев шли по дорогам Западной Беларуси на восток и днём и ночью.

Главная дорога от Бельск-Подляски на Гайновку была буквально забита крестьянскими телегами и скотом.

По пути люди обменивались новостями о страшной войне.

А вновь попавшие в колонну беженцы стали осознавать, какая судьба их теперь тоже ожидает. Многих охватил страх, кто-то паниковал.

Тогда добрый Пётр Васильевич успокаивал паникёров:

– *«Сяляне, ды не турбуйцеся (беспокойтесь) вы, не хвалойцеся (волнуйтесь) так! Вайна усё роуна скончыцца (закончится), и урад (правительство) дасць вам кампенсацыю, заплаціць за страчанае (утраченное)».*

По широким шоссе крестьянские повозки иной раз ехали и в четыре ряда.

Кое-где, из-за непредвиденных остановок чьих-либо повозок, возникали заторы и движение останавливалось.

Один затор чуть было не образовался на глазах Петра Кочета.

На обочине шоссе стояла запряжённая телега со слетевшим с оси колесом. Беспомощные женщина с мальчуганом суетились около телеги, изо всех сил стараясь, но, не зная как, насадить колесо обратно.

И никто вокруг и не думал помочь им. Чужое горе никого уже не трогало. Телеги лишь объезжали их, снижая рядность и тем самым создавая затор.

Добрая и отзывчивая Гликерия первой попросила Пётра остановить их телегу и помочь.

За ними остановились и остальные телеги из их кортежа, а Пётр подошёл к несчастной.

– *«Ну, што, гаротная (горемычная), не атрымліваецца (получается)? Зараз дапамагу! Бора, Пеця, нясице инструмент!»* – велел он сыновьям.

Для мастера это дело оказалось лёгким. Подложив под наклонившуюся переднюю ось телеги рычаг – запасную оглоблю, Пётр Васильевич приподнял край телеги, а сыновья ловко насадили колесо на ось. А затем отец вбил новую чеку, вместо обломившейся и ранее вылетевшей.

– «Дзякуй, милы чалавек!» – поблагодарила повеселевшая женщина, садясь на свои долгушки.

– «Ну, Бацька, ты и асилак – далгушку падняць!» – восторгался Борис, а с ним и Петя.

– «Тут справа (дело) не у силе, а у рычагу!» – потрепал отец обоих сыновей по головам.

Они пропустили проезжающую мимо повозку с ранеными, и вновь вернулись на шоссе. Но Григорий Денисюк неприминул сделать очередное фото на память.

А по пути на восток беженцев поджидали новые проблемы. Вскоре стало не хватать питьевой воды и дерева для костров.

Лето было жарким, пить хотелось и людям и лошадям и скотине, а колодцы быстро обезвоживались и пересыхали.

Поэтому для питья приходилось брать воду из рек, озёр и даже болот. А вскоре не стало хватать еды и корма для скота.

А через несколько дней колонна столкнулась и с последствиями болезней – тифа и холеры. По дороге всё чаще стали появляться холмики свежих могил.

Хотя теперь массы беженцев, запрудившие основные транспортные магистрали, затрудняли передвижение войск, но в целом существенно на ход военных действий они не влияли.

Тем не менее, в армии раньше других осознали угрозу, которая таилась в перемещении большого количества голодного населения.

Движение беженцев стало препятствовать работе тыла войск, и возникла опасность эпидемии холеры.

А сами беженцы становились причиной социальной напряженности в местах движения и остановок.

По указанию Главного начальника снабжения армий Северо-Западного фронта генерала Ю.Н. Данилова были определены основные направления передвижения беженцев из западных районов Беларуси в восточные, и установлены этапы их переселения.

Но свои хозяйства покинули не только крестьяне, ставшие беспомощными беженцами, но и помещики, чьи усадьбы сгорели.

И теперь, чтобы получить компенсацию за утраченное имущество, им нужно было тоже оказаться в России.

Поэтому и помещиков, теперь называвших себя не беженцами, а изгнанниками, охватила паника.

Их имущество, связи, знания, положение в обществе, позволявшие им ранее управлять своей жизнью, теперь практически ничем не могли им помочь.

Зато беженцам помогали другие белорусские дворяне, причём не только представители православных родов, но и католических.

Среди них были представители Гедройцев, Плятеров, Рдултовских, Савицких, Сапег, Скирмунтов, Чапских и многих других.

Они вносили свою лепту в помощь беженцам, создавая для них питательные и лечебные пункты, больницы и приюты.

И такая благотворительность становилась постоянным явлением российской жизни, так как к такой большой волне беженцев не были готовы ни гражданское, ни военное руководство.

Но по необходимости и с оказией помощь беженцам оказывали и воинские подразделения.

Воинские полевые кухни старались покормить людей, а военные врачи – оказать им необходимую медицинскую помощь.

Такая помощь была оказана и Борису Кочету, когда тот, обрубая ветки для костра, топором поранил левую руку.

Вместе со всем своим обозом они направлялись теперь к Барановичам, чтобы по распоряжению властей оттуда по железной дороге направиться в Калужскую губернию. Но кроме них в Калужскую губернию направлялись беженцы и с других земель Западной Беларуси.

Ещё 21 июля в Калужскую губернию, кроме ранее прибывших рабочих и служащих гродненских предприятий и учреждений с семьями, прибыли ещё и 500 человек железнодорожных служащих Привислинских железных дорог с семьями, казенным инвентарем и собственным имуществом.

Тогда их временно разместили при станции «Калуга» в казармах 74-го запасного пехотного батальона.

А заботу об их трудоустройстве и снабжении продовольствием взял на себя местный «Татьянинский комитет».

Размещение большого количества беженцев у одних вызвала сочувствие и желание помочь, а у других лишь желание заработать, сдавая жильё по повышенным ценам.

Графиня Софья Николаевна Толстая (Философова), в начале этого года потерявшая восьмилетнего сына Кирилла, охотно разместила в своём имении «Мансурово» Малоярославецкого уезда Калужской губернии 180 беженцев.

А многие калужские домовладельцы стали повышать цены на жильё, в связи с возросшим на него спросом.

Тогда губернатор своим Постановлением от 23 июля 1915 года запретил повышение квартплаты, а нарушители подвергались штрафу или аресту. Эту новость Кочеты узнали из переданной им общительным Григорием Денисюком случайно попавшей к нему в руки старой газеты «Голос Калуги».

– *«Пеця, прачытай нам навіны яка-небудзь!»* – попросил Пётр Васильевич любившего читать младшего сына.

– *«За неосновательное предъявление к квартирантке требований о повышении квартплаты и за действия, направленные к принуждению освободить квартиру, наложить на домовладельцев Алексеевых штраф в размере пятнадцати рублей или подвергнуть их семидневному*

аресту, по их выбору» – прочитал наугад отрывок младший Пётр старшему, вызвав у того удивление и гордость за власть:

– *«О, як!? Клапоцяцца (заботятся) пра нас!».*

Но забота о беженцах заключалась и в другом.

По требованию военных властей Всероссийский союз городов и земств развернул на путях следования беженцев сеть пунктов по оказанию продовольственной и медицинской помощи.

Также заботясь о беженцах, в циркулярной телеграмме от 9 августа 1915 года Товарищ министра внутренних дел (первый заместитель) Российской Империи Николай Вячеславович Плеве предлагал полгода назад назначенному губернатору Калужской губернии, действительному статскому советнику Николаю Сергеевичу Ченькаеву, принять меры по сохранению здоровья, и обеспечению работой прибывающих на жительство беженцев.

Уезжающих беженцев никто не регистрировал, и потому не считал.

И только после длительного и изнурительного переезда и перехода в Россию на новые места проживания их количество посчитали гуманитарные организации.

Оказалось, что с западных территорий России (польских, белорусских, украинских, литовских, латвийских и эстонских земель) эвакуировалось более трёх миллионов человек.

Если со всей территории Польши эвакуировалось более 600 тысяч человек, то только из одной восточной части Белостокской области Гродненской губернии эвакуировалось около 800 тысяч беженцев.

Большей части своего населения лишились Белостокский, Бельский и Сокольский уезды. А решающую роль в этом сыграло вероисповедание местных жителей.

Подбадриваемые священниками в Россию направились в основном православные крестьяне, связанные с белорусским и украинским этносом.

А католические священники, наоборот, призывали своих прихожан остаться.

Эвакуированные беженцы были разных категорий.

Прежде всего, это были государственные чиновники, служащие и православные монахи с семьями, чью эвакуацию обеспечивало само государство.

Ко второй группе относились мирные жители, выселенные по указанию и принуждению властей.

Это были и депортированные представители неблагонадёжных, с точки зрения правительства, национальностей: немцы, евреи, чехи и поляки; и кроме того ещё и жители военно-обязанного возраста из западных губерний и прочие жители, переселение которых стало необходимым.

Третью группу составляли мирные жители, добровольно оставившие свои дома по причине близости линии фронта. К ним относились и все жители деревни Пилипки.

Наибольшее число беженцев от менее 1,5 до более 2-ух миллионов человек составили жители, эвакуированные с белорусских земель.

Уже летом 1915 года сами белорусские земли превратились в настоящий беженский лагерь.

А из-за отсутствия конкретных местных планов эвакуации движение беженцев стало хаотичным.

По некоторым дорогам потоки беженцев даже шли навстречу друг другу.

По трактам на восток вытянулись теперь их бесконечные вереницы.

Среди них в основном были женщины, дети и старики.

Но по этим же дорогам отступали и российские войска.

Поэтому и беженцам иногда доставалось от редких немецких авиационных бомбардировок.

На глазах Кочетов, шедших уже между Пружанами и Слонимом, обоз беженцев попал под такой же авианалёт. Тогда люди в ужасе разбежались от бомб, бросая и своё добро и своих погибших родственников.

Кое-где вдоль дорог стали появляться не захороненные трупы.

И в эти же дни боевые действия переместились непосредственно на территорию Беларуси.

К 12 августа, подошедшие с северо-запада немецкие и, подошедшие с юго-запада австро-венгерские войска атаковали Брест-Литовскую крепость.

Началась артиллерийская дуэль.

А затем крепость бомбила немецкая авиация, кроме бомб сбрасывая и листовки с указанием даты падения крепости – 14 августа.

Утром 12 августа первыми в атаку пошли австрийцы, отчаянно весь день штурмовавшие передовые траншеи, но остановленные взрывами заранее заложенных фугасов и штыковой контратакой 81-ой пехотной дивизии русской армии.

Потеряв тысячи человек, противник был вынужден остановиться, а кровопролитное сражение растянулось на весь день. Защищая свои позиции, русская армия постепенно отходила к Бугу.

И в ночь с 12 на 13 августа гарнизон крепости по приказу командования взорвал укрепления и покинул её.

В результате осады сам город Брест-Литовск оказался разрушенным более чем на три четверти. А ещё два дня назад, переполненный беженцами, он жил лихорадочной жизнью прифронтового города.

Воинские обозы, полевые лазареты и беженцы со своими повозками заполняли все улицы обречённого города, с ещё открытыми различными магазинами и кафе, хозяева которых, пользуясь наплывом посетителей, получали значительную прибыль.

Железнодорожный вокзал, с которого то и дело отправлялись на восток переполненные поезда с гражданским населением, гудел как улей.

А с отходом войск в городе началась паника. Беженцы бросали всё своё имущество на произвол судьбы, лишь бы самим унести ноги.

Теперь местными жителями, торговцами мастеровыми бросались и квартиры с полной обстановкой и вещами, и переполненные товарами магазины и частные мастерские.

В ночь на 13 августа генерал М.В. Алексеев приказал начать и общий отход армий с линии фронта, в два или три перехода, на новую линию Неман – Гродно – Кузница – Городок – Рудня – Шерешево – Кобрин.

Этим завершалось Великое отступление русских армий и стабилизация фронта.

Успеху германского наступления способствовало и то обстоятельство, что к лету 1915 года достиг максимума кризис военного снабжения русской армии. И особое значение в этом имел острейший недостаток патронов и снарядов для артиллерийских орудий.

На 17 августа планировался раздел фронтов русской армии. Но уже накануне, 16 августа, немцы предприняли новое наступление на корпуса 3-ей армии. В результате этого был оставлен Пинск.

От Немана отступили также 2-ая и 4-ая русские армии.

Лишь 1-ой армии было предписано пока удерживать свои позиции, дабы успеть завершить необходимые инженерные и окопные работы под Гродно. Но 19 августа был оставлен и Гродно.

За Слонимом, в котором весь день отдыхавшие и пополнявшие запасы продуктов Кочеты и Раевские, нежданно-негаданно повстречали своих.

Первым их издали увидел Борис.

– «Тата, Глядзи! Наша Светелка едзе!» – неистово закричал он, дёргая отца за рукав.

– *«Так, саправды яна! Гэта значыць, хто-небудзь з нашых едзе! А я казав жа, што баба верне яе!»* – обрадовался и отец.

А при встрече с отцом Василием Климовичем Пётр Васильевич неприминул заметить:

– *«Бацька, як добра, што мы паехалі паасобку (порознь)! Калі б немцы па каму-небудзь з нас вдарылі, то іншыя (другие) засталіся б жывыя!».*

– *«Так, сын, так! Але разам (но вместе) было б усё ж лягчэй і весялей!»* – ответил, смягчившийся от встречи, усталый Василий Климович.

Беженцы из Гродненской губернии, среди которых оказалась и семья Василия Климовича Кочета, пытались сесть на поезд в Слониме.

Но из-за большого наплыва людей, уже две недели ожидавших своей очереди, ни его семья, ни другие односельчане так и не смогли сесть в ближайшие поезда.

Теперь встретившись, Кочеты направились к Барановичам, в надежде там закончить свой пеше-гужевой путь и пересесть на поезд.

Уже при подъезде к Барановичам, через которые только в июле прошло до 400 тысяч человек, они увидели ужасную картину – трупы беженцев, погибших от жары, жажды и голода, которых некому было хоронить.

Одиннадцатилетний Петя Кочет от скуки стал вести дневник, куда изредка заносил основные вехи их путешествия и свои впечатления.

– *«Пеця, а чаго гэта ты там напісав?»* – спросил отец.

Петя поначалу смутился, но тут же спохватился и прочитал вслух:

– *«Люди болели, а смерть собирала свой урожай. Трупы валялись возле дороги. Никто не убирал, не обращал на мёртвых никакого внимания».*

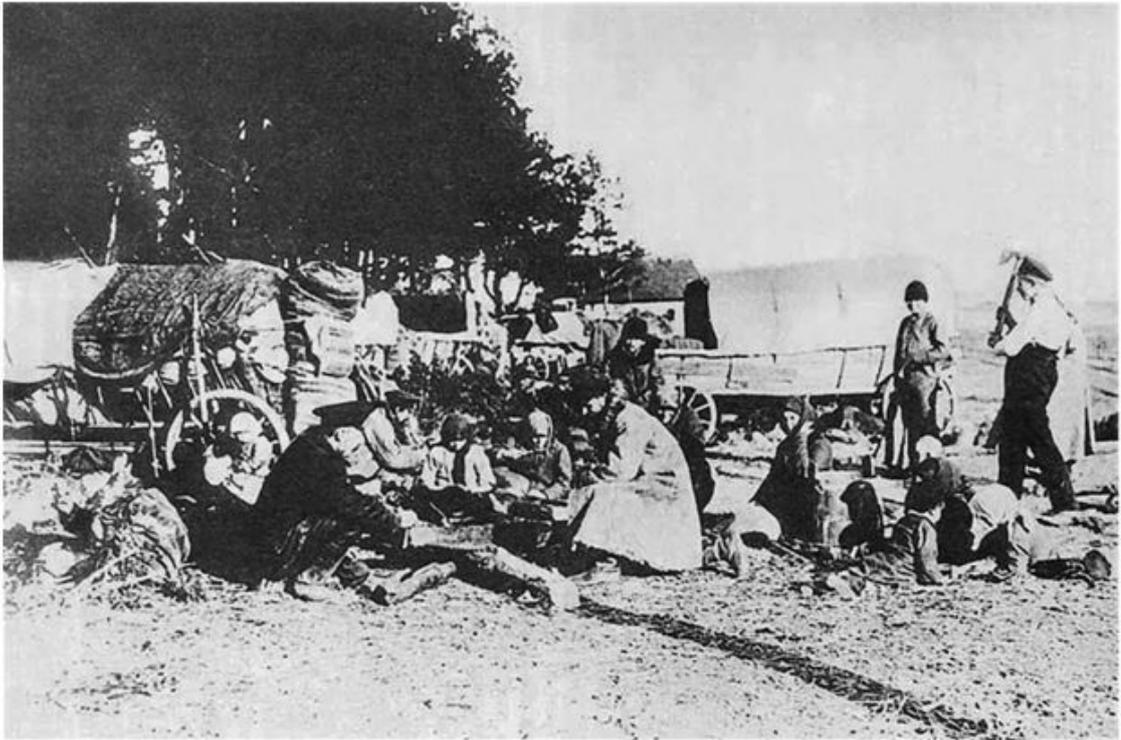
Отец ухмыльнулся, а мачеха поддержала пасынка:

– *«Малайчына, Пеця, пишы і далей, толькі старайся!».*

– *«Толькі бумагу эканомь»* – не удержался от комментария и Борис.

А экономить приходилось практически всё. Ведь было неизвестно, сколько дней ещё предстоит добираться до места.

Вскоре их обоз остановился на обед и отдых лошадей.

Тогда, проехав на лошадях дальше до железнодорожной станции Барановичи, они снова попытались сесть в очередной поезд, но увидели ту же картину.

Василий Климович поделился этим со своим сыном Петром:

– *«Людзей было стольки, што нават (даже) палец не было куды втorkнуць (воткнуть)!».*

Он предложил сыну и дальше тоже ехать вместе.

Но Пётр Васильевич возразил, что его семья устала, припасы кончились, и лучше дальше они поедут на поезде – будет быстрее и надёжнее.

За ненадобностью Пётр отдал отцу своих выносливых лошадей Рыжуху и Косуху, продав армейской интендантской службе Светёлку и одну из отцовских лошадей, и получив за это так нужные их семьям реальные бумажные деньги.

Боясь, что в процессе ожидания поезда, его сыновья могут потеряться в городской и вокзальной суете, он на всякий случай дал каждому из них записку с их личными данными, местом бывшего проживания и местом следования, а также по пять рублей денег, которые бережливый Петя так и не потратил, и потом хранил их всю свою жизнь, как талисман.

Семья Петра Васильевича очень тепло распрощались с семьями отца Василия Климовича, средней сестры Пелагеи и младшего брата Василия, и дядей Захаром, пообещав друг другу встретиться в Калуге. Распрощались также с Денисюками и Раевскими, изъявившими желание и дальше продолжать совместный путь.

И большая семья Василия Климовича на двух подводах двинулась дальше. За ними потянулась и подвода Денисюков, в которую теперь по просьбе отца и брата пересел давно разведённый Григорий, и, по предложению Анны Васильевны, все подводы Раевских, сменивших маршрут и распрощавшихся с семьёй бывшего зятя Петра Васильевича и внуками.

При выезде из Барановичей Григорий сделал фотографию Василия Климовича и его младшего сына Василия, помогающих подуставшей Рыжухе сдёрнуть тяжёлый воз, на котором сидел и с улыбкой наблюдал за ними самый младший внук Виктор.

В Бобруйске их семьи ожидало то же самое – переполненная привокзальная площадь и длинная очередь на посадку в уже заполненные поезда. Поэтому они двинулись дальше на восток, по дороге всё чаще останавливаясь на отдых.

Теперь фронт остался относительно далеко, и можно было не так торопиться. К тому же Пётр Васильевич часть денег за проданных лошадей отдал и отцу, так что теперь было на что купить себе по дороге пропитание.

На очередном привале Григорий Денисюк сфотографировал семью отца друга на привале, где жёны Василия Климовича и Захара Климовича, а также дочери и невестка главы большой семьи Кочетов Евдокия, Пелагея, Вера и Мария охраняли сон уставших пожилых мужчин.

И только в Рославле Смоленской губернии объединённой семье Василия Климовича, как и другим семьям их обоза, удалось сесть в вагон.

С продажей лошадей теперь было труднее, но получилось продать их местным жителям, опять же, выручив немного денег. А вот со многими вещами пришлось расстаться навсегда – взяли только то, что могли на себе унести. И в этом особенно большую помощь оказал Григорий, наваливший на себя целый воз вещей.

На станциях посадки беженцам предоставлялось право выбора мест временного проживания. Но все Кочеты единодушно выбрали, как и договаривались с Петром Васильевичем, Калужскую губернию.

В вагонах, где размещалось по шесть беженских семей, было тесно, но тепло.

А большая семья Василия Климовича насчитывала одиннадцать человек, не считая брата Захара и его жены. Кроме него самого и его жены Глафиры в их число входило и четверо детей, зять, сноха и три внука.

О судьбе его брата – священнослужителя Сергея Климовича пока так ничего и не было известно.

Семья же брата Трофима Климовича из девяти человек, включая четверых детей, сноху и двух внуков, отстала где-то по дороге, и в Калугу так и не приехала.

И уже при встрече в Калуге дальняя родственница Кочетов из той же Гродненской губернии Мария Лисовская рассказывала, что жители её села, доехавшие на подводах аж до Минска и только там пересевшие в вагоны, выбрали местами проживания Самарскую и Смоленскую губернии, Украину и Сибирь.

Один из таких односельчан Марии – крестьянин Юзеф Новицкий – потом писал ей, что по пути в Омск о них заботились: выдавали продукты и деньги; а по прибытии в Омск беженцев до весны разместили в бараках переселенческого пункта.

В них были кухня и баня, людей кормили и выдавали денежное пособие, а также выдавали тёплую одежду тем, кто её не имел.

Но более красноречиво высказался о помощи беженцам в пути еще один беженец из Гродненской губернии – тоже односельчанин Марии – Николай Панфилюк, который писал ей, что в дороге о них заботились, как о родных, поэтому все тепло вспоминают русский народ, «которого лучше в мире нет».

В дороге до места назначения их осматривали медицинские работники, выявляя и госпитализируя больных, а на железнодорожных станциях работали и питательные пункты.

На новых местах, где не хватало рабочих рук, беженцев разбирали нарасхват.

А тем временем семья Петра Васильевича Кочета на вокзале Барановичей всё же погрузилась в один из товарных вагонов, ближайшего идущего на восток поезда.

Они оказались в числе тех малосемейных счастливиц и одиноких граждан, которым нашлись места в заполненных промышленным оборудованием железнодорожных вагонах.

Но те оказались плохо оборудованными для перевозки людей.

И от перенесённых ранее непосильных физических нагрузок, страданий, голода и лишения, люди стали заболевать, а при отсутствии своевременной медицинской помощи и умирать.

Кочеты стали свидетелями выноса на станции Минск из вагонов их поезда нескольких десятков трупов беженцев, умерших от эпидемии холеры и пролежавших в вагонах несколько дней.

Всех невольных пассажиров их поезда и их самих высадили из вагонов, подвергнув санитарной обработке в ближайшей общественной бане, в которой они узнали, что за последние несколько дней здесь были похоронены почти полторы тысячи умерших беженцев.

И младший Петя Кочет записал в своём дневнике:

– *«Смерть перестала быть страшной. Видно, что люди не горюют об умерших родственниках, особенно о стариках и малых детях. Как хорошо, что с нами нет наших...».*

Но не все беженцы продолжили дальнейший путь.

Не выдерживая трудного и долгого путешествия в неизвестность, часть беженцев оседала в восточной части Беларуси.

В Витебской губернии осело около 70 тысяч беженцев, а в Минской – вдвое больше.

И эти новые людские массы теперь мешали свободному перемещению и манёвру русских войск, порождая в местностях своего пребывания жилищную и продовольственную проблему.

Поэтому местное население ещё в начале лета 1915 года и встречало высокомерных беженцев с западных территорий империи весьма недружелюбно.

Но массовая пропаганда со стороны царских чиновников об ужасах войны и оккупации, и рассказы самих беженцев о перенесённых ими страданиях, сделали своё дело.

И спустя всего несколько месяцев отношение к беженцам со стороны щедрых русских крестьян изменилось на совершенно приветливое и сочувственное.

Те беженцы из Западных губерний, которые не смогли воспользоваться железными дорогами, следовали на восток своим гужевым транспортом в основном по Московско-Варшавскому шоссе.

Вдоль шоссе, идущего по Калужской губернии, на средства Татьянинского комитета для беженцев были построены бараки с кухнями и со складами для фуража, а также была организована лечебно-продовольственная помощь.

А самую первую партию беженцев в количестве двухсот пятидесяти человек, прибывшую из Гродненской губернии на своих подводах и со своим домашним скотом на почтовую станцию «Крапивна», ещё 16 августа встречал сам председатель Калужской губернской земской управы Николай Сергеевич Ченкаев.

В размещении беженцев приняла участие и церковь.

Калужский епархиальный комитет помощи беженцам духовного звания, образованный 23 августа 1915 года под председательством Калужского и Боровского епископа Георгия, размещал прибывших беженцев в своих подведомственных помещениях.

Именно там и нашёлся, пропавший было, протоиерей Сергей Климович Кочет – отец Сергей.

Потом он рассказывал, что еле-еле убежал от немцев.

Он с крестьянами одной из деревень Гродненской губернии прибыл в Пружаны с опозданием, когда этот город уже был отрезан немцами с востока.

Но ему удалось вместе с ловкой молодежью обойти по лесу не сплошные вражеские заслоны и прорваться на восток.

А остальные перехваченные беженцы остались под немцами, вернувшись в свои деревни.

Под влиянием неизбежных для беженцев объективных трудностей, некоторые из них всё ещё сомневались в правильности принятого ими решения покинуть родные места.

Но, развернувшиеся летом 1915 года на территории Беларуси долгие боевые полномасштабные действия, привели к отступлению русских войск с территории Полесья и Западной Беларуси.

И теперь родина Кочетов – деревня Пилипки – оказалась на вражеской территории.

Но эта весть несколько успокоило их – значит, не зря они покинули свои родные места. И их сомнения в переезде на новое место жительства окончательно рассеялись.

Глава 3

Страдания (август 1915 – декабрь 1916 гг.)

Если сомнения всех членов семей Кочетов о необходимости их эвакуации на Восток теперь рассеялись, то у германского военного командования сомнения о вариантах дальнейшего ведения боевых действий против русских войск, наоборот, на этот раз возникли, ибо единодушия у военного руководства не было.

Теперь немецкие военачальники бурно обсуждали и строили новые планы по дальнейшему развитию кампании 1915 года в Беларуси.

– *«Господа, – начал совещание Начальник Германского Генерального штаба генерал пехоты Эрих фон Фалькенхайн – ещё 9 августа имелась, казалось, прочная надежда, что удастся помешать прорваться к востоку большим русским силам, стеснённым в пространстве Нарев, Висла, Вепрж, Влодава, и уничтожить их. Но скоро, однако, выяснилось, что от этого придётся отказаться. Противнику, очевидно, удалось своевременно извлечь свои главные силы из опасного для него района. В этом ему помогла сохранившаяся у него оперативная свобода в пространстве к северо-западу и северу от Брест-Литовска. Я считаю, что теперь, после вытеснения русских из Польши, крупных операций предпринимать не стоит».*

– *«Господа! А мы с Эрихом категорически не согласны с такой точкой зрения!»* – кивнул на генерала Людендорфа генерал Пауль фон Гинденбург – *«Нужно немедленно развивать наступление вглубь российской территории. Ибо спасение Германии – только в скорейшем выведении из войны России».*

Но окончательное решение этого вопроса осталось за Верховным Главнокомандующим – императором Вильгельмом II-ым – занявшим сторону Гинденбурга и Людендорфа.

Он приказал им провести в Беларуси новую наступательную операцию.

И германское командование сменило направление главного удара. Его теперь планировалось нанести в районе Свенцяи, севернее Вильно, с общим направлением на Минск.

А два вспомогательных удара планировалось нанести от Ковно на Двинск, и от верхнего течения Немана на Лиду и Барановичи.

И 24 августа 1915 года германской 10-ой армии был зачитан приказ по германскому Восточному фронту:

– *«10-ая армия переходит в наступление своим левым крылом с 27 августа. Генерал Гарнье с 1-ой и 9-ой кавалерийскими дивизиями, а также с 3-ей, что переводится из Неманской армии, энергично действует с того же числа от района Вилькомира в полосе Кукуцишки – Уцяны. Армии стараться, возможно, всё усиливать наступающее левое крыло».*

Так 27 августа немцами началась Виленская операция по прорыву русского фронта и захвата важнейшего железнодорожного узла – города Молодечно.

Эта цель была выбрана не случайно. Ведь в Молодечно сходились и линии секретной военной и правительственной связи.

Поэтому его захват мог создать неразбериху и посеять панику, срывая управляемость русскими войсками, приводя их к катастрофе.

И 27–28 августа немцы, воспользовавшись не плотностью расположения русских войск, прорвали фронт в районе Свенцяи. В этот прорыв и были брошены крупные конные подразделения – кавалерийская группа генерала Отто фон Гарнье.

Однако, неделю назад ставший главкомом Западного фронта, генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт вовремя разгадал замысел противника и бросил наперерез немецкой кавалерии только что воссозданную 2-ую армию под командованием генерала от инфантерии Владимира Васильевича Смирнова.

Поэтому углубить прорыв на этом участке фронта немецким войскам не удалось.

Зато им, в это же время, удалось оттеснить русские армии Юго-Западного фронта, заставив их отступить с прежней линии, оставив города Владимир-Волынский, Ковель, Луцк и Пинск.

А 2-ая русская армия, восстановленная после разгрома, и уже опять сильно потрепанная в арьергардных боях, сумела не только своим контрударом ликвидировать прорыв немецкой конницы здесь, под Свенцянами, и разбить её, но и задержать продвижение противника вглубь Беларуси, отбросив его назад. И к середине сентября русские армии уже освободили города Сморгонь и Вилейка.

Таким образом, Виленское сражение было проиграно Германией, не выполнившей ни задачу по выведению России из войны, ни задачу разгрома её армий.

А к тому времени стабилизировалось положение и на Юго-Западном фронте, так как Австро-Венгрия была теперь больше отвлечена боями в Сербии и на Итальянском фронте.

Наступление противника на всём Русском фронте захлебнулось, и на всём его протяжении наступило затишье.

Это случилось к концу сентября – началу октября 1915 года, когда наступательный порыв германской и австро-венгерской армий окончательно иссяк, а потенциал был исчерпан, и линия русского Западного фронта стабилизировалась от Браславских озёр на севере до Полесских болот на юге, пройдя по территории Беларуси на рубежах около городов Поставы – Сморгонь – Крево – Барановичи – Пинск.

Обе стороны стали зарываться в землю, возводя мощную линию обороны.

А Россия начала восстанавливать свои сильно пострадавшие в боях воинские части и укреплять оборонительные рубежи.

Но неудачный для российской армии ход войны летом 1915 года вызвал массовую и ещё большую волну переселенцев с западных окраин Российской империи в её внутренние районы.

Стремительность изменения стратегической обстановки в ходе отступления русских войск сопровождалась не меньшей внезапностью выселения жителей.

В действиях чиновников, участвовавших в эвакуации населения, царила полная неразбериха, отсутствовала какая бы то ни было система и согласованность действий.

Гражданские власти не только не оказывали существенной помощи выселенцам, но иногда наносили им ущерб, приказывая бессистемно передвигаться, то назад, то вперед.

Многие направляемые полицией беженцы месяцами блуждали на пространстве нескольких десятков километров.

А власти всё ещё не были готовы к появлению такого количества беженцев.

До сих пор всё ещё не существовало каких-либо правовых документов и программ действий по оказанию помощи беженцам, не были определены лица, ответственные за облегчение участи пострадавших от войны, отсутствовала координация взаимодействий в этом деле со стороны различных учреждений и организаций.

Первоначально беженцы направлялись за Днепр, однако приближение фронта привело к последующей их отправке далее вглубь России.

Всё это привело к нищенскому положению и массовой гибели беженцев, и потребовало от царской администрации сделать всё возможное, чтобы улучшить их положение.

С этой целью был создан целый ряд организаций по оказанию помощи переселенцам, массово эвакуировавшимся из западных губерний России с лета 1915 года.

Для эвакуации населения из районов Северного, Западного и Юго-Западного фронтов царским правительством были созданы две государственные организации – «Северопомощь» и «Югобеженец» под общим руководством главноуполномоченных.

«Северопомощь», в частности, оказала помощь и некоторым семьям Кочетов, двигавшимся гужевым транспортом по важнейшей артерии беженского движения через Могилёвскую губернию в районе города Рогачёв, через который всего проследовало около семисот тысяч беженцев.

Через местные отделы Всероссийских благотворительных организаций, таких как Татьянинский комитет, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, государство финансировало мероприятия, связанные с массовым передвижением беженцев во внутренние губернии страны.

Среди таких мероприятий были и создание врачебно-питательных пунктов на железнодорожных и почтовых станциях по пути движения беженцев, и приёмных пунктов для инфекционных больных, помещений для временного размещения транзитных пассажиров, и даже бюро для оформления проездных документов.

Всего до конца 1915 года, без учёта земских и уездных управ, в России действовало 1.300 учреждений и обществ по оказанию помощи беженцам.

А тем временем, ещё 26 августа, семья Петра Васильевича Кочета вместе с оборудованием Гродненских предприятий и сотрудниками с семьями прибыла в Калугу теперь по железной дороге. Этот переезд гродненских учреждений в Калужскую губернию стал уже четвёртым с начала войны. Первые три переезда осуществлялись сначала в уездный город Слоним Гродненской губернии, а затем уже в Калужскую губернию.

Причём все расходы по этой эвакуации несла государственная казна.

Местные администрации Гродненской губернии в основном заботились об эвакуации лишь учреждений и служащих, оставляя на произвол судьбы население своих уездов. Так что семье Петра Васильевича просто повезло.

Стихийное, а отчасти принудительное, беженство охватило, прежде всего, православное население не только Гродненской, но и соседних Виленской, Витебской и Минской губерний.

Католики и иудеи гораздо реже, чем православные, оставляли свои селения, и зачастую, после того как фронт перемещался дальше, возвращались обратно домой.

Остальные же сознательно выезжали вглубь России.

По прибытии на место некоторые учреждения Гродно (гимназия, реальное училище, 2-ая Варшавская гимназия и типография) и Белостока были размещены в Калуге, а все остальные – в уездных городах Калужской губернии.

Учреждения Слонимского уезда оказались в Жиздринском уезде; Волковысского уезда – в Медынском; Бельского уезда, откуда были родом Кочеты, – в Мещовском; Кобринского уезда – в Мосальском; Пружанского уезда – в Козельском; Брест-Литовского уезда – в Малоярославецком и Боровском; Сокольского уезда – в Тарусском уезде.

Иногда деревня сама готовилась к въезду беженцев и, скорее, не запрещала им брать то, что они хотят. Но в отдалении от фронта дворы выставляли дозорных с вилами и собаками.

Газеты писали о моральном разложении беженцев и ярости местных жителей. Атмосфера, как сообщалось, накалилась до такой степени, что в любой момент могли вспыхнуть бунты.

Например, власти Могилева просили армию прислать казаков для охраны имущества, утверждая, что иначе может пролиться кровь.

Столь же плачевно выглядела обстановка вокруг железнодорожных станций, где появлялись импровизированные лагеря. Оттуда беженцев, которые жили в телегах и наскоро сооруженных шалашах, планировалось развезти по всей России.

Гуманитарные организации открыли пункты питания, бани, больницы, приюты для детей, но люди продолжали страдать от голода, холода, болезней и отсутствия воды.

После жаркого лета наступала холодная осень. Вокруг станций начали появляться кладбища. Размеры лагерей поражали воображение: у Рославля с населением в 28 тысяч человек кочевало 80 тысяч беженцев, у аналогичного по размерам Бобруйска – 100 тысяч.

В окрестностях города Кобрин (10 тысяч жителей) – 200 тысяч! Через чуть более крупный город Рогачев, ставшим одной из важнейших артерий эвакуации, только за один месяц прошло 700 тысяч зарегистрированных беженцев!

И Кочеты теперь с содроганием вспоминали, как всего несколько дней назад долго ждали в Барановичах поезда, идущие на Восток, и как долго этих поездов не было. А когда на станцию пригнали несколько вагонов, то получить место в них можно было только за взятку.

А до этого всем крестьянам предписывалось сдать телеги, лошадей и скот. Но пунктов скупки было мало, так что многим пришлось оставить своё имущество на станции. И только некоторым, в том числе и Петру Васильевичу Кочету, удалось телегу, лошадей и инструмент продать по дешёвке местным жителям, у многих из которых постепенно стала нарастать неприязнь к беженцам.

Некоторые жители населенных пунктов, которые Кочеты миновали по пути, говорили: – *«Это же саранча, после которой остается только конский навоз и человеческие отходы. А еще они воры: пасут скот на чужой траве, забирают сено, выкапывают картошку, пилят деревья и ломают заборы на дрова».*

Пётр Васильевич был свидетелем того, как пойманный на краже дров для обогрева своей семьи, один из беженцев оправдывался перед местными жителями:

– *«Знаете, я никогда не крал, я был честным человеком, а сейчас превратился в вора».*

А его поделщик оказался смелее и наглее, вовсе и не думая каяться:

– *«Мы забрали, ну и что? А наше добро немцы не забрали?».*

И действительно, беженцы порой испытывали тяжёлую нужду в крове, тепле и еде. И далеко не всем беженцам удалось доехать до новых мест без потерь. В дороге умирали, в основном от холеры, старики и маленькие дети.

По дороге к Барановичам и посадке в вагоны в колонне из одиннадцати крестьянских беженских семей Белостокского и Бельского уездов Гродненской губернии из-за холеры был потерян каждый пятый беженец.

Погибали и лошади. Тогда военные помогали таким беженцам, оставшимся без лошадей, и сажали их с собой на попутные подводы, обеспечивая и продуктами.

И хотя военная обстановка в этот период была тяжелой, но порядок, безопасность и питание беженцев были организованы неплохо.

По разнарядке властей, как правило, все беженцы из Белостокского уезда Гродненской губернии пересаживались на поезда в Барановичах.

И, уже находящегося в вагоне, Петра Васильевича Кочета теперь немало также волновало и то, что их товарный поезд часто останавливался по дороге на переформирование и вроде бы даже менял направление движения, из-за чего на полустанках некоторые крестьяне отставали от поезда и теряли свои семьи.

Несколько дней поезд Кочетов от Барановичей до Калуги шёл медленно и с остановками. У пассажиров этого товарняка не было печек и, соответственно, возможности приготовить себе горячую еду и обогреться уже холодными августовскими ночами.

Но они выдержали, ибо заветная цель была близка.

К тому же на некоторых питательных железнодорожных пунктах им всё же давали горячий обед (картофельный суп или борщ на мясном бульоне), по одному фунту на человека чёрного и до полуфунта белого хлеба, который пекли в соседних деревнях, и выдавался чай с сахаром.

И это всем помогло выжить в тяжёлых условиях.

Прибыв в Калугу, Кочеты, как и все беженцы, пошли на регистрацию.

На этот день в Калуге было зарегистрировано уже более двух тысяч беженцев из двенадцати западных губерний России.

Но буквально ещё через несколько дней, когда подошли пассажирские поезда с новыми беженцами, их количество сразу утроилось.

В их числе оказались семьи Василия Климовича и других Кочетов из деревни Пилипки.

Радость встречи с родными и некоторыми односельчанами пополнилась взаимными рассказами о новых напастях и впечатлениях.

Крестьянин соседнего села из того же Белостокского уезда Гродненской губернии Антон Козловский делился с самым старшим Кочетом – Василием Климовичем:

– *«Василь Климович, а мне ведь теперь совершенно ясно, что мы бы собственным гужевым транспортом сами бы не добрались до этих мест в России!».*

– *«Так, як и большасць наших землякоў-бежанцаў!»* – согласился тот.

В итоге, и семья Василия Климовича и семьи его остальных детей тоже в конце августа 1915 года эвакуировались в Калужскую губернию.

Подавляющее большинство беженцев добралось до мест назначения в довольно короткое время. Здесь они, в месте своего нового временного проживания, наконец, получили долгожданные деньги по квитанциям за оставленные дома, сданный армии скот и имущество.

И эта эвакуация на всю жизнь врезалась в память всех их, включая и братьев-школьников Бориса и Петра Кочетов.

Во время вынужденного путешествия им тоже на многих станциях давали горячую пищу, а из вагонов поезда периодически выносили больных тифом и холерой, размещая их в пристанционных бараках для инфекционных больных.

Такая работа по созданию врачебно-питательных пунктов и оказанию на их базе помощи беженцам, следовавшим к местам своего временного пребывания, проводилась во всех губерниях Европейской России, через которые осуществлялось массовое переселение. Более половины этих беженцев составляли русские, а более трети – поляки.

Но главной проблемой беженцев теперь стала их полная дезориентация о месте их нахождения.

Военные власти заранее не информировали беженцев – куда их отправляют. Им было пока не до этого, хотя на решение беженского вопроса армией было выделено два миллиона рублей.

Хоть беженство 1915 года и не оказало существенного влияния на ход боевых действий, но беженцы, учёт перемещения и смертности которых был плохо налажен, стали дополнительной заботой для военного руководства в этой войне.

А народ стал называть эту войну Великой.

Она была несравнима с войнами прошлого, и воспринималась, как страшная и непоправимая катастрофа, приведшая к психологическому надлому в сознании миллионов людей, для которых теперь вся жизнь разделилась на «до» и «после».

Исключением не были и крестьяне Западного Полесья, ставшие и наиболее пострадавшей от войны категорией мирного населения – беженцами прифронтовой зоны, вынужденно покинувшими родные места.

Их численность превысила полтора миллиона человек.

В 1915 году большинство беженцев из-под Белостока, Гродно, Вильно и Брест-Литовска впервые в своей жизни покинули родные места и, теряя самых близких, подались в неизвестные им края, переживая голод, холод, лишения и неустроенность.

Однако самые первые партии беженцев, в числе которых оказались и все семьи Кочетов, были уже в конце августа благополучно доставлены в пункты своего временного размещения. Для семьи Петра Васильевича Кочета это теперь был Мещовский уезд Калужской губернии.

Но поначалу Петру Васильевичу, как имевшему двоих сыновей – учеников школ, предложили временно разместиться в Калуге, предложив на выбор помещение одной из местных церковноприходских школ: Космодемьянской, Спасозаверхской, Георгиевской или при монастыре Святого Лаврентия.

Прибывшим позже предлагали уже Тихонову и Оптину пустынь, Сергиев скит, помещение общины «Отрада и утешение» и некоторые церковно приходские школы в части уезда губернии.

Для этих же целей предлагались также церковные дома сельских священников, и даже церковные сторожки.

Посоветовавшись с семьёй, Пётр Васильевич Кочет для временного поселения выбрал такую школу в Мещовском уезде.

– *«Ну, што, сынки! Куды паедзем?»* – для начала спросил он свою семью.

– *«Я – в лесную деревню!»* – первым высказался старший Борис.

– *«А я хочу остаться в Калуге!»* – в противовес ему и чуть обиженно возразил младший Петя.

– *«А я предлагаю выбрать богатую землёй деревню!»* – в корне не согласилась с ним мачеха Гликерия Сидоровна.

– *«Ну, тады мы паедзем ... у Мещовский навет!»* – подытожил отец.

Такие метания в выборе возможного места поселения были характерны лишь для первой поры расселения беженцев. Ибо, это было в то время, когда гражданские власти до беженского вопроса ещё не дозрели.

Только 30 августа 1915 года было принято Постановление «Об обеспечении нужд беженцев». По нему руководство беженскими делами возлагалось на органы самоуправления и общественные организации.

Этим законом впервые официально определялся статус беженца.

Ведь среди тех, кто эвакуировался на восток, были люди разные, и по разным причинам оставившие свои родные места.

Кто-то были лицами, «оставившие местность из-за угрозы неприятеля», или местность, уже занятую врагом; кто-то, «выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий», а кто-то и в результате принудительной политической депортации, как «выходцы из враждебных России государств».

Разные причины выезда делали беженцев и носителями разных правовых возможностей.

Но всех беженцев объединяла потеря имущества, нахождение вне территории своего бывшего постоянного проживания, неопределенность в будущем, необходимость обустройства своей семьи на новом месте с решением вопросов нахождения жилья, трудоустройства, обеспечения питанием и медицинским обслуживанием, установления связи с родными, в том числе с мобилизованными в армию, а также установления отношений с организациями, оказывающими им помощь.

В числе таких организаций оказались не только государственные и общественные, но и естественно церковные.

В частности Епархиальный комитет Калужской губернии контролировал условия размещения и питания беженцев. Он уполномочил благочинного калужских церквей протоиерея Щеглова организовать среди городского духовенства сбор одежды и обуви для беженцев.

Его помощью пришлось воспользоваться и семье Петра Васильевича Кочета. К моменту прибытия в Калугу у его сыновей поизносилась обувь.

Но помимо своей главной задачи, епархиальный комитет организовал и обеспечил на железнодорожных станциях «Сухиничи», «Тихонова пустынь» и «Калуга» непрерывное дежурство всех пастырей из этих городов с целью утешения, ободрения и пастырского врачевания всех нуждающихся в этом прибывающих беженцев.

Членам семьи Петра Васильевича Кочета и самим пришлось поучаствовать в приёме и устройстве своих земляков из Гродненской губернии.

В количестве пяти тысяч человек они прибыли на земли Мещовского уезда в начале сентября, когда железнодорожные перевозки беженцев достигли своего максимума.

В одной из церковноприходских школ ближайшего села устроили временный приют с питанием и распределительным пунктом.

Грамотная и отзывчивая Гликерия Сидоровна под руководством местного священника А. Смирнова помогала учителям этой школы в регистрации беженцев и в выдаче им суточных.

А тем временем повсеместно приходские попечительские советы организовывали сборы пожертвований от прихожан в пользу нуждающихся и занимались поиском помещений для размещения беженцев.

И в этом благородном деле попечительский совет Мещовского уезда оказался в числе самых активных советов Калужской губернии.

И только 10 сентября, когда беженский поток резко возрос, при Министерстве внутренних дел было образовано «Особое совещание по устройству беженцев» с функциями высшего совещательного органа.

А на местах тогда же начали работать губернские совещания. И теперь в вопросы беженцев включились земские и городские самоуправления.

Эвакуация значительных масс людей на Восток, как и отступление русской армии, и оставление врагу западных территорий России оказало негативное влияние на экономику страны.

В то время оставленные Привислинские губернии давали России около четверти добычи каменного угля, и потеря этих месторождений привела к тому, что с конца 1915 года в России начался топливный кризис.

И хотя Россия и оказалась в тяжелом экономическом положении, но эвакуация беженцев была доведена до конца.

Беженство с территории Беларуси длилось до конца октября 1915 года, когда в результате централизованной поставки поездов основная масса беженцев, вынужденно оставившие родные места, была отправлена за пределы северо-западных губерний России, и благополучно доставлена в пункты своего временного размещения.

Россия и её жители произвела на белорусских крестьян огромное впечатление. Больше всего их удивила небывалая приветливость и щедрость россиян, которые одаривали беженцев едой и одеждой, принимая их на постой в свои дома.

Беженцев из Беларуси, землям которой были, естественно, нанесены наибольшие потери в войне, удивлял быт и уклад жизни крестьян Центральной России и урожайность их полей. Поэтому не только Кочеты, но и многие другие белорусы нашли на новых землях и постоянное место жительства, и новую работу, и местные школы для своих детей.

Вице-губернатор Калужской губернии коллежский советник Герман Александрович Ермолов и предводитель местного губернского дворянства действительный статский советник Николай Иванович Булычев вместе провожали колонну беженцев в уездный город Мещовск, насчитывавший в то время всего три с половиной тысячи жителей.

И Кочеты влились в население этого уезда, составлявшее теперь более ста тридцати тысяч жителей, поселившись в деревне Космыново, находящейся в шестидесяти километрах юго-западнее Калуги и в восьми километрах восточнее Мещовска на правом берегу извилистой реки Серёна.

Семье Петра Васильевича Кочета на четырёх человек для временного проживания был предоставлен ещё не старый пустующий дом на окраине этой совсем небольшой молодой и пока малонаселённой деревни.

Дом хоть и был целым, но кое-где требовался ремонт, с коим деловитый и мастеровой Пётр Васильевич вместе с сыновьями справился довольно быстро.

И теперь у его семьи был хоть и временный, но «свой» дом.

С сентября младший Петя, на родине проучившийся лишь три класса, теперь пошёл учиться в четвёртый класс начальной деревенской школы (одноклассного начального училища), размещавшейся в селе Нестеровка в двух километрах юго-западнее от Космыново.

В этой двухкомплектной школе четырёхгодичного обучения из окрестных деревень было собрано около шестидесяти учеников, размещавшихся в двух классных комнатах, и всего двое учителей.

Петя Кочет только свой первый класс в 1912–1913 годах обучался в ближайшем селе Пасынки в церковноприходской школе, коих в России было примерно треть от общего количества начальных школ.

Там за ним присматривал и лелеял надежду, что растит себе помощника и смену, его двоюродный дед – настоятель местной Православной Церкви Рождения Святого Иоанна Крестителя – Сергей Климович Кочет.

Но второй и третий класс Петя уже обучался в родной деревне Пилипки в обычной деревенской начальной школе, невольно сменив там своего старшего брата Бориса. Тогда в большинстве губерний России ещё не было введено земство. К таким губерниям относились все азиатские и северные губернии России, Астраханская губерния, Кавказ, Правобережная Украина, Белоруссия, Польша и Прибалтика.

А в отсутствие и при недостатке средств, отпускаемых государством на народное просвещение, и при отсутствии закона о введении всеобщего обучения земствам лишь кое-где удавалось ввести всеобщее обучение детей.

Ещё к 1914 году в российской империи насчитывалось уже 123.745 начальных учебных заведений. В них, в возрасте от восьми до одиннадцати лет, обучалось примерно до 28 процентов детей крестьян.

В городах же обучалось уже до половины от всех детей этих возрастов.

Однако в центральных и западных губерниях этот процент был выше.

Более того, в этих губерниях было практически обеспечено полное обучение мальчиков. Но Петя Кочет не ходил в земскую школу, в которой тоже обучались дети от восьми до одиннадцатилетнего возраста, и которая была намного лучше обычных сельских и деревенских начальных школ.

Иногда земства даже специально строили новые школьные здания, в которых имелись квартиры для учителей.

А в новой школе Пети Кочета был явный недобор учеников третьего и четвёртого класса, так как многие из них не доучивались до конца. После двух классов, научившись писать, читать и считать, они уходили из школы заниматься производительным трудом на благо своей семьи.

Но Пётр Васильевич твёрдо решил дать полностью выучиться обоим своим сыновьям.

Но теперь долгая дорога в школу из их маленькой деревни Космыново сначала вела, извинаясь, в общем направлении на северо-запад по мосткам или вброд через реку Серёна в сторону деревни Глинное.

На развилке юго-западнее этой деревни детский поток утраивался, и оттуда они вместе шли по дороге на юго-запад в сторону села Нестеровки.

А, закончивший ещё дома в Пилипках 2-ой класс «высшего начального училища» (или 6-ой текущий класс), Борис к своей радости, наконец, пошёл работать. Ибо в ближайших деревнях не было этой 4-ёх классной школы следующего уровня системы элементарного образования и следующих за ними по уровню образования – низших ремесленных, технических и торговых училищ. И теперь его, любящего лес и природу, определили в помощники к местному лесничему, хотя лесов в окрестностях Космыново было совсем мало.

Высшие начальные училища стали учреждаться в России ещё по закону 1912 года. Они заменили собой устаревшие городские училища, введённые по положению 1872 года.

Высшие начальные училища открывались и в сельских местностях. В 1915 году в России было уже 1.547 высших начальных училищ, среди которых была и школа в Пилипках, в которую Борис перешёл в 1913 году.

И это было связано лишь с тем, что в их деревне жила семья учителей с соответствующим уровнем подготовки и рядом с начальной школой имелся свободный дом под эту новую школу, в которую стали ходить дети и из соседних деревень.

Высшие начальные училища имели 4-летний срок обучения после 3-ёх или 4-ёх летней начальной школы и были мужскими, женскими или смешанными.

Ученики первого и второго классов этих училищ могли поступать соответственно в средние учебные заведения, но со сдачей экзамена по иностранному языку, который в этих училищах не преподавался.

В высших начальных училищах изучались закон божий, русский язык и словесность (литература), арифметика и начало алгебры, геометрия, география, история России с некоторыми сведениями из всеобщей истории, естествоведение и физика, рисование и черчение, пение и физкультура. А для девочек, кроме того, рукоделие.

Окончившие эти училища могли поступать в средние технические учебные заведения и в учительские институты. Но такой школы в Космыново не было, Так что Пете Кочету, в отличие от его старшего брата Бориса, проучившегося всё-таки два года в такой школе, грозила остановка в образовании на уровне 4-го класса начальной школы.

А пока Петя Кочет в новой школе изучал закон божий, в котором естественно оказался лидером и русский язык (чтение, письмо и грамматику), в коем уже не уступал местным ребятам. Преподавали также арифметику (счёт и четыре арифметических действия с целыми числами) и пение, в котором он, совершенно не имевший слуха, естественно не преуспел.

На его, как любознательного человека, счастье, на уроках русского языка ученикам во время чтения одновременно сообщались и элементарные сведения по природоведению, истории России и физической географии.

Основными методами обучения в начальных школах тогда были беседы с учениками, их работа с учебником, рассказ учителя с демонстрацией наглядных пособий, в частности картинок, и письменные и графические работы учащихся.

А осенью и весной ученики на пришкольном участке занимались садоводством и огородничеством, в чём они ещё с самых малых лет привыкли помогать своим родителям.

По арифметике они изучали устный счёт, употребляемые в жизни дроби и умение пользоваться счётами, что особенно нравилось Пете Кочету.

Дома он показывал отцу, как лихо щёлкает костяшками, прибавляя и вычитая разные числа.

В начальной школе изучались также элементарные геометрические понятия и фигуры.

Грамоте обучали с помощью аналитико-синтетического звукового метода.

При изучении русского языка большую часть времени уделяли усвоению грамматики и орфографии.

Поэтому на чтение оставалось меньше времени. Тем более учащихся мало учили чётко, ясно и, главное, грамотно излагать свои мысли, в том числе письменно.

Но, с детства полюбивший слушать устные рассказы матери и чтение книг, Петя Кочет в этом компоненте знаний и умений оказался самым сильным учеником школы. Его способности к учёбе и ранее полученные знания быстро снискали ему авторитет среди одноклассников, учителей и соседей по деревне Космыново.

А пока Кочеты обживались в Космыново, стабилизируя свою жизнь, к концу 1915 года стабилизировалась и линия фронта, превратившись почти в прямую линию, соединяющую Балтийское и Чёрное моря.

Германия заняла Варшавский выступ и Курляндию.

Линия фронта теперь проходила около Риги и далее шла по Западной Двине до укрепленного Двинск.

Дальше фронт проходил по территориям Ковенской, Виленской и Гродненской губерний и по западной части Минской губернии.

На юго-западном направлении фронт отрезал западную треть Волынской губернии с Луцком, но город Ровно остался за Россией.

Далее фронт проходил по территории Австро-Венгрии, оставляя за русскими войсками часть района Тернополя и Галиции.

В районе Бессарабской губернии фронт проходил по границе России с Австро-Венгрией и заканчивался на границе с нейтральной Румынией.

Теперь линия фронта с обеих сторон была плотно заполнена войсками, и война стала позиционной.

А на захваченных у России территориях была создана германская оккупационная администрация.

Поначалу казалось, что опасность немецких репрессий против гражданского населения, в том числе против православных западных белорусов, которые преимущественно становились беженцами, была необоснованной.

И получалось так, что в 1915 году сначала в большей степени пострадали те, кто отправился в беженство, нежели те, кто остался под немцами.

Зато потом население, оставшееся на оккупированных территориях, почувствовало на себе ограничение своих гражданских прав, испытало тяготы принудительного труда, иногда и за пределами родины, став свидетелем разграбления материальных ценностей и природных ресурсов.

Но всего этого Кочеты ещё не знали, потому о своей судьбе и не жалели. Жалел лишь весь российский народ об итогах военной кампании 1915 года.

В уходящем году противник смог добиться существенных военных побед и захватить значительную часть территории России.

Однако, не смотря на очевидное тактическое преимущество в манёвренной войне, Германия не смогла нанести полного поражения России и вывести её из войны, которая теперь затягивалась, превращаясь в позиционную.

Не добившись побед над противником, все ведущие державы подорвали свои экономики. Но Россия, не смотря на большие потери в территории, в живой силе и наступательном духе армии, ещё сохранила способность к продолжению войны.

К концу Великого отступления в России был преодолен кризис и в военном снабжении. И к концу 1915 года нормализовалось снабжение войск артиллерией и боеприпасами.

А вот перенапряжение из-за больших человеческих потерь экономик Германии и Австро-Венгрии стало весьма заметным.

За весь 1915 год Германия потеряла около ста тысяч человек убитыми и умершими от ран, и почти шестьсот тысяч человек ранеными и пленными.

И теперь не только семьи Кочетов, но и многие миллионы россиян, как и многие миллионы жителей других воюющих государств, пострадавших от войны, в той или иной степени испытывали лишения и страдания.

Ведь, несмотря на масштабность мероприятий, проводимых царским правительством для оказания помощи беженцам, положение этой огромной массы людей всё ещё оставалось тяжёлым.

Во многих губерниях России к приёму миллионов беженцев, среди которых было много больных и голодных людей, ещё толком ничего не было готово. Существовали серьёзные проблемы с жильём и расселением беженцев. Не хватало больниц, чётких директив и готовых правовых решений.

Но кое-где местные власти пытались даже отказаться принимать беженцев.

Немало было опасений на местах и у простых людей. Не заразят ли беженцы их семьи тифом? Не съедят ли все их запасы продовольствия?

Кто будет их содержать? Ведь, говорят, что они не хотят работать!

Рассказывают, что они даже отказываются пить кофе с молоком и требуют сливок!

Газеты писали о беженцах, которые днём нанимались на работу, а ночью сбегали от своих работодателей.

А ведь эвакуировали не только нормальных людей, но и заключённых.

В прессе, кроме сообщений о «настоящих» бедных и честных беженцах, появились также и сообщения о тех, кто себя за них выдаёт.

Однако вместе с беженцами появились слухи и толки о большой военной силе немцев и о возможно скорой новой эвакуации ещё дальше на Восток.

Российские власти между тем старались, чтобы изгнанников приняли хорошо, и пытались разными методами успокоить местное население, часть которого считало чрезмерным оказываемое беженцам внимание. Но местная администрация расценивала это лишь как проявление обывательского невежества.

Появились дешёвые брошюры, в которых рассказывалось, что беженцы – это простые добропорядочные люди, которых выгнал из домов злой немец.

А в газетах стали печатать трогательные фотографии матерей с детьми и стихи о тяжёлой изгнаннической судьбе.

В либеральных кругах, которые активно подключились к помощи беженцам, начались дискуссии, как помогать им, но чтобы не избаловать.

Можно ли принуждать их к труду, как каторжников? Чем считать помощь: актом милосердия или обязанностью государства?

Если оно само ведёт войну, жертвами которой стали эти люди, не должно ли оно теперь само окружить их заботой?

От беженцев ожидали покорности и благодарности за милосердие. Но как им можно было быть благодарными, если весь их мир разрушен, имущество уничтожено, а близкие погибли?

И российское общество смирилось с беженцами. В подавляющем большинстве местное население с самого начала с большим пониманием и сочувствием отнеслось к ним, и беженцы довольно быстро освоились на новых местах проживания.

Основная масса беженцев из Беларуси осела в центральных губерниях России и в Поволжье.

Но их размещали и по всей остальной территории империи, преимущественно в плодородных районах на Волге и Дону, а также в Сибири. Это были деревни, где земли было много, а рабочих рук, из-за того, что мужчины отправились на фронт, не доставало.

В этих местах люди часто строили два дома: летний и зимний. И теперь один они уступали новым жителям и делились с ними едой. Беженцы занимались сельскохозяйственными работами, нетрудоспособные получали пособие, а дети ходили в школу.

А доброжелательное отношение населения на новом месте проживания и относительно высокий достаток запомнились очень многим беженцам, в том числе и членам семьи Петра Васильевича Кочета.

Ведь работая в поле с хозяевами, можно было неплохо заработать.

В общем, жизнь начинала налаживаться.

Но ещё к середине сентября 1915 года, когда уже была налажена полноценная регистрация всех беженцев, и когда количество направленных в Калужскую губернию беженцев достигло 50 тысяч человек, губернатор распорядился «до особого распоряжения» прекратить их дальнейший приём.

А прибывающие новые партии беженцев, были им перенаправлены в соседние Тульскую и Рязанскую губернии.

И уже по распоряжению Министерства внутренних дел часть Гродненских учреждений и, имеющих государственное значение, производств вместе с сотрудниками и членами их семей были направлены не только в Рязанскую и Тульскую, но и в Тамбовскую губернию.

Это было связано с тем, что в это же время решался вопрос о переводе в Калугу Ставки Верховного главнокомандующего.

Некоторые губернии пытались хоть как-то, всеми правдами и не правдами, отбиться от беженского потока.

Руководством соседней Орловской губернии была предпринята попытка направить беженских поток в обход их губернии, о чём сам Губернатор хлопотал в Петрограде.

И местные земские деятели тоже, пытаясь сдержать наплыв беженцев в свою губернию, убеждали, направлявшего беженские потоки, уполномоченного по беженским делам Северо-Западного фронта о бездорожье и бесхлебье в западных уездах их Орловской губернии, мотивируя это её близостью к линии фронта и недостаточным обеспечением губернии продовольствием.

Во многом и поэтому, для упорядочения процесса приёма и устройства беженцев, в ноябре этого же года территория Российской империи была разделена на двенадцать районов, в том числе в глубине России.

А губернскими отделениями Татьянинского комитета в губернских и уездных центрах были открыты распределительные пункты.

Весь процесс распределения беженцев был теперь весьма неплохо организован.

Прибывавших по железным дорогам беженцев на станциях уже встречали крестьянские подводы, развозя их по уездам.

А в отведённое для беженцев жильё с помощью полиции их уже размещали земские начальники, волостные старшины и сельские старосты.

Однако с наплывом беженцев на местах справились не сразу.

Этому мешало и транзитное перемещение через Калужскую губернию беженцев на своём гужевом транспорте, которое прекратилось лишь в конце октября.

На всём пути их следования были устроены питательные пункты, на которые свозили продукты крестьяне из окрестных деревень.

Но на этих пунктах часто не хватало заготовленных кормов для скота.

Таким путём прошло около четырёх с половиной тысяч беженцев, двигавшихся со средней скоростью около пятнадцати километров в день.

Но основные, массовые перевозки беженцев осенью 1915 года осуществлялись маршрутными поездами прямо до пункта назначения.

Для этого в течение двух месяцев наиболее интенсивного движения этих маршрутных поездов потребовалось 115 тысяч вагонов, подавляющее большинство которых было оборудовано нарами и печами.

О таких поездах и вагонах мечтали все беженцы, простаивавшие очень длинные очереди на станциях посадки.

Но простаивали не только они, но и их поезда – от нескольких часов до нескольких суток.

Однако, по свидетельствам большинства самих же беженцев, именно благодаря усилиям властей в довольно короткое время они добрались до мест своего временного размещения.

И с осени 1915-го года до начала 1916-го была успешно завершена массовая перевозка беженцев маршрутными поездами во внутренние районы России. А финансирование всех мероприятий, связанных с массовым перемещением беженцев во внутренние районы страны государство осуществляло через Татьянинский комитет, Всероссийский Земский Союз и Всероссийский Союз Городов.

Кроме того эти комитеты и союзы сами собирали пожертвования.

Именно и из таких пожертвований была оказана новая финансовая помощь и семье Петра Васильевича Кочета.

На эти деньги и на ранее полученные по распискам деньги он, прежде всего, закупил необходимый ему плотницкий и столярный инструмент, кое-что из сельхозорудий труда, посуду, одежду и домашнюю утварь, продукты, а также кур, гусей и молодняк скота.

Вокруг дома Кочетов был небольшой приусадебный участок, но другой земли им не было выделено по причине её отсутствия.

Так что Пётр Васильевич стал работать в усадьбе местного помещика и на крестьян-землевладельцев, или попросту батрачить на них.

После помощи всем им в сентябрьском сборе урожая и в его переработке, Пётр Васильевич помогал в подготовке земли к зиме и весеннему севу: в уборке завядшей травы, в пахоте, и во внесении удобрений.

Но в октябре эти дела завершились, и Пётр Васильевич занялся своим любимым делом.

Поначалу он стал плотничать, в основном ремонтируя местным жителям их скотные дворы и овины, готовя эти строения к зиме.

А зимой Пётр Васильевич Кочет стал для местных жителей настоящим спасителем, ремонтируя им старую и делая новую мебель, а их детям – нехитрый спортивный инвентарь и игрушки.

Сыновья иногда помогали отцу, но чаще пропадали на улице в компании местной детворы.

Детей в их деревне было мало, но зато дружили они крепко.

В их компании братья Кочеты играли в снежки и в «царь горы».

Катались они и по замёрзшей речке на смастерённых их отцом коньках, а с её берегов и со склонов ближайших холмов – на санках. Частенько на самодельных лыжах ходили они и по окрестным полям и холмам.

Местная детвора была благодарна Петру Васильевичу за его умелые руки и добрый нрав, а его сыновей приняла как своих за их общительность и повышенное чувство справедливости.

И новый 1916 год семья Кочетов спокойно встретила в домашнем уюте, в своём уже отремонтированном, тёплом доме, с некоторой уверенностью в завтрашнем дне, и в надежде на лучшее для всех членов их семьи будущее, на скорое окончание всем так надоевшей войны.

Но война продолжалась.

Ещё с октября 1915 года линия фронта, проходившая по территории Белоруссии и делившая её пополам, стабилизировалась.

Ведь противник, желая скорейшей победы на Западном фронте, был вынужден пока устроить себе передышку на Восточном фронте.

Для этого он основательно укрепил в инженерном отношении свои позиции, обеспечив глубоко эшелонированную оборону против возможного наступления русской армии.

Немцы, как правило, отрывали сразу несколько линий окопов вдоль фронта, составляющих укреплённую полосу шириной до полутора километров.

Через каждые почти двадцать шагов в первой линии окопов были сделаны бойницы прямоугольной, трапециевидной, треугольной и щелевидной формы для стрельбы не только из винтовок, но и из пулемётов и миномётов.

А для препятствования прострелу окопов с флангов и для защиты личного состава от осколков и рикошетов пуль, мин и снарядов, они были разделены насыпными перегородками (траверсами).

Первая линия окопов прикрывалась спереди в одну, а то и в две полосы проволочными заграждениями, закреплёнными на рогатках и кольях.

Причём первая полоса этих заграждений проходила на расстоянии до шестидесяти шагов от окопов, а вторая – непосредственно близ бруствера.

На расстоянии около тридцати шагов позади первой линии окопов вырывались землянки на девять человек каждая.

Примерно в полутора сотне шагов от первой линии возводилась вторая линия окопов.

А лоцины и рвы заваливались срубленными деревьями.

Так что в случае наступления русской армии, её солдатам пришлось бы тяжело.

А контрнаступление нашей армии готовилось.

Но теперь задача, стоявшая перед её Западным фронтом, была весьма нелёгкой.

Неожиданно для жителей Могилёва 11 февраля 1916 года жизнь в их городе оживилась.

С утра на улицах и в предместьях замелькали усиленные отряды конных казачьих патрулей, а большая группа легковых автомобилей быстро проследовала от здания Губернского правления, размещавшегося на высоком берегу Днепра, на городской железнодорожный вокзал и обратно.

По всему было видно, что что-то здесь произойдёт важное.

На состоявшемся совещании в Ставке Верховного главнокомандующего, размещавшейся в Могилёве с 8 августа 1915 года, наконец, было принято такое долгожданное решение о наступлении.

В связи с тяжёлым положением, сложившимся у стен крепости Верден на французском фронте, было решено оказать союзникам помощь и начать наступление Западного фронта в районе озера Нарочь, с целью оттянуть на себя немецкие резервы и части с французского фронта.

А перед совещанием царь Николай II-ой предложил его основным участникам совместно сфотографироваться перед зданием Губернского правления, где теперь размещалось управление генерала-квартирмейстера.

Позже в одном из старых номеров какой-то Калужской газеты, кои в их деревню попадали весьма редко, вся семья Кочетов с интересом разглядывала высшее командование русской армии.

Особенно эту фотографию любил комментировать младший Петя.

Периодически он брал эту изрядно помятую газету, бегло просматривая заголовки, будто ища на страницах новые новости.

– «Борь, тата! Смотрите, где здесь кто!» – начинал, было, он не по первому разу рассматривать лица военачальников, пытаясь разобраться, где кто из них стоит.

– «Вот, следите за мной! Слева направо: генерал-квартирмейстер Ставки генерал-лейтенант М.С.Пустовойтенко, начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант М.Ф.Квезинский, военный министр генерал от инфантерии А.А.Поливанов, главнокомандующий Западным фронтом генерал-адъютант А.Е.Эверт, начальник Морского штаба Верховного Главнокомандующего адмирал А.И.Русин, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии М.В.Алексеев, Император Николай II-ой, и.о. начальника штаба Северного фронта генерал-майор М.Д.Бонч-Бруевич, главнокомандующий Северным фронтом генерал-адъютант А.Н.Куропаткин, главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант Н.И.Иванов, начальник штаба Северного фронта генерал-лейтенант В.Н.Клембовский» – закончил он перечисление, проводя указательным пальцем по первому ряду лиц на фотографии, не забыв, стоящих чуть в глубине адмирала и бородача в очках Бонч-Бруевича.

На этом совещании главнокомандующий Западным фронтом генерал-адъютант Алексей Ермолаевич Эверт доложил царю о неготовности его войск к операции и на невыгодные погодные условия. Но эти его доводы не были приняты во внимание.

Более того, Нарочскую наступательную операцию теперь было поручено провести генералу от инфантерии Александру Францевичу Рагозе – уроженцу Витебска и выпускнику Полоцкого кадетского корпуса – для этого временно назначенному командующим 2-ой армией.

А 3 марта в штабы армий была передана Директива Ставки, ставившая войскам следующие задачи:

«Государь Император повелел:

1. Армиям перейти в наступление для нанесения энергичного удара германским войскам, действующим против Северного и правобанговых армий Западного фронтов.

2. Общая цель действий при настоящей операции – достижение линии Митава – Бауск – Вилькомир – Вильна – Делятичи.

3. Ближайшая цель действий – овладеть и прочно утвердиться на линии река Лауце – озеро Саукен – Окнисты – Ново-Александровск – Дукисты – Давгелишки – Свенцяны – Михаишки – Гервяты.

4. Главные удары направить: Северному фронту из Якобштадтского района в общем направлении на Поневеж; Западному фронту войсками 2-й армии – в общем направлении на Свенцяны – Вилькомир.

5. Независимо от сего, Северный фронт атакует частями 12-й армии от Пулькарна и местечка Иксюля в общем направлении Бауск – Шенберг; Западный фронт, сообразуясь с развитием операции на главном направлении, наносит удар в направлении Вильны.

6. В интересах нанесения удара решительного и сильного, Северному фронту оставить в районе Валка – Вольмара лишь строго необходимые силы для охраны побережья севернее Риги, если оставление там войск признается нужным.

7. Удар должен быть решительным и произведён с полной энергией и напряжением, оказывая взаимное содействие во фронтах и армиях.

8. Левобанговые армии Западного фронта и Юго-западный фронт удерживают перед собой силы противника, а в случае его ослабления – решительно атакуют.

9. Начало наступления назначается на пятое марта, Северному фронту предоставляется начать шестого числа.

10. Необходимо широко использовать конницу для внесения возможно большего расстройств в организацию тыла противника после прорыва, хотя бы в течение первых двух-трёх дней. Особенно желателен набег в направлении Муравьево – Шавли.

11. Гвардейскому отряду продолжать сосредоточение в указанном ему районе, откуда он будет направлен для развития операции сообразно обстановке.

12. Штабам фронтов озаботиться приближением укомплектований для пополнения потерь в период операции».

В ходе этой грандиозной Нарочской операции Русская Императорская армия должна была решительным ударом вытеснить противника с белорусских земель и развить наступление в Литве и Латвии с выходом к Митаве (Елгаве), Бауску (Бауске), Вилькомиру (Укмерге) и Вильно (Вильнюсу).

Но стратегической целью операции было помешать Германии обрушиться всеми силами на Францию.

И русские солдаты ценой своих жизней в очередной раз должны были спасти французов, проливавших свою кровь теперь под Верденом.

Тем временем самый младший из Кочетов – Петя успешно обучался в четвёртом классе начальной деревенской школы села Нестеровка, с 1916 года ставшей двухклассным училищем второго уровня, сеть которых, усилиями министерства народно просвещения, в этом году значительно возросла.

В его школе по русскому языку преподавался синтаксис и ставился небольшой курс литературного чтения.

И если с синтаксисом у Пети было всё в порядке, то с литературным чтением у него были проблемы.

Хотя он и читал тексты с выражением и в лицах, но часто сбивал дыхание, из-за этого заканчивал фразу быстро, почти переходя на задыхающийся скрип, после чего судорожно хватал ртом воздух, вызывая улыбку учителя и смех товарищей.

К этому учебному году в программу по словесности (литературе) были внесены существенные изменения. По прежним программам по русской литературе изучались только произведения писателей первой половины XIX-го века: Гоголя, Грибоедова, Кольцова, Крылова, Лермонтова и Пушкина.

То теперь в программы были включены и произведения писателей второй половины XIX-го века: Гончарова, Достоевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Тургенева и других.

Кроме русского языка и литературы в его школе теперь преподавали полный курс арифметики, которой был расширен с внесением в него элементов высшей математики.

А курсы геометрии, природоведения и физики, истории и географии были выделены в особые учебные предметы.

В этот учебный год произошёл особенно значительный сдвиг в преподавании истории, которое стало всё больше осуществляться на основе культурно-исторического направления. Теперь учащихся знакомили не только с историей царей, войн и так далее, но и с историей экономического и культурного развития народов, им давали не только одни исторические факты, но и некоторый анализ этих фактов.

Было расширено и преподавание географии, которое было продолжено в старших классах изучением экономической географии.

С интересом ожидая этих предметов, с которыми он познакомился ещё по занятиям Бориса, Петя изучал карту, давно подаренную им дядькой Парфением, по которой он следил за ходом боевых действий на фронте, пытаясь хоть в какой-то мере понять ход событий.

А события на фронте опять развивались самым трагическим образом.

На всём протяжении, намеченного к прорыву фронта, нашим войскам противостояла 10-ая германская армия под командованием генерала пехоты Германа фон Эйхгорна.

Это была та самая 10-ая армия, которая осенью 1915-го года рвалась вглубь России. И теперь судьба снова сводила в новом противостоянии 2-ую русскую и 10-ую германскую армии. Но теперь их силы были явно не равны.

В марте 1916 года явное преимущество стало за русскими войсками.

Превосходство по численности пехоты было почти в 1,3 раза; двукратное в кавалерии и в тяжёлых орудиях; и незначительное преимуществом лишь в лёгкой артиллерии.

Наступая, 2-ая армия на протяжении первых двух недель настойчиво взламывала оборону противника на севере Беларуси около озера Нарочь.

Бойцы, проваливаясь по колена в талый снег и воду, под пулями пулемётов шли в лобовые атаки на колючую проволоку.

Но прорвать немецкий фронт не удалось.

В этот период, с 5 по 18 марта, русской армии удалось взять в плен тысячу двести пленных немцев, 15 пулемётов, несколько сотен винтовок и освободить десять квадратных километров территории.

Но эти трофеи были несопоставимы с большими потерями русской армии, как наступающей.

На правом фланге при контрударе немцев было утрачено семьдесят квадратных километров нашей территории.

А убитыми и ранеными русской армией было потеряно семьдесят восемь с половиной тысяч человек, из них более одной тысячи офицеров.

Из них двенадцать тысяч были обморожены и замёрзли, а пять тысяч погибло на проволочных заграждениях и столько же пропало без вести.

Немцы же при обороне в этой Нарочской операции, как обороняющаяся сторона, потеряли около сорока тысяч убитыми, ранеными и пленными.

Таким образом, в этой наступательной операции соотношение потерь атакующей армии против обороняющейся стороны было два к одному.

Притом обычно такое соотношение в те годы теоретически рассчитывалось, как четыре к одному.

Поэтому высшие немецкие военачальники Гинденбург и Фалькенхайн высоко оценили доблесть русского солдата, показавшего, что его противник расположился на Белорусской земле ненадолго.

Эта наступательная операция стала первой после Великого отступления русской армии в 1915 году.

А главное – эта наступательная Нарочская операция вынудила немецкое командование, оценившее ситуацию как критическую, спешно перебросить в район боевых действий под Нарочью четыре свежие дивизии, в том числе две из Бельгии.

Именно эти дивизии готовились вступить в сражение при Вердене, в котором в период с 9 по 16 марта натиск немецких войск существенно ослаб.

Таким образом, главная стратегическая цель Нарочской операции была достигнута, и Франция в очередной раз была спасена ценой жизни русских солдат.

А ведь на состоявшейся ещё 28 февраля во французском городе Шантильи третьей конференции держав Антанты был принят общий стратегический план на 1916 год по взаимодействию союзных армий на различных театрах военных действий во время совместного летнего наступления.

Тогда же было принято совместное решение о начале русского наступления в середине мая, а на французском фронте через две недели.

Но теперь, после относительной неудачи на Нарочи, главком Западного фронта генерал-адъютант Алексей Ермолаевич Эверт пал духом.

И когда на совещании Военного совета 1 апреля 1916 года в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилёве он услышал, что его фронту снова предстоит играть роль «тарана», то страшно расстроился.

Он даже не повернулся к объективу фотоаппарата при их коллективном фотографировании.

А решение Ставки о наступлении всех трёх фронтов в середине мая диктовалось двукратным по численности превосходством русских армий Западного и Северного фронта над немецкими войсками.

Это двукратное превосходство в силах севернее Полесья и диктовало направление главного удара, который должны были нанести войска Западного фронта при вспомогательных ударах Северного и Юго-Западного фронтов.

При этом, из резервов Ставки доведённый до штатной численности личного состава и усиленный тяжёлой артиллерией, Западный фронт под командованием генерал-адъютанта А.Е. Эверта должен был наносить удар из района Молодечно на Ошмяны и Вильно.

В это же время Северному фронту под командованием генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина поручался вспомогательный удар от города Двинск на Свенцяны и Вильно.

Одновременно и войскам Юго-Западного фронта под командованием генерал-адъютанта А.А. Брусилова предписывалось наступать на Луцк и Ковель во фланг германской группировки навстречу главному удару Западного фронта.

Ставка опасалась, что в случае поражения французов под Верденом и перегруппировки германских войск, те сами перейдут в наступление, перехватив стратегическую инициативу.

Поэтому командующим фронтами было дано указание быть готовыми к наступлению ранее установленного срока.

Но Германия и Австро-Венгрия не планировали на лето 1916 года крупных наступательных операций на русском фронте.

Более того, австрийское военное командование считало, что без существенного усиления русские не начнут наступление южнее Полесья.

Готовясь к наступлению своего Западного фронта, его Главком Алексей Ермолаевич Эверт всё ещё не мог преодолеть, развившуюся в нём после Нарочи, боязнь решительного наступления.

Поэтому незадолго до 18 мая, на которое было назначено наступление, он связался со Ставкой Верховного главнокомандующего и попросил отсрочки, мотивируя это ещё неготовностью его фронта в инженерном отношении.

Но именно опыт этой самой неудачной Нарочской операции великолепно использовал генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов при разработке своих планов Луцкого сражения, в дальнейшем получившего название Брусиловского наступления.

При разработке этих планов он решил произвести по одному прорыву на фронте каждой из четырёх своих армий, хотя это и расплывало силы его фронта. Зато противник лишился возможности своевременной переброски своих резервов на направление главного удара Юго-Западного фронта.

Главный удар Юго-западного фронта на Луцк и далее на Ковель должна была нанести сильная правифланговая 8-ая армия под командованием генерал-лейтенанта армейской кавалерии Алексея Максимовича Каледина.

Вспомогательные же удары планировались наноситься тремя другими армиями Юго-западного фронта.

На Броды удар должна была нанести 11-ая армия генерала от кавалерии Владимира Викторовича Сахарова.

На Галич – 7-ая армия генерала от инфантерии Дмитрия Григорьевича Щербачёва.

А 9-ой армии генерала от инфантерии Платона Алексеевича Лечицкого предстояло ударить на Черновцы и Коломыю.

При этом командующим всеми этими армиями была предоставлена свобода выбора участков прорыва.

Для этого они должны были найти относительно удобные бреши в глубоко эшелонированной мощной обороне противника, состоящей из 3 полос, отстоящих друг от друга на 5 и более километров.

Самой сильно укрепленной была первая полоса из 2–3 линий окопов длиной более полутора километров, соединяющих опорные узлы с дотами на высотах, простреливающими вокруг всё пространство, включая свои фланги.

От опорных узлов вглубь обороны шли отсечные позиции, позволявшие брать прорвавшегося противника в огневое полукольцо («мешок»).

От окопов с козырьками вели ходы во врытые глубоко в землю блиндажи и убежища с железобетонными сводами или с перекрытиями из брёвен, засыпанные землёй двухметровой толщины и выдерживавшие попадания любых снарядов.

Для пулемётов устанавливались бетонные колпаки.

Перед окопами тянулись проволочные заграждения по 2–3 полосы, каждая глубиной по 4–16 рядов.

Кое-где иногда через них пропускался электрический ток, подвешивали заряды, ставили мины.

А между полосами и линиями окопов устраивались искусственные препятствия: волчьи ямы, засеки и рогатки.

Командование противника считало такую оборону достаточной, и что русские войска без заметного усиления её не прорвут.

Тем более, как считало оно, нанесение главного удара русскими войсками наверняка было предназначено Западному фронту, а армии Брусилова могли лишь производить демонстрацию и отвлекающий манёвр для сковывания резервов противника.

Ведь в направлении на Вильно были собраны весьма большие силы русской армии и небывалые ещё у неё по количеству артиллерия и технические средства. К тому же войска Западного фронта на глазах у противника несколько месяцев готовили плацдармы для наступления.

Поэтому начавшееся раньше наступление Юго-западного фронта было для него полной неожиданностью. Да и штаб фронта хорошо сохранил тайну подготовки.

Ещё 11 мая 1916 года командующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант А.А. Брусилов получил телеграмму от начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал-адъютанта Михаила Васильевича Алексева.

В телеграмме от имени Верховного главнокомандующего Николая II-го как раз и ставился вопрос о возможности в ближайшее время начать наступление Юго-Западного фронта с целью оттянуть на себя часть сил противника с итальянского фронта, где итальянские войска были уже на грани полного поражения.

В ответ А.А. Брусилов сообщил о принципиальной готовности всех армий его фронта к такому наступлению 19 мая при условии одновременного наступления и армий Западного фронта для сковывания находящихся на его фронте войск противника.

Через несколько дней в последующем телефонном разговоре по прямому проводу М.В. Алексеев сообщил А.А. Брусилову, что дата наступления его войск назначена на 22 мая, при том, что войска А.Е. Эверта смогут начать наступление только 1 июня.

Но неожиданно, вечером 21 мая, – за несколько часов до начала артподготовки – М.В. Алексеев сообщил А.А. Брусилову своё мнение о наступлении его фронта и просьбу Верховного главнокомандующего Николая II-го изменить первоначальный план:

– «Алексей Алексеевич, я сомневаюсь в успехе вашей атаки противника одновременно во многих местах вместо одного удара всеми собранными силами и всей артиллерией, которая у меня распределена по армиям. И Его Величество желает изменить первоначальный план и вместо одновременного наступления на разных участках фронта начать наступление лишь

на одном ударном участке, потому сдвинуть начало вашего наступления на несколько дней позже».

Но Алексей Алексеевич Брусилов категорически отказался:

– *«Михаил Васильевич, откладывать вторично день и час наступления не нахожу возможным, ибо все войска стоят в исходном положении для атаки, и, пока мои распоряжения об отмене дойдут до фронта, артиллерийская подготовка начнётся. Войска при частых отменах приказаний неизбежно теряют доверие к своим вождям, а потому настоятельно прошу меня сменить!»*.

– *«Алексей Алексеевич, Верховный главнокомандующий уже лёг спать и будить его неудобно. Я сообщу ему о нашем разговоре только утром. А вы всё же подумайте!»*.

– *«Михаил Васильевич, сон верховного меня не касается, и больше думать мне не о чем. Прошу вашего ответа сейчас!»* – резко ответил Главком Юго-Западного фронта.

– *«Ну, бог с вами, делайте, как знаете. А я о нашем разговоре доложу государю императору завтра»* – закончил начальник штаба Ставки.

И с рассветом 22 мая 1916 года, ещё до пробуждения российского императора, началась артподготовка на выбранных для прорыва армиями Брусилова участках фронта. Лёгкая артиллерия пробивала проходы в проволочных заграждениях, а тяжёлая артиллерия и гаубицы уничтожали окопы первой полосы и артиллерийские батареи противника.

Артиллерийские батареи, выполнившие свои задачи, переносили свой огонь на другие цели вглубь обороны противника, своим заградительным огнём препятствуя ему подтянуть резервы и помогая своей наступающей пехоте продвинуться вперёд.

Эта артподготовка велась непрерывно в течение 54 часов: с 3 часов ночи 22 мая до 9 часов утра 24 мая. В ходе неё первая полоса обороны противника была сильно разрушена, а его артиллерия частично нейтрализована.

Хорошо укрепленная позиционная оборона австро-венгерского фронта под командованием эрцгерцога Фридриха была прорвана в тринадцати местах, после чего армии Брусилова развили наступление вглубь обороны противника и на его фланги.

С небольшим численным перевесом русской армии каждая из сторон имела здесь около полумиллиона солдат и около двух тысяч орудий. Но на направлениях прорывов перевес русской армии был в два с половиной раза в живой силе и в полтора раз в артиллерии.

А перед наступлением было проведено инженерное оборудование плацдармов, тщательная разведка и обучение личного состава.

Огромную роль в успешном подавлении неприятельских сил сыграл инспектор артиллерии 8-ой армии генерал-майор Михаил Васильевич Ханжин, особую роль которого в организации этого огня командующий фронтом А.А. Брусилов выделил в своём докладе в Ставку:

– *«Наша артиллерийская атака увенчалась полным успехом! При бесперебойной работе телефонной связи Ханжин, как капельмейстер в оркестре, дирижировал этим огнём! В большинстве случаев проходы были сделаны в достаточном количестве и основательно. Первая укрепленная полоса противника была фактически сметена, и вместе со своими защитниками превращена в гряду обломков и растерзанных тел!»*.

Оставшиеся в живых военнотружущие противника сдавались в плен.

А ведь сначала, начавшаяся по просьбе итальянского командования и согласно директиве Ставки Верховного главнокомандующего, эта наступательная операция Юго-Западного фронта планировалась лишь как вспомогательная для Западного фронта.

Её целью было оттянуть австро-венгерские войска из терпящей поражение Италии.

Ведь страны Антанты давно договорились о координации своих действий на всех европейских фронтах.

Координация этих действий союзников, прежде всего, была нужна для эффективного использования их преимущества в суммарной численности живой силы.

Стремясь одержать окончательную победу в чрезмерно затянувшейся войне, они решили согласованными по времени ударами в нескольких местах фронтов разных стратегических направлений прорвать оборону противника и в манёвренных сражениях полностью разгромить немецкие и австро-венгерские войска.

Одновременное наступление на всех фронтах планировалось начать в июне. Французы, бельгийцы и англичане должны были наступать на Франко-германском фронте, итальянцы – на итало-германском, объединённые войска союзников – в Греции, а русские – естественно на русско-германском фронте.

И теперь войсками Юго-Западного фронта к полудню 24 мая в плен было взято уже девятьсот офицеров и сорок тысяч нижних чинов.

В это же время в числе трофеев оказались 77 орудий, 134 пулемёта и 49 бомбомётов (миномётов).

А к вечеру 24 мая Алексеев вновь передал Брусилову, что вследствие дурной погоды 1 июня Эверт атаковать не может, а переносит свой удар на 5 июня.

Брусилов же был крайне недоволен действиями Эверта и просил Алексеева подтвердить переход 5 июня в наступление армий Западного фронта.

Но Алексеев успокоил Брусилова, ответив, что в этом *«не может быть никакого сомнения»*.

А тем временем, к 27 мая, на фронте Брусиловского наступления число пленных офицеров достигло одной тысячи двухсот сорока человек, а нижних чинов – свыше семидесяти одной тысячи.

В трофеях же числилось уже 94 орудия, 179 пулемётов и 53 бомбомёта, не считая всего прочего военного имущества.

В тот же день, 27 мая, Ставка Верховного главнокомандующего разрешила А.Е. Эверту отложить наступление до 4 июня, однако поставила условие – левый фланг его фронта должен был освободить Пинск и накопить силы для дальнейшего удара на Кобрин. А сил для наступления у командующего Западным фронтом А.Е. Эверта было достаточно.

Тем временем в России заканчивался второй учебный год в условиях войны. Итоговую годовую контрольную работу по математике Петя сделал легко, быстро и без ошибок.

В конце учебного года блеснул он и по предметам, включавшим в себя элементы истории и географии. При этом Петя проявил красноречие, глубокое знание материала и аналитические способности.

И на выпускных школьных экзаменах в мае 1916 года Петя Кочет весьма грамотно написал диктант и сделал правильный этимологический разбор простого предложения.

– *«Молодец, Петя, – похвалил его учитель – Если ты так и дальше будешь учиться, то далеко пойдёшь, просто полетишь!»*.

– *«А петухи не летают!»* – тут же послышалось завистливое из компании одноклассников, подразумевавших его фамилию Кочет.

А на прощание директор школы и по совместительству учитель Пети Иван Васильевич Извеков посоветовал ему продолжить образование в их открывающейся школе следующей ступени, о чём он и сказал его отцу:

– *«Пётр Васильевич, ваш сын очень способный, у него здоровое любопытство, необыкновенная тяга к знаниям, аналитический склад ума. Если он продолжит учёбу – то с его любознательностью, живым и пытливым умом из него может получиться большой человек, может даже учёный!»*.

В ответ крестьянин лишь молча улыбнулся и, сокрушённо покачав головой, любовно погладил Петю по его волнистым тёмным вихрам.

А дома, уже вечером после ужина, в присутствии всей семьи Пётр Васильевич, гордый за младшего, обратился к сыновьям:

– «Бора и Пеця, Вам бы трэба вучыцца і далей, у новай сярэдняй школе! Але куды нам, бедным селянам!? Там вучацца толькі дзеці чыноўнікаў і дваран!».

– «Ничего, батька, нам учитель говорил, что в эти школы и крестьян берут. Вот теперь такая школа поблизости будет!» – с надеждой в голосе попытался успокоить отца Петя.

– «А раньше не было...» – чуть с грустинкой добавил Борис, который теперь тоже был не прочь продолжить своё образование, дабы не отстать от младшего брата.

В этот период в царской России ещё не было преемственной связи между начальной и средней школой.

А система средних и высших учебных заведений имела лишь для имущих классов: дворянства, купечества, чиновничества и духовенства.

Кроме того, для них же имелись и особые сословные учебные заведения: Пажеский корпус, кадетские корпуса, дворянские институты, институты благородных девиц, училища правоведения, духовные и епархиальные училища, и духовные семинарии.

Так что реальных перспектив на продолжение образования после окончания средней школы у сыновей Петра Васильевича Кочета пока не было, как и возможности получить в будущем хорошую специальность.

Чего нельзя было сказать о самом Петре Васильевиче, весть о высоком столярном мастерстве которого разнеслась уже по всей округе.

О весьма умелом столяре из беженцев вскоре узнал и хозяин здешних мест – отставной подпоручик, гласный в уездном Земском собрании от землевладельцев Мещовского уезда, дворянин Николай Сергеевич Козлянинов, которому на то время стукнуло уже шестьдесят. Он был весьма уважаем в округе и не только. Ведь ещё его отец Сергей Иванович в 1870 году был предводителем дворянства Мещовского уезда Калужской губернии.

Поэтому вскоре свободный крестьянин из беженцев, столяр Пётр Васильевич Кочет получил весьма навязчивое предложение поработать непосредственно на барина и блеснуть уже в его имении своим непревзойдённым ремеслом.

Несколько дней работая в имении помещика, Пётр Васильевич вынужден был там же столоваться и ночевать, так как дорога до дому была более тридцати вёрст.

А спал он в помещении, отведённом ему пожилым дворовым по имени Егор, с коим они быстро сошлись и даже подружились.

И теперь перед сном они отводили душу за обоюдно интересными разговорами.

Пётр старался побыстрее разделаться с дорогим заказом и с хорошими деньгами вернуться к своим.

А дома его ждал радостный сюрприз.

Ведь там, наконец-то разыскавший его семью и приехавший к ним из Калуги в гости, старший брат Парфений Васильевич Кочет озаботился возникшей проблемой в семье Петра.

Несколько майских дней гостивший в Космыново в семье брата, Парфений обратил внимание того и на важный экономический аспект для его семьи:

– «Петь, на днях в Калуге при находящейся там канцелярии Гродненского губернатора образован Гродненский ссудный комитет для оказания материальной помощи своим горожанам, оставившим своё имущество в Гродно».

– «Ну и што? Парфений, а ты, дарэчы (кстати), став выдатна (здорово) гаварыць па-руску!».

– «Так я по своей службе и работе давно и постоянно общаюсь с русскими, вот и стал русским! Так вот, я предлагаю тебе через меня передать туда твоё прошение, то бишь, ходатайство о компенсации твоих потерь!».

– «Але (Но) я вжо (уже) атрымаў (получил) грошы ад дзяржавы за згубу (утерю) дома, жывёлы (скота) і маёмасці (имущества). Ды і Тацянінски камітэт грашанят (деньжат)

дадав (добавил)! Куды ж яичэ-то? Мне не дадуць! Да таго ж (к тому же) я не ведаю, як писаць гэта (это)... хадатайства (ходатайство)!».

– «А я помогу!».

– «А ты ж сказав, што гэта для гараджан Гродна?!».

– «Да, но чем чёрт не шутит! Мы же все всё-таки из Гродненской губернии!».

– «Так яно так! Але чаму ты упэунены (уверен), што мне дадуць кампенсацыю?» – спросил брата Пётр.

– «Так я постараюсь! Я же не сказал тебе главного – я там теперь работаю в акцизном управлени!» – активно напирал на младшего брата Парфений.

– «А-а! Ну, добра, давай, паспрабуем (попробуем)! У (В) рэшыце (конце) рэшит (концов), пад ляжачы камень вада не цячэ (течёт)!» – согласился Пётр.

– «Петь, а што это ты никак не научишься говорить по-русски?! Твои же сыны свободно говорят и наверхняк пишут!?» – наконец удивился Парфений на всё ещё белорусскую речь брата.

– «Ну, як?! Стараюся! Не усё адразу! Паступова (Постепенно) перайду» – обнадежил всех Пётр Васильевич.

– «Действительно, бать! Давай мы с Петро возьмём над тобой шефство!? Будем тебя всё время поправлять, но ты не обижайся!» – бодро предложил Борис.

– «Добра, – улыбнулся отец – шэфстувуйце!».

И уже в начале июня дядя Парфений вновь приехал из Калуги, где отстаивал экономические интересы семьи своего брата Петра Васильевича, ранее пославшего с ним запрос на компенсацию утраченной в связи с войной земли и прочего имущества.

– «Ты знаешь, Петь, мне пока этот вопрос полностью решить не удалось. Вот если бы ты жил в Калуге, тогда бы, я думаю, тебе могли бы дать компенсацию. – Чуть обнадежил брата Парфений – Тебе надо туда перебраться и попробовать!».

Далее, как человек сведущий, он рассказал, что до 1 июня этого года в этот комитет поступило уже 679 ходатайств от выходцев из Гродненской губернии, в том числе оказавшихся не только в Калужской губернии, но и в соседних губерниях.

Но других ходатайств от жителей сельской местности из самой Гродненской губернии, кроме ходатайства, переданного с Парфением его братом Петром Кочетом, пока не было.

– «Меня даже начальство пожурело, что я занимаюсь кумовством и местничеством» – чуть обиженно, то ли на это начальство, то ли на просителя-брата, то ли на себя самого, то ли на обстоятельства пожаловался Парфений – мне даже сказали: Побойся бога, Парфений Васильевич!».

И он посетовал брату, что поэтому ему и не дали награду за активное и плодотворное участие в приведении в порядок делопроизводства при эвакуации учреждений Гродненской губернии в Калугу.

– «А вот мой коллега – чиновник гродненской землеустроительной комиссии Ерогин – был награжден даже орденом Святого Станислава 3-ей степени!» – чуть завистливо и с обидой доложил Парфений.

– «А за что ж ему дали-то?» – первой не удержалась Гликерия.

– «Да ещё такую высокую награду?» – добавил перца Борис.

– «А он осуществлял контроль за делами по выдаче вознаграждений за уничтоженные при отходе армии посевы и урожай, за реквизируемый скот и повозки» – сглотнув слюну, чуть взволнованно пояснил Парфений.

– «А ты што ж?» – на этот раз почти чисто по-русски спросил Пётр Васильевич.

Парфений удивлённо взглянул на брата и, не смотря на скрытый упрёк, чуть улыбнулся, и невольно успокоившись, вызвал ответное удивление:

– «Так я и говорю, что награда меня обошла! Ведь такой же наградой наградили ещё троих моих коллег!?» – Видя вопросительные выражения лиц родственников, Парфений Васильевич продолжил.

– «Такой же наградой наградили и секретаря акцизного управления Хрущёва и ещё двоих помощников их надзирателя» – добавил уже почти упавшим голосом совсем было поникший Парфений Васильевич, который вдруг именно сейчас отчётливо почувствовал свою ущемлённость.

– «Дядь Парфений, а как там наш Шебеко поживает?» – неожиданно пришёл ему на помощь племянник Пётр.

– «Так он же с февраля уже губернатор Москвы! Сейчас у нас Гродненским губернатором в изгнании какой-то Крейтон, Да и то, говорят, он почти всё время в Петрограде ошивается. У нас, в Калуге, он только в апреле и побывал-то».

– «А чего это он там всё время делает?» – опять поинтересовался самый младший и самый любознательный.

– «Так, говорят, занимается вопросами предстоящего возвращения на родину!» – чуть ли не заговорческим шёпотом сообщил дядька Парфений.

– «Ну, а Калужским-то кто?» – ревниво влез с вопросом Борис.

– «А Калужским? Так Ченькаев Николай Сергеевич и остался же!?» – чуть удивлённо ответил дядя племяннику.

За ужином Парфений Васильевич заметил Петру Васильевичу:

– «Брат, по всему выходит, что пора вам всей семьёй в город перебираться! Земли у вас всё равно нет и здесь никогда не будет! Когда будет компенсация, и будет ли – неизвестно. Да и размер её может слишком малым оказаться – новую не купишь. А сынкам твоим учиться надо. И ты со своим столярным ремеслом нигде не пропадёшь, сможешь там устроиться, столяром работать! А потом, глядишь, и на нашу родину все вместе вернёмся!».

– «Так, брат, ты збянтэжыв (озадачил) мяне. Па усим (по всему) атрымліваецца (получается) – твая прауда! Трэба нешта прыдумаць».

– «Дядь, – попытался перехватить инициативу Петя – и я вспомнил! Ведь Шебеко ещё в пятнадцатом году за отличие в мобилизации был награждён орденом Святого Станислава, но первой степени!».

– «Да, да, помню!» – отмахнулся от него, как от назойливой мухи, отставной унтер-офицер, задумчиво взглянув на брата.

– «Кстати! Хорошо, что ты напомнил мне – с улыбкой повернулся он к младшему племяннику – Помните, я рассказывал вам о моём командире – капитане Александре Арефьевиче Успенском? Я ещё был воспитателем у его сыновей. Так вот, недавно узнал, что он за свои воинские подвиги представлен к ордену Святого Георгия 4-ой степени! Интересно, где он сейчас, и где его семья?! Надо будет разыскать!».

– «А нам трэба будзе за лета гэтае (этот) наш пытанне (вопрос) вырашыць (решить) – сынкам дзесьці (где-то) вучыцца трэба!» – подвёл общий итог Пётр Васильевич.

Пытались решить свой вопрос и войска Западного фронта.

На начало июня в его состав входили:

Базировавшаяся в районе Нарочи злосчастная 2-ая армия генерала от инфантерии В.В. Смирнова в составе шести армейских корпусов: 27-го (генерала от инфантерии Д.В. Баланина), 34-го (генерала от инфантерии В.П. Шатилова), 15-го (генерала от инфантерии Ф.И. фон Торк-луса), 37-го (генерала от инфантерии Н.А. Третьякова), 1-го Сибирского (генерала от инфантерии М.М. Плешкова) и 5-го резервного (генерала от инфантерии П.С. Балуева);

Базировавшаяся под Сморгонью 4-ая армия генерала от инфантерии А.Ф. Рагозы в составе пяти армейских корпусов: 20-го (генерала от инфантерии А.И. Иевреинова), 24-го (генерала от инфантерии А.А. Цурикова), 35-го (генерал-лейтенанта П.А. Парчевского), 3-го

Сибирского (генерал-лейтенанта В.О. Трофимова) и 2-го Кавказского (генерала от артиллерии С.Б. Мехмандарова);

Базировавшаяся в районе Крево 10-ая армия генерала от инфантерии Е.А. Радкевича в составе пяти армейских корпусов: 38-го (генерал-лейтенанта В.В. Артемьева), 44-го (генерал-лейтенанта Н.А. Бржозовского), 3-го Кавказского (Генерала от артиллерии В.И. Ирманонова), 1-го Туркестанского (генерала от кавалерии С.М. Шейдемана) и 7-го кавалерийского (генерала от кавалерии князя Г.А. Туманова);

Базировавшаяся в районе Барановичи 3-я армия генерала от инфантерии Л.В. Леша в составе пяти армейских корпусов: 9-го (генерала от инфантерии А.М. Драгомирова), 25-го (генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова), 31-го (генерала от артиллерии П.И. Мищенко), Гренадерского (генерал-лейтенанта Д.П. Парского) и 6-го кавалерийского (генерал-лейтенанта А.А. Павлова). Но уже 10 июня управление этой армией и 31-ый корпус были переданы в состав Юго-Западного фронта;

Кроме того, в резерве фронта находился 23-ий армейский корпус генерала от инфантерии А.В. Сычевского.

К тому же в Белоруссии размещались и резервы Ставки Верховного Главнокомандования – 1-ый и 2-ой Гвардейские, 4-ый Сибирский и 1-ый Гвардейский кавалерийский корпуса.

А.Е. Эверт считал, что наступление его фронта должно проходить южнее, но подчинился директиве Ставки и выделил для наступления по утверждённому плану лишь один Гренадерский корпус генерал-лейтенанта Д.П. Парского из 3-ей армии.

При этом ни сам командир этого корпуса, ни главком 3-ей армии Л.В. Леш, никак не возразили главнокомандующему Западным фронтом. И общее направление удара гренадеров Парского было выбрано на деревню Столовичи, расположенную в четырех километрах восточнее Барановичей.

В состав этого корпуса входили 1-ая и 2-ая гренадерские дивизии общей численностью двадцать шесть тысяч штыков при ста двадцати пяти орудиях.

На этом участке фронта русским войскам противостояли германские из 22-ой пехотной бригады 4-ой ландверной (территориальной обороны из резервистов) дивизии общей численностью девять тысяч штыков при шестидесяти орудиях.

Войска противостоящих сторон занимали укрепленные позиции по холмистым берегам реки Щары.

А передовые окопы немцев находились в двух километрах друг от друга.

Но окончательное решение отказаться от Виленского направления Командующий Западным фронтом Алексей Ермолаевич Эверт принял только 2 июня 1916 года. Он сообщил в Ставку, что из-за ухудшения погоды на фронте – дожди, туман – затруднена артподготовка и подвоз боеприпасов, а район Полесья стал практически непроходимым.

Поэтому он и отвергает идею удара на Пинск и Вильно и предлагает усилия его фронта сейчас сосредоточить в направлении на Барановичи, перебросив на помощь его фронту до трёх корпусов из-под Молодечно.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев ответил согласием на предложение командующего Западным фронтом генерал-адъютанта А.Е. Эверта, и 3 июня появилась директива Ставки:

– *«Хотя войска Запфронта и готовы к удару, но ввиду крайне тяжёлой работы войск при чрезвычайно сильно укрепленном фронте неприятельских позиций и лобовых ударах, обещающих лишь медленное и с большим трудом развитие операции, – Запфронту атаковать не на Виленском, а на Барановичском направлении.*

Атака откладывается на 18 дней с соблюдением полнейшей скрытности подготовки».

И уже в тот же день Алексей Ермолаевич издал свой приказ по Западному фронту:

– *«Атаку 4-ой и 10-ой армий на Виленском направлении отменить.*

Атаки Гренадерского корпуса под Барановичами и 31-го армейского корпуса под Пинском отложить до распоряжения.

Всем корпусам 4-ой армии, ныне занимающим фронт, перейти в состав 10-й армии. Управление 4-ой армии перебросить в Несвиж.

С 24.00. 21.6.1916 – образовать новую 4-ую армию в составе: 25-го армейского, Гренадерского, 35-го армейского, 9-го армейского корпусов, 11-ой Сибирской стрелковой дивизии, 2-ой Туркестанской казачьей дивизии и Уральской казачьей дивизии на фронте Делятичи – озеро Выгоновское.

Армии спешно готовить исходные плацдармы для атаки.

Расположенной правее её 10-ой армии в новом составе продолжать пристрелку батарей и работы для привлечения внимания противника.

Левее, 3-ей армии основательно подготовить к 19.6. удар под Пинском, дабы взять его, во что бы то ни стало, согласуя действия с Юго-Западным фронтом».

А для успокоения взволнованного Брусилова 5 июня Алексеев по телефону вновь сообщил ему, что по данным Эверта «против его ударного участка собраны громадные силы противника и многочисленная тяжёлая артиллерия» и атака на выбранном месте не может быть успешной.

Алексеев также сообщил, что Эверт получил разрешение от государя на перенос атаки к Барановичам.

На это Алексей Алексеевич сокрушённо заметил Михаилу Васильевичу:

– «Случилось то, чего я боялся, то есть, что я буду брошен без поддержки соседей и что, таким образом, мои успехи ограничатся лишь тактической победой и некоторым продвижением вперёд, что на судьбу войны никакого влияния иметь не будет.

Неминуемо противник со всех сторон будет снимать свои войска и бросать их против меня, и, очевидно, что, в конце концов, я буду принуждён остановиться.

Считаю, что так воевать нельзя и что даже если бы атаки Эверта и Куропаткина не увенчались успехом, то самый факт их наступления значительными силами на более или менее продолжительное время сковал войска противника против них и не допустил бы посылку резервов с их фронтов против моих войск».

А.А. Брусилов считал, что для создания новой ударной группы с целью успешной атаки укреплённой полосы противника потребуется не менее шести недель.

А за это время армии Юго-Западного фронта понесут значительные потери и могут быть разбиты.

Брусилов также просил Алексеева доложить государю о необходимости незамедлительно атаковать противника армиями Западного фронта.

На что Алексеев возразил:

– «Изменить решения государя императора уже нельзя. Эверту приказано атаковать противника у Барановичей не позже 20 июня. А вам я пришлю два корпуса на усиление».

– «Два корпуса не смогут заменить упущенных атак Эверта и Куропаткина! А их скорое прибытие нарушит подвоз продовольствия и боеприпасов, и позволит противнику, используя развитую сеть железных дорог, подвезти против меня целых десять корпусов, а не два!» – возбуждённо в свою очередь возразил ему Брусилов.

Он искренне считал, что это была инициатив не царя, которого он считал младенцем в военном деле, а самого Алексеева, прикрывавшего преступное бездействие своих бывших командиров по русско-японской войне – Эверта и Куропаткина.

А Михаил Васильевич, понимая и свою вину, пытался было успокоить Алексея Алексеевича, но тот продолжил:

– «Запоздалая атака Эверта мне не поможет, а Западный фронт опять потерпит неудачу по недостатку времени для подготовки удара.

Если бы я вперёд знал, что это так и будет, то наотрез отказался бы от атаки в одиночку».

Однако успешное наступление армий Юго-Западного фронта в последующие дни и продолжающаяся пассивность двух других фронтов вынудили Ставку, с целью дальнейшего развития этого наступления, перебрасывать подкрепления Брусилову сначала с Северного, а затем и с Западного фронта. Но за это Ставка настоятельно требовала от Брусилова взять Ковель, к которому тот и так стремился сам. Этим Алексеев хотел подтолкнуть Эверта к началу решительных действий.

Алексей Алексеевич Брусилов считал, что в сражении за Ковель уничтожит значительную живую силу противника, после чего он получит некоторую свободу выбора и действий.

Но, по своему последующему личному признанию, он допустил ошибку в том, что согласился со Ставкой о назначении командующим 8-ой армией А.М. Каледина вместо начальника своего штаба – генерала от инфантерии В.Н. Клембовского, поначалу выбранного им самим.

За разработку планов майского наступления Юго-Западного фронта Брусилов считал Владислава Наполеоновича Клембовского дельным и умным генералом, вполне способным к самостоятельной деятельности на высокой командной должности.

А генерал-лейтенант от кавалерии Алексей Максимович Каледин, по мнению командующего фронтом, всегда стремился всё делать сам, совершенно не доверяя своим помощникам, из-за чего многое упускал, не успевая одновременно находиться в разных местах.

Однако на первом этапе наступления это не помешало его 8-ой армии наголову разбить 4-ую австрийскую армию и в течение девяти дней, продвинувшись вперёд на семьдесят вёрст, 7 июня захватить Луцк.

В связи с тем, что на первом этапе наступления 8-ая армия достигла наибольшего успеха, 9 июня М. В. Алексеев отдал директиву о дальнейшем наступлении 8-ой армии от Луцка в сторону реки Сан с целью отрезать австро-венгерские армии от германского Восточного фронта.

Однако 10 июня А.А. Брусилов заявил ему, что отказывается выполнять эту директиву, беспокоясь за свой растянутый правый фланг и опасаясь оторваться от армий Западного фронта. В конечном счёте, переговоры завершились согласием М.В. Алексеева на предварительное занятие 8-ой армией линии Ковель – Владимир-Волынский.

Так же А.А. Брусилов сожалел, что сразу не сменил генерал-лейтенанта Якова Фёдоровича Гилленшмидта на должности командира 4-го кавалерийского корпуса. Иначе Ковель был бы взят сразу в самом начале Ковельской операции.

Тем не менее, войсками Юго-Западного фронта к 10 июня было взято в плен уже 4.013 офицеров и около 200 тысяч рядовых и младших командиров противника.

Было захвачено 219 орудий, 644 пулемёта, 196 бомбомётов и миномётов, 46 зарядных ящиков, 38 прожекторов и около 150 тысяч винтовок.

А на следующий день в состав Юго-Западного фронта вошла 3-я армия генерала от инфантерии Леонида Вильгельмовича Леша, переданная Ставкой, как и обещал М.В. Алексеев, с Западного фронта.

И теперь А.А. Брусилов поставил задачу передней ней и 8-ой армией по овладению районом Городок – Маневичи.

А 7-ой и 9-ой армиям левого фланга – продолжать наступление на Галич и Станислав.

Центральной же 11-ой армии – по-прежнему удерживать занимаемое ею положение.

На левом фланге Юго-Западного фронта к 13 июня 9-ая армия под командованием легендарного генерала от инфантерии, уроженца Гродненской губернии, Платона Алексеевича Лечицкого прорвала фронт, занимаемый 7-ой австро-венгерской армией и, перемолов её во встречном сражении, продвинулась на 50 км, взяв почти 50 тысяч пленных.

В центре 11-ая и 7-ая армии тоже прорвали фронт, но контрударами противника их наступление было приостановлено.

А на правом фланге фронта 8-ая армия А.М. Каледина к 15 июня фронтом шириной в восемьдесят километров уже наголову разбила 4-ую австро-венгерскую армию эрцгерцога Иосифа Фердинанда, продвинувшись вглубь на шестьдесят пять километров, захватив при этом сорок пять тысяч пленных, 66 орудий, и другие трофеи.

Действующие южнее Луцка части её 32-го корпуса генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Федотова захватили город Дубно.

Но в тот же день, 15 июня, А.А Брусилов приказал А.М. Каледину продолжать наступление только на Ковель, а на Владимир-Волынском и Сокальском направлениях его прекратить.

Угроза взятия 8-ой армией города Ковеля, являвшегося важным стратегическим транспортным узловым центром, заставила противника срочно перебросить на это направление две германские дивизии с Западноевропейского театра военных действий, две австрийские дивизии с Итальянского фронта и некоторое число частей с других участков Восточного фронта.

Но начатый 16 июня контрудар германских и австро-венгерских войск против 8-ой русской армии успеха не имел. Наоборот, войска противника сами были разбиты и отброшены за реку Стырь, где и закрепились, отбивая теперь атаки русских войск.

Спустя двое суток, 18 июня, нового успеха добилась 9-ая армия Лечицкого, штурмом взявшая хорошо укрепленный город Черновцы, за свою неприступность названный австрийцами «вторым Верденом». Таким образом, оказался взломанным весь южный фланг австрийского фронта.

Преследуя противника и громя его части, брошенные для организации новых рубежей обороны, 9-ая армия вышла на оперативный простор, занимая Буковину.

Её 12-ый корпус под командованием генерал-лейтенанта Николая Николаевича Казанова, продвинувшись далеко на запад, взял город Куты.

А 3-ий кавалерийский корпус под командованием «Первой пашки России» генерала от кавалерии графа Фёдора Артуровича Келлера, прорвавшись ещё дальше, занял город Кымпулунг в Румынии.

В это же время А.Е. Эверт всё откладывал нанесение его Западным фронтом, предписанного ему Ставкой, главного удара.

С согласия начальника штаба Ставки М.В. Алексея командующий фронтом А.Е. Эверт теперь отложил дату наступления своего Западного фронта до 17 июня.

Лишь 13 июня предпринятой атакой 1-го гренадерского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Д.П. Парского из 3-ей армии Западный фронт активизировался. Но, несмотря на все усилия, атака на широком участке фронта под Столовичами оказалась неудачной.

К 15 июня бой закончился для нашей армии большими потерями среди гренадеров, не сумевших прорвать хорошо укрепленную полосу обороны противника.

После этого главком Западного фронта приступил к новой перегруппировке своих сил, из-за чего наступление его фронта было перенесено уже на начало июля.

Но, в то же время, Столовический бой напугал немцев, до конца мая ожидавших наступление Западного фронта русской армии на Ошмяны и Вильно, что подтверждалось и данными их разведки.

Однако одновременно этот бой раскрыл намерения Ставки русского Верховного главнокомандующего нанести главный удар на Барановичи.

А это для немцев было бы самым опасным, так как в случае успеха русской армии, ей открылась бы дорога на город Брест-Литовск, которому с юга уже угрожали войска А.А. Брусилова.

Однако, пользуясь относительной пассивностью армий Эверта и Куропаткина, немцы и австрийцы подтянули резервы и остановили наступление армий Юго-Западного фронта на ковельском и Владимиро-Волынском направлениях.

В районе Маневичи создавалась угроза удара противником по правому флангу 8-ой армии.

Теперь необходимо было решительными действиями свести на нет усилия немцев на его Ковель-Мневичевской фланговой позиции.

Поэтому с этой целью 21 июня 3-я армия Л.В. Леша и 8-ая армия А.М. Каледина перешли в решительное наступление на Ковель, прорвав германский фронт и взяв Галузию, Маневичи и Городок, выйдя в нижнем течении на реку Стоход.

Во многих местах наши войска своими авангардами форсировали эту реку, захватили плацдармы и закрепились на её левом берегу. Из-за этого немцам пришлось отступать на север в Полесье.

Но сразу и полностью преодолеть реку на плечах врага нашим войскам так и не удалось. Значительную роль в срыве наступления правого фланга 8-ой армии на Ковель сыграло и наличие в зоне прорыва густых лесов и топких болот. А пригодные для прохода болотистые дефиле

были сильно укреплены противником, успевшим подтянуть сюда свежие силы и создать необходимую оборону. Поэтому, чтобы подтянуть резервы к закрепившимся войскам и перегруппировать силы, к 1 июля А.А. Брусилов вынужден был остановить наступление на Ковель.

Но этой операцией войска Юго-Западного фронта упрочили свои позиции на Волыни и нейтрализовали новую возможную угрозу.

С радостью и воодушевлением встретили в России весть о том, что ещё с 24 июня началась артподготовка англо-французских войск на Сомме.

Она продолжилась семь дней и 1 июля союзники России перешли в наступление, которое потребовало от Германии перебросить войска на Запад и увеличить количество дивизий с восьми до тридцати.

А тем временем в центре и на правом фланге Юго-Западного фронта установилось относительное затишье, но на левом – 9-ая армия продолжила успешное наступление.

Наряду с тем, что к 1 июля 3-я армия и правый фланг 8-ой армии Юго-западного фронта уже укрепились на реке Стоход, 7-ая армия продвинулась к западу от линии Езержаны – Порхов, а 9-ая армия заняла район Делатыня.

И только 26 июня, по истечении пяти недель после начала Брусиловского наступления, Ставка Верховного главнокомандующего своей директивой поручила нанесение главного удара Юго-западному фронту.

Но теперь Юго-западный фронт ограничился лишь наступлением 9-ой армии силами 41-го корпуса под командованием генерал-лейтенанта Леонида Николаевича Бельковича. Его корпус 30 июня захватил Коломью и вышел к Карпатам.

В это же время очень тяжело пришлось частям 11-ой армии генерала от кавалерии Владимира Викторовича Сахарова, занимавшей центральные позиции фронта, на которые было произведено несколько настойчивых атак немцев и австрийцев. Но 11-ая армия отбила все их и сохранила занимаемые ею позиции.

Командующий фронтом А.А. Брусилов высоко оценил успех 11-ой армии. Ведь все свои резервы он уже направил на другие, ударные участки фронта, и Сахарову при обороне приходилось обходиться относительно небольшим количеством своих войск.

Новой директивой Ставки Северному фронту также было предписано перейти в наступление. Но этот фронт под командованием генерал-адъютанта Алексея Николаевича Куропаткина вплоть до 9 июля наступательных действий не предпринимал. Поэтому германское командование начало переброску войск из районов севернее Полесья на юг, против Брусилова.

И лишь 9 июля Северный фронт ограничился попыткой наступления на Бауск силами 12-ой армии под командованием генерала Радко Дмитриевича Радко-Дмитриева. Но шестидневные бои результатов не дали, а потери корпуса составили около пятнадцати тысяч человек.

Западному же фронту директивой предписывалось пока лишь сдерживать противника.

Поэтому Западный фронт, согласно приказу его командующего А.Е. Эверта, изданному ещё 3 июня, в десятых числах начал формирование новой армии, 4-ой, задуманной как ударной наступательной армейской группой.

Эти события невольно невесело напомнили их участникам преобразование 2-ой армии в ударную группу накануне прошлой Нарочской операции.

Руководителем этой операции снова был назначен генерал от инфантерии Александр Францевич Рагоза, имя которого в войсках уже было прочно связано с Нарочской неудачей. Но ему ещё всецело доверял и которого, из-за успешных июньских боёв 1914 года под Таневом, всё ещё высоко ценил А.Е. Эверт.

Однако и сам А.Ф.Рагоза не был согласен с командующим фронтом и мог бы ему возразить, но спорить не стал.

По его мнению, после трёхмесячной подготовки к наступлению на Ошмяны и Вильню резко менять планы и наступать на Барановичи не стоило. Единственным отличием для А.Ф.

Рагозы было то, что в марте он возглавлял чужую армию, а теперь свою. Но теперь чужой для него стала поставленная перед ним задача, которую он, конечно, выполнит, но без энтузиазма.

Только за неделю непрерывных боёв в ходе Барановичской операции, с 20 по 27 июня 1916 года, наступающая русская армия потеряла более тридцати тысяч человек убитыми, около пятидесяти тысяч ранеными, и две тысячи пленными.

При этом обороняющиеся немцы потеряли восемь тысяч убитыми, тринадцать тысяч ранеными и четыре тысячи пленными.

Кроме того, на этом участке фронта восемь тысяч человек потеряла и Австро-Венгрия.

Немецкое верховное командование считало, что командующий их армейской группой «Войрш», в которую входил один германский и три австро-венгерских корпуса, генерал-полковник Мартин Вильгельм Ремус фон Войрш свои потери и затраты в этом для них блестящем оборонительном и принципиально важном сражении сделал минимальными.

А высшее военное руководство царской России, да и не только оно, поначалу посчитало не проигранную Барановичскую операцию самым кровавым и бессмысленным летним вариантом мартовской неудачи под Нарочью, сражение под которой тоже не было проиграно русской армией.

Но больше всех итогами Барановичской операции был недоволен Алексей Алексеевич Брусилов:

– *«Атака на Барановичи состоялась, но, как это нетрудно было предвидеть, войска понесли громадные потери при полной неудаче, и на этом закончилась боевая деятельность Западного фронта по содействию моему наступлению».*

Однако Нарочская и Барановичская наступательные операции русской армии по прорыву сильно укреплённых оборонительных позиций немцев хоть и привели к большим потерям, но русская армия, имевшая ряд тактических успехов, не была разгромлена. Кроме того, была освобождена часть территории России: в результате сражения под Нарочью – Постава, а в ходе Барановичской операции – Фердинандов Нос и Скробово.

Важным было и то, что когда с целью прорыва германского фронта в Белоруссии и продвижения на Брест-Литовск Западный фронт начал своё наступление, осуществляя Барановичскую операцию, войска Юго-Западного фронта начали своё наступление в Галиции и Буковине, нанеся тяжёлое поражение германским и австро-венгерским войскам, потерявшим там более полутора миллионов человек.

В результате всех этих сражений, ставших примером мужества, храбрости, самоотверженности, призрания к смерти и негибамости духа русских солдат, было взято много пленных и значительные трофеи, а несколько воинских частей противника были полностью уничтожены.

Но, главное, эти операции спасли, оказавшихся в тяжёлом положении союзников России – Францию и Италию. А ведь в происходившем в это же время в Западной Европе сражении на реке Сомма британские и французские войска потеряли убитыми и ранеными почти восемьсот тысяч человек, продвинувшись лишь на тринадцать километров.

А тем временем на Юго-западном фронте в период с 1 по 15 июля началась перегруппировка частей 3-ей и 8-ой армий для дальнейшего наступления на Ковель и Владимир-Волынский.

Из вновь прибывших из стратегического резерва, по решению Ставки в качестве подкрепления, двух гвардейских корпусов и одного гвардейского кавалерийского забайкальского казачьего корпуса Брусилов сформировал армейскую группу под командованием генерала от кавалерии Владимира Михайловича Безобразова. Брусилов добавил в её состав и свои армейские корпуса – 1-ый и 30-ый, а также 5-ый кавалерийский корпус, выдвинув эту армейскую группу на стык между 3-ей и 8-ой армиями с задачей форсирования реки Стоход и наступления на Ковель с юга.

В это же время 11-ая армия Сахарова нанесла в трёх местах сильные, но короткие удары по противнику, продвинувшись дальше на запад своим правым флангом и центром, выйдя на линию Кошев – Звеняч – Мерва – Лишнюв.

В результате этих ударов частично разукомплектованной армии было пленено тридцать четыре тысячи солдат противника и взято в качестве трофеев 45 орудий и 71 пулемёт.

Поэтому противник не рискнул снимать войска, стоящие против этой армии, для переброски в качестве подкрепления на другие участки фронта.

За это же время части 7-ой и 9-ой армий Юго-западного фронта завершили перегруппировку для нанесения удара вдоль Днестра на Галич.

Они должны были начать это наступление 10 июля. Но из-за многодневных проливных дождей наступление этих армий было отложено на пять дней.

Эта невольная пауза привела к потере внезапности, и противник успел подвести свои резервы на угрожаемые направления.

Но всё равно главком фронта остался довольным слаженными действиями всех пяти командармов: Леша, Каледина, Сахарова, Щербачёва и Лечицкого.

Он опять отметил отличное применение артиллерии с переносом огня и его увязкой с действиями пехоты, а также устойчивую телефонную связь между этими подразделениями.

Но теперь похвалы А.А. Брусилова удостоились и тыловые службы фронта – санитарные поезда и передвижные бани, а также сапёрные части генерал-майора-инженера Константина Ивановича Величко, за короткий срок соорудившие множество необходимых для наступления переправ и специальных инженерных плацдармов, что оказалось совершенно новым в инженерном оборудовании позиций.

Но теперь в наступлении Юго-западного фронта возникли новые, на этот раз субъективные, трудности.

Алексей Алексеевич, отдавая Каледину разные наступательные приказы – то наступать на Ковель, а то на Львов, или вообще оборонительные, постепенно терял стратегическую инициативу на главном направлении фронта.

И только тогда Ставка, наконец, определилась с направлением главного удара Юго-западного фронта.

Было решено на Львов не наступать, а сосредоточиться на северо-западном направлении и наступать на Ковель навстречу с войсками Эверта, наступавшими на Барановичи и Брест.

Субъективные трудности коснулись и личных взаимоотношений между царскими генералами.

Алексей Алексеевич Брусилов считал предательской пассивностью любимых военачальников Ставки – командующих Западным и Северным фронтами А.Е. Эверта и А.Н. Куропаткина:

– *«Будь другой Верховный главнокомандующий – за подобную нерешительность Эверт был бы немедленно смещён и соответствующим образом заменён, Куропаткин же ни в каком случае в действующей армии никакой должности не получил бы. Но при существующем в стране режиме, безнаказанность полная, и оба всё ещё остаются на своих должностях!».*

Недовольным действиями А.Е. Эверта оказался и его подчинённый – бывший командующий 4-ой армией генерал от инфантерии Александр Францевич Рагоза.

После приказа А.Е. Эверта об отмене для 4-ой и 10-ой армий атаки на Виленском направлении и переводе всех корпусов 4-ой армии в состав 10-ой А.Ф. Рагоза недоумевал. Ведь на его армию была возложена задача атаки укрепленных позиций противника под Молодечно с развитием дальнейшего наступления на Вильно. Подготовка к атаке была проведена основательно, и командующий армией был уверен в победе.

Поэтому отмена Эвертом долго готовившегося наступления удивила всех.

Александр Францевич по этому поводу даже съездил в штаб фронта, услышав там неожиданное от А.Е. Эверта:

– *«Такова воля государя императора..., с какой стати я буду работать во славу Брусилова».*

А теперь всё же прославившемуся А.А. Брусилу была поставлена новая задача.

Его 3-я и 8-ая армии и армейская группа В.М. Безобразова должны были, наконец, разгромить обороняющие Ковель войска противника и взять город.

Его 11-ая армия должна была наступать на Броды и Львов, 7-ая – на Монастырыску, а 9-ая армия, продвинувшись вперёд, должна была повернуть на север, на Станислав.

И 28 июля 1916 года Юго-западный фронт начал своё новое, теперь уже летнее, наступление.

А лето 1916 года перешло свой пик и вступило в пору зрелости.

Крестьяне деревни Космыново, как и везде на Руси, в это время были заняты на сельскохозяйственных работах: косили, сушили и убирали травы, пололи и поливали грядки, а также ходили по грибы и ягоды.

Таковыми работами были заняты и всё Кочеты. Пётр Васильевич с Борисом периодически ездили на сезонные работы в деревню Алнеры в имение местного помещика, а младший Пётр с мачехой Гликерией Сидоровной работали на своём приусадебном огороде и по хозяйству в доме.

Но своё свободное время двенадцатилетний Петя Кочет проводил на улице.

Летом все деревенские дети играли в подвижные игры на воздухе, в основном в горелки, жмурки, прятки, пятнашки, салочки и в лапту, в которой вместо мяча использовали самодельный «чиж».

Периодически они ходили играть и в соседние деревни Глинное и Нестеровку, или принимали сверстников у себя.

Тем временем, начавшемуся 28 июля очередному наступлению Юго-Западного фронта как всегда предшествовала массированная артподготовка, после которой на прорыв фронта пошла ударная группа в составе 3-ей армии Леша, армейской группы Безобразова и 8-ой армии Каледина.

Но противник упорно сопротивлялся, периодически переходя в контратаки.

Однако, несмотря на это, армейская группа Безобразова одержала победы у населённых пунктов Селец и Трыстень, а 8-ая армия Каледина взяла посёлок Торчин.

В результате трёхдневных ожесточённых боёв наши армии продвинулись на десять километров, и вышли к реке Стоход уже в её верхнем течении, захватив семнадцать тысяч пленных и 86 орудий.

В это же время в центре Юго-Западного фронта и южнее 11-ая армия Сахарова и 7-ая армия Щербачёва при поддержке 9-ой армии Лечицкого, ударившей по противнику с юга во фланг и тыл, совместными усилиями разгромили его и прорвали фронт.

Для сдерживания русских армий германо-австро-венгерское командование стало перебрасывать на этот участок фронта в Галиции резервные части. Даже с Салоникского фронта были сняты две турецкие дивизии.

Но эти резервы вводились в бой поочередно, поэтому и разбиты они тоже были порознь.

Всё же не выдержав удара русских армий, противник начал отступление.

Как и было предусмотрено планом операции, 11-ая армия взяла Броды и вышла на подступы к Львову, 7-ая армия захватила Галич и Монастырыску, а левобланговая 9-ая армия заняла Буковину, 11 августа взяв и Станислав.

Однако продолжившееся в августе 1916 года наступление Юго-Западного фронта на Ковельском направлении к успеху не привело.

Ввиду усилившегося сопротивления противника, усталости личного состава и его больших потерь, войска фронта выдохлись, и их наступательный порыв иссяк, потому развить наступление не удалось.

Новые отчаянные попытки Брусилова взять Ковель вопреки предложениям ставки сосредоточиться на южном фланге, где продолжали успешно действовать 7-ая и 9-ая армии, ввиду опять же больших потерь оказались бессмысленными.

И в начале сентября 1916 года на всём протяжении Русско-германского фронта наступила оперативная пауза.

Одновременно наступило время осмотреться и подвести некоторые итоги, и не только на фронте, но и в тылу.

В стране усилились случаи дезертирства из действующей армии, превратившиеся в настоящую, постоянно нарастающую волну, ставшую весьма мощной к осени 1916 года.

Причиной этого в затянувшейся войне, наряду с неудачами на фронте, плохим снабжением и большими потерями, стало снижение общего уровня подготовки личного состава войск, обученный запас которых был израсходован ещё к весне 1915 года.

Падение качества личного состава войск, порой заключавшееся даже в полном незнакомстве с военным делом, и приводило к росту числа дезертиров, добровольно сдавшихся в плен и самопокалеченных.

Хотя Ставка и требовала планомерных и решительных действий против нелегально и без дела шатавшихся в тылу солдат, вплоть до самых суровых наказаний военного времени, но их число всё равно продолжало неуклонно расти.

Борьбу с этим явлением осложняло и укрывательство многими односельчанами сбежавших домой дезертиров.

Ещё одним новым отрицательным явлением стало появившееся сопротивление местным властям и распространение этими обнаглевшими от безнаказанности дезертирами антивоенных настроений среди односельчан, вплоть до призывов к бунтам.

Такой случай произошёл и в деревне Космыново.

Неожиданно вернувшийся с фронта солдат Семён даже не скрывал своего дезертирства.

Он кичился этим, ударяя себя кулаком в грудь, будто бы выбивая оттуда правду и приговаривая:

– *«Я за царя и Отечество кровь проливал! Но хватит! Пусть теперь другие повоюют, кто в тылу сидел!»*.

При этом он своими небесно-голубыми глазами злобно сверкал на живших и работавших в их деревне пожилых мужиков, особенно на почти пятидесятилетнего беженца из Западной Белоруссии Петра Васильевича Кочета, в пьяном угаре обращаясь к нему по-хамски, как к своей ровне:

– *«Вот ты Пётр, чего здесь сидишь-то? Тебе воевать надо идти, свою землю освободить! Мы, что ль за тебя за неё кровь проливать должны?»*.

– *«Да угомонись, ты, ирод проклятый, пьяная твоя башка! Все мы здесь по закону, кровопроливец ты эдакий!»* – осадил его отец.

И такое лицемерное поведение было характерным для представителей всех слоёв российского общества. В тылу кругом процветало воровство, взятки и интриги.

А основные тяготы и лишения военных лет легли на плечи трудового народа – крестьянства и рабочего класса.

До деревни Космыново доходили слухи о стачках рабочих в городах.

По причине начавшегося в 1916 году голода, возросших цен на продукты и всё ещё низкой зарплаты повсеместно в стране начались брожения в массах.

И этим моментом воспользовалась нелегальная партия большевиков, во многих городах и губерниях развернув широкую агитацию среди рабочих и крестьян, разъясняя им истинные цели и характер этой империалистической войны.

Большевики пошли даже дальше, призывая солдат повернуть оружие против зачинщиков войны – самодержавия и буржуазии, а войну превратить в гражданскую.

Как-то раз и в совсем небольшую деревню Космыново, видимо проездом, заехал большевистский агитатор. Крестьяне были в поле и на огородах, так что его революционный пыл пришёлся на стариков и детей, в компании которых оказался и Петя Кочет.

Он внимательно слушал дотоле невиданного городского человека, и всё больше проникался осознанием того, что ему надо бы ехать учиться в город.

И хотя хаос войны и голода не доходил до деревни Космыново, но аргументы и доводы пламенного оратора глубоко засели в детскую душу.

Ведь Петя Кочет как раз находился в том прекрасном возрасте, когда ребёнок, как губка, жадно впитывает всю проходящую мимо него информацию, иной раз даже неосознанно.

– *«А как же война до победного конца?!»* – набрался он смелости на вопрос агитатору.

– *«Паренёк, как я понял, ты конечно патриот! И таких как ты сейчас много в России. Но власть вас обманывает. Она играет на ваших патриотических чувствах и ради своей наживы толкает таких как ты на бессмысленную бойню!»* – начал он с понятного – *«А их поддерживают и социал-предатели, пытающиеся остановить рост революционного движения!»* – продолжил он для подростка пока непонятным – *«Так что если вас будут агитировать за продолжение войны – знайте, что это они и есть! Не слушайте их и гоните в шею!»* – закончил он теперь вполне ясным.

– *«В шею, в шею!»* – закричали от радости все остальные подростки, ибо драться за свои интересы им было не впервой.

А агитатор, обрадовавшийся произведённому эффекту, пусть и перед детьми – а они будущее России, стеганул коня и помчался на повозке в соседнюю деревню.

– *«Скатертью дорога, агитатор-провокаатор!»* – только и успел крикнуть ему вслед самый старший из подростков.

Дома Петя всё рассказал своим, получив от отца строгий наказ не лезть в политику:

– *«Сынок, таки вась прайдзисвет (прохиндей) затуманиць тебе мазги и падабье (подобьёт) на якое-небудзь хулиганства, а адказваць (отвечать) мне давядзеца (придётся). Так што сцеражыся (остерегайся), ня слухай таких вась губошлёмов! Хай начальства само разбираецца».*

Но слова агитатора уже вошли в сознание и душу подростка. Он стал всё больше задумываться о жизни, о добре и зле, и о справедливости.

За получением ответов на эти вопросы он поначалу, было, обратился к имевшимся в деревне книгам, но в них ответов так и не нашёл.

Но не могли найти ответов на вопрос – что это за война, и для чего и кого она нужна? – многие жители царской России.

К 30 июля 1916 года Юго-Западный фронт закончил операцию по овладению чрезвычайно сильно укреплённой неприятельской позиции, самым противником считавшейся неприступной.

Войска фронта продвинулись вглубь территории, занимаемой противником, на расстояние от восьмидесяти до ста двадцати километров.

Вновь была отвоёвана почти вся Волынь, часть Восточной Галиции и почти вся Буковина, в результате чего Румыния нарушила нейтралитет и встала на сторону России, видимо пытаясь присоединиться к победителю и успеть к дележу добычи.

А Австро-Венгрия остановила своё наступление в Италии и перешла к обороне.

Также, из-за переброски части своих дивизий против русского Юго-Западного фронта, ослаб и немецкий напор на Верден.

А главный итог подвёл сам главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов:

– «Нельзя не признать, что подготовка к этой операции была образцовая, для чего требовалось проявление полного напряжения сил начальников всех степеней. Всё было продумано и всё своевременно сделано.

Эта операция доказывает также, что мнение, почему-то распространившееся в России, будто после неудач 1915 года русская армия уже развалилась – неправильно: в 1916 году она ещё была крепка и, безусловно, боеспособна, ибо она разбила значительно сильнеешего врага и одержала такие успехи, которых до этого времени ни одна армия не имела».

К концу октября 1916 года боевые действия закончились на всём протяжении русского фронта.

И к 1 ноября войсками Юго-Западного фронта было взято в плен уже около полумиллиона военнослужащих противника.

На это же время противник потерял свыше полутора миллионов человек убитыми и ранеными.

Алексей Алексеевич Брусилов невесело шутил по этому поводу:

– «Мы пленили столько солдат противника, сколько стояло перед нами в начале нашего наступления. А сейчас перед нами опять стоят свыше миллиона австро-венгров, германцев и турок. Следовательно, за время нашего наступления против нас было перекинута свыше двух с половиной миллионов бойцов».

Кроме того, войска Брусилова захватили в качестве трофеев 581 орудие, 1795 пулемётов, 448 бомбомётов и миномётов.

Из-за таких огромных потерь была подорвана боеспособность австро-венгерской армии.

А ведь для отражения Брусиловского наступления Германия, Австро-Венгрия и Турция были вынуждены перебросить с Западного, Итальянского и Салоникского фронтов 31 пехотную и 3 кавалерийские дивизии.

И это спасло терпящую поражения итальянскую армию от полного разгрома, а также облегчило положение союзников в сражении на Сомме.

В итоге стратегическая инициатива окончательно перешла к Антанте.

Союзникам удалось добиться такого взаимодействия, при котором в течение июля – августа Германии приходилось направлять свои ограниченные стратегические резервы и на Западный, и на Восточный фронт.

Но и российские потери в этом сражении были не малые – более семисот пятидесяти тысяч человек, а это больше, чем первоначальный состав Юго-Западного фронта.

И это не считая моральных потерь, в том числе у высшего российского командного состава.

Алексей Алексеевич, подводя итоги наступления своего Юго-Западного фронта, записал в своём дневнике:

– «Из этого ясно видно, что если бы другие фронты шевелились и не допускали возможности переброски войск против вверенных мне армий, я имел бы полную возможность далеко выдвинуться к западу и могущественно повлиять и стратегически и тактически на противника, стоявшего против нашего Западного фронта.

При дружном воздействии на противника нашими тремя фронтами являлась полная возможность – даже при тех недостаточных технических средствах, которыми мы обладали по сравнению с австро-германцами, – отбросить все их армии далеко к западу.

А всякому понятно, что войска, начавшие отступать, падают духом, расстраивается их дисциплина, и трудно сказать, где и как эти войска остановятся, и в каком порядке будут находиться.

Были все основания полагать, что решительный перелом в кампании на всём нашем фронте совершится в нашу пользу, что мы выйдем победителями, и была вероятность, что конец нашей войны значительно ускорился с меньшими жертвами».

Но причины всеобщих неудач были разные.

Это были не только пассивность Северного и Западного фронтов, отсутствие резервов и действия Ставки, но и ошибки самого А.А. Брусилова.

Он, как заколдованный, никак не мог отказаться от первоначальной своей навязчивой идеи, во что бы то ни стало взять Ковель, даже вопреки указаниям Ставки.

И если на первом этапе наступления русские армии действительно достигли значительных успехов, глубоко продвинувшись вглубь территории противника, захватив большое количество пленных и значительные трофеи, то на втором этапе наступления произошёл его провал на главном, Ковельском направлении.

Да и с точки зрения военного искусства, наступление Юго-Западного фронта одновременно на нескольких участках не явилось новаторским – новой формой прорыва фронта. Такой метод применялся и ранее, но чаще всего приводил к большим потерям, дроблению сил и ослаблению главного удара. И именно поэтому Алексею Алексеевичу в итоге не удалось свои отдельные тактические успехи развить в стратегический успех.

Он же сам это и признавал:

– «Никаких стратегических результатов эта операция не дала, да и дать не могла, ибо решение военного совета 1 апреля ни в какой мере выполнено не было. Западный фронт главного удара так и не нанёс, а Северный фронт имел своим девизом знакомое нам с японской войны «терпение, терпение и терпение».

Ставка, по моему убеждению, ни в какой мере не выполнила своего назначения управлять всей русской вооружённой силой.

Грандиозная победоносная операция, которая могла осуществиться при надлежащем образе действий нашего верховного главнокомандования в 1916 году, была непростительно упущена».

Однако итоговая относительная неудача русской армии имела и объективные причины.

Это были и естественно большие потери наступающих войск, приведшие к истощению последних ресурсов, и всеобщее падение морального духа армии, приведшее к её разложению из-за краха надежд на скорую победу.

Смена успехов первых манёвренных сражений в начале наступления на тупую и кровопролитную лобовую мясорубку в последующий период оказалась несоизмеримо дорогой платой за поманившую, было, победу.

Ко всему прочему, как не раз уже случалось на этой войне, все стратегические выгоды от самой успешной русской операции достались в основном союзникам России, а сама же она оказалась не в состоянии ни развить свой успех, ни хотя бы закрепить его.

Во многом, именно поэтому постепенно в российском обществе в 1916 году стал усиливаться пессимизм по поводу возможных перспектив в этой войне и компетенции военного и политического руководства страны.

Другого мнения был сам Верховный главнокомандующий.

В своей телеграмме на имя командующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова император Николай II-ой сообщал:

– «Приветствую Вас, Алексей Алексеевич, с поражением врага и благодарю Вас, командующих армиями и всех начальствующих лиц до младших офицеров включительно за умелое руководство нашими доблестными войсками и за достижение весьма крупного успеха. Пере-

дайте Моим горячо любимым войскам вверенного Вам фронта, что я слежу за их молодецкими действиями с чувством гордости и удовлетворения, ценю их порыв и выражаю им самую сердечную благодарность».

Но когда дело дошло до реального награждения, царь припомнил генералу его отказ выполнить директиву Ставки о наступлении, и не утвердил представление Георгиевской Думы при Ставке Верховного главнокомандующего о награждении А.А. Брусилова орденом Святого Георгия II-ой степени, ограничившись награждением лишь георгиевским оружием с бриллиантами.

И только один генерал-майор М.В. Ханжин за его роль в разработке операции был произведён в генерал-лейтенанты, а также награждён орденом Святого Георгия III-ей степени и Георгиевским оружием.

Тем временем новый учебный 1916–1917 год братья Кочет встретили вне обещанной им средней сельской школы следующего звена. Новую школу действительно открыли, но ... в Мещовске, добираться до которого каждый день было невозможно. Поэтому с продолжением учёбы пришлось повременить.

Но с приходом осени и окончанием сельхоз работ, любознательный Петя, занялся самообразованием, читая всё подряд, что попадало под его детскую руку. Долгими зимними вечерами при тусклом свете лучины он читал, собранные по всей деревне Космыново и взятые у друзей из соседних деревень Глинное и Нестеровка книги, старые газеты и журналы, узнавая много нового и интересного, но постепенно портя себе зрение. Он с удовольствием делился знанным с отцом, братом, мачехой, друзьями и соседями.

Из газет Петя узнал, что по сведениям Всероссийского союза городов и земств на 1 июня 1916 года общее количество беженцев в России насчитывало 2.757.735 человек. Около 47 процентов от общего их числа, или один миллион триста тысяч человек, были жители Беларуси. Причём 38 процентов составляли выходцы только из одной его Гродненской губернии.

Численность же беженцев в Калуге в августе приближалась уже к восьми тысячам человек.

– *«Отец, из газет получается, что если бы мы остались в Калуге, то нас разместили бы или в частных квартирах, или в домах городского управления, или в учительской семинарии, или в высшем начальном училище! Вот! И я бы тогда смог учиться и дальше!»* – однажды выбилось жалобное предположение от младшего Петра.

– *«Ну, ничего, сынок, з твайёй дальнейшай вучобай я што-небудзь прыдумаю!»* – успокоил Петра младшего Пётр старший.

А в Калужской губернии уже к январю того же года было размещено почти шестьдесят пять тысяч беженцев, из которых, включая Кочетов, более десяти тысяч оказались в одном из самых густонаселённых беженцами Мещовском уезде.

А тем временем жителям, оставшимся в своих домах и на своей земле на захваченной немцами территории Гродненской губернии, теперь пришлось познать все тяготы оккупации.

Несмотря на рекомендации и разъяснения представителей власти и военных о грозящей местному населению опасности нахождения в полосе оборонительных действий армии и агитацию на беженство со стороны православного духовенства, они не покинули родных мест.

Кто-то промедлил с отъездом, а кто-то остался дома сознательно, надеясь на лучшую жизнь, или что пронесёт и как-нибудь образуется.

Теперь оккупированная немцами Гродненская губерния стала называться «Цесарско-немецкая Гродненская губерния», а вся власть перешла в руки военных.

Губернатором назначили немецкого генерала пехоты фон Гелда, а в уездах были созданы цесарско-немецкие управления и назначены бургомистры городов и уездов.

На оккупированных Германией территориях вводился так называемый «Новый порядок».

Согласно ему все народы не немецкой национальности лишались всех имущественных и политических прав, а их движимая и недвижимая собственность передавалась безвозмездно немцам.

Таким образом, немцы пытались превратить наши земли в источник сырья и дешёвой рабочей силы.

А для подавления недовольства и поддержания порядка ими был введён жёсткий оккупационный режим, поддерживаемый местными комендантами с прикрепленными к ним специальными воинскими подразделениями и полевой полицией для борьбы со шпионажем, саботажем и диверсиями.

За нарушение многочисленных приказов, регламентирующих гражданскую жизнь, оккупационная администрация подвергала местное население штрафам, тюремному заключению и даже смертной казни по решению военно-полевых судов.

А за владение оружием, взрывчаткой и боеприпасами сразу предусматривалась смертная казнь.

Людей обвиняли в шпионаже и диверсиях и сразу же расстреливали.

Применялось также физическое наказание работников, не выполнявших требования многочисленных указов, которые были напечатаны на немецком, русском, польском и еврейском языках и вывешены местной администрацией в людных местах.

Немецкими властями строго контролировалось перемещение местного населения, свободное передвижение которого разрешалось только в дневное время, так как ночью действовал комендантский час, причём пешком и в границах своего населенного пункта.

Для прочих перемещений требовалось специальное разрешение.

Для местных граждан были введены немецкие паспорта. В Беларуси они были сначала на немецком языке, а с декабря 1915 года – на немецком и белорусском языках.

Для населения было установлено множество налогов: личный налог, налоги на торговлю, промышленное производство, и на животных, в том числе на собак.

Был введён также целый ряд косвенных налогов, сбором которых занимались специальные военизированные команды.

В деревнях проводилась фактически реквизиция продуктов питания, животных и урожая, за которые крестьянам выдавалась чисто символическая, просто нищенская плата.

Бесплатно реквизировались все цветные металлы и изделия из них, хотя за это поначалу и полагалась денежная компенсация.

Население привлекалось к принудительному труду, в том числе на строительстве укреплений и хозяйственному, оплата которого также не соответствовала тяжести, трудности и объёму выполняемых работ.

Более того, этих людей содержали в нечеловеческих условиях и плохо кормили.

А поскольку германские оккупационные власти ликвидировали предприятия, в существовании которых они не были заинтересованы, то в городах появилась безработица.

С 1916 года местное население стали отправлять на работу в Германию.

И начался подлинный грабёж национальных ресурсов России.

Усиленно вывозилась, прежде всего, древесина. Лесные богатства Беларуси стали для немецких оккупантов хорошим источником дохода.

Леса Беловежской пуши ими оценивались примерно в 700–800 миллионов немецких марок.

С оккупированных белорусских земель в Германскую империю, в основном безвозвратно и в больших количествах, отправлялись и другие материальные ценности, промышленное оборудование, скотина, прочее различное сырьё и продукты питания.

А хлеб в городах уже распределялся по карточкам, но был напичкан различными эрзацами (заменителями), из-за чего некоторые жители часто отравлялись.

Население оккупированных территорий испытывало явную нехватку продовольствия и средств первой необходимости: мыла, лекарств и другого, так как постоянно усиливался их дефицит. Поэтому на эти и на многие другие товары вводились купоны и талоны.

Жителям оккупированных территорий запрещалось продавать мясо и продукты нового урожая, охотиться и ловить рыбу, получать посылки, газеты и журналы, участвовать в сходках и в собраниях.

Хуже было горожанам. Поэтому, чтобы хоть как-то прокормиться они стали обрабатывать землю и выращивать сельскохозяйственную продукцию.

Все белорусы страдали от голода, холода и болезней. Особенно тяжело было старикам и детям. К тому же ситуацию в оккупированной губернии усложняла явная нехватка мужских рабочих рук.

За короткое время белорусские земли были опустошены и разорены немецкими захватчиками, но беженцы с этих земель спаслись.

Количество беженцев в Калужской губернии теперь стало сравнимым с населением самой Калуги или всех вместе взятых уездных городов губернии.

А по удельному весу количества беженцев от общего числа жителей Калужская губерния уступила только Московской губернии.

Однако теперь, после успехов на фронте и освобождения ряда западных земель, наконец, забрезжила возможность возвращения беженцев на родину.

Поэтому Гродненский губернатор Александр Николаевич Крейтон открыл в Петрограде Гродненское отделение Татьянинского и Елизаветинского комитетов, приступив к составлению плана возвращения на родину эвакуированных учреждений.

И ещё в июле, в связи с предстоящим возвращением беженцев на родину, он представил правительству план организации вещевых и продовольственных складов для Гродненской губернии.

А в сентябре того же 1916 года он представил план мероприятий по оказанию помощи населению Гродненской губернии по возвращении на прежние места проживания.

А в конце октября 1916 года Пётр Васильевич Кочет получил от старшего брата Парфения письмо, посланное почему-то из Серпухова.

В письме Парфений сообщал, что окончательно разругался с обидевшим его начальством, уволился и переехал из Калуги в Серпухов, устроившись на другую работу, которая его, отставного унтер-офицера, больше устраивала и была по рангу даже выше.

Он сообщал, что здесь, в Серпухове, он нашёл для Петра отличные варианты трудоустройства, как столяра высшей квалификации.

А самым лучшим, по его мнению, был вариант работы столяром-модельщиком на Серпуховском литейном заводе, так как при этом варианте ему с семьёй будет предоставлено жильё в рабочей казарме.

Он предлагал Петру срочно переезжать в Серпухов и устраиваться на этот завод, так как при этом варианте его сыновей можно будет пристроить на дальнейшую школьную учёбу.

А в качестве конкретного шага Парфений предлагал брату послать письмом ему заявление с просьбой принять на работу и автобиографию с указанием мест прежних работ и своих умений и квалификаций.

И Пётр Васильевич серьёзно задумался.

Доводы брата были весьма убедительны. Да и он сам не видел здесь в Космыново сколь-нибудь для себя и семьи реальных перспектив. Оставалось надеяться лишь на окончание войны и возвращение домой.

Но война затянулась и перспективы размылись. И Пётр Васильевич решил обсудить ситуацию сначала с женой Гликерией.

– *«Глаша, ты прачытала лист Парфения?»* – начал он риторическим вопросом.

– «Так, Пеця... и цалкам (полностью) з им згодная (согласна)! Што гэта в нас цяпер (сейчас) за жыццё (жизнь)? Мы усё раўна жывем тут як чужыя. Заробкав толкам-то и няма, и дзяцей нарадзіць баімся!» – ответила ему сразу же возбудившаяся жена.

– «Ды (да) вжо (уж)! – согласился Пётр – пагавару аб гэтым з сынка!».

Вечером Пётр Васильевич собрал за столом всю семью.

– «Бора и Пеця, я думаю, хопіць (хватит) нам ля (у) землі сядзець (сидеть), фактычна (фактически) батрачыць. Ды (да) и зямля не свая, не наша, не родная. Правов (прав) брат Парфеній. Пара нам усім (всем) у горад падавацца. Я платніцкі и сталярнае майстэрства добра ведаю – як-небудзь там, ды и владкуюся (устраюсь)!» – неожиданно для сыновей начал настоящий крестьянин Пётр Васильевич.

Сыновья удивлённо переглянулись. По радостному выражению Петиного лица Борис понял, что младший полностью согласен с неожиданной отцовской идеей.

Но сам он поначалу принял предложение отца скептически. С малых лет полюбивший лес, он никак не мог пойти на расставание с ним.

– «Пап, а я не хочу в город, мне и здесь хорошо! Я лес люблю!» – возразил, было, он.

– «Бора, ну, які ж (какой же) тут (здесь) лес?! Ци то (то ли) справа (дело) в (у) нас раней (раньше) быв (был)!» – не согласился с последним доводом старшего сына Пётр Васильевич.

– «К тому же далеко от дома. До настоящего леса ещё топать и топать, или на кобыле ехать!» – добавил аргументов в свою пользу и младший Петя.

– «Так и наш лес был тоже далече!» – попытался было отбиться и от этого довода Борис.

– «А на што табе здався гэты лес? Табе и Пеци вучыцца трэба, пакуль маладыя! Хочаш, хоць на лесніка, ці яццэ на якой-небудзь лясной вучонага можаш у горадзе вывучыцца!» – весьма смело предположил отец, пытаясь убедить упёршегося сына.

– «Хоть на ... лешего!» – засмеялся младший Пётр.

– «Да ну вас ... к лешему!» – чуть обиделся такой дружной оппозиции к себе Борис.

– «Так ты падумай добра (хорошенько), астатнія (остальные) усе згодныя (согласны). Вернёмся да гэтай размовы пазней» – заключил отец.

Но уже поздним вечером Борис подошёл к отцу и дал своё согласие на переезд в Серпухов.

На следующий день Пётр Васильевич ходил чуть взволнованный и, собравшись с мыслями, сел за письмо брату в Серпухов.

– «Пеця, а ты схаdzi да пану и напроси ад яго ... прашэнне. Ну, хай ён напиша, што ты вмееш рабіць и што ты добры майстар!» – предложила Гликерия.

– «Так, ну-у... яму не да мяне...» – поначалу возразил Пётр Васильевич.

– «А ты паспрабуй! Ты ж сам любішь казаць, што пад ляжачы камень вада не цячэ!» – не унималась Гликерия.

В конце концов, Пётр Васильевич согласился с настойчивой женой и поехал в деревню Алнеры к их помещику Сергею Ивановичу Козлянинову.

Дорога в его имение, располагавшееся в вотчинной деревне Алнеры, была долгой – больше тридцати вёрст. Но Пётр Васильевич Кочет ехал в повозке, запряжённой резвым молодым жеребцом. Так что по лёгкому морозцу и чуть подмёрзшей дороге до цели он добрался довольно быстро.

У въезда в имение его встретил давно знакомый ему по прошлым посещениям дворовый Егор, который, доложив барину, проводил желанного гостя в дом.

– «Ну, что, Василич, по-прежнему столярничаете? Барин всё тебя добрым словом вспоминает! Да и барыня, Екатерина Николаевна, похоже... по тебе скучает?!» – со слегка ехидной улыбочкой спросил он Кочета.

А тот чуть было ли распетушился, заметно покраснев от этих слов.

– «*Так, ну, цябе!*» – отмахнулся он смущённо.

Пётр Васильевич хорошо помнил, как эта великовозрастная незамужняя дочь Николая Сергеевича, внешне чем-то похожая на первую жену Кочета – Ксению, увидев его, крестьянина, за столярным ремеслом, не смогла просто пройти мимо и долго любовалась, как ловкие и сильные руки красивого, крупного и зрелого мужчины буквально ласкали в работе различные деревянные, шедшие на изготовление мебели.

На удивление Петра барин встретил своего знатного столяра весьма приветливо.

А выслушав просьбу, сразу дал своё согласие:

– «*Да, Петро, сейчас как никогда России нужен мастеровитый люд! В твоей ситуации я одобряю твой выбор стать рабочим! Я уверен, что ты станешь знатным модельщиком и много сделаешь для усиления обороны матушки России. Успехов тебе и твоей семье!*».

И тут же он стал писать характеристику на Петра Васильевича, периодически задавая тому уточняющие вопросы.

Закончив, он передал бумагу просителю со словами:

– *Хоть характеристика и получилась длинной и весьма пространной, но она явно положительная. И тебя точно возьмут на эту работу».*

– «*Точно, точно. Возьмут непременно!*» – радостно добавила и его дочь, с весьма приветливой улыбкой неожиданно вошедшая в кабинет отца.

Растроганный Пётр Васильевич не знал, как ему и благодарить барина.

Радостный и окрыленный высокой оценкой своей личности прилетел он домой, показывая Гликерии:

– «*Вось, глядзи, дав! Ты мела (была) рацыю (права).*».

Гликерия, улыбаясь, прочитала бумагу и аккуратно сложила её вчетверо для упаковки в конверт.

– «*Вось, Пеця, ты завсёды да усих людзей з дабром и дапамогай, усё робишь им якасна (качественно) и акуратна, и яны табе таксама (также) дабром аллацили (отплатили)!»* – подвела итог Гликерия Сидоровна.

Они вместе ещё раз проверили наличие необходимых бумаг – письма к брату с согласием, заявления, автобиографии и характеристики от барина, и аккуратно запечатали их в один из подаренных ранее Парфением конверт.

В томительном ожидании прошли почти три недели. Началась зима.

Но вот долгожданный ответ был получен. За чтением, как никогда долгожданного письма из Серпухова, собралась вся семья.

Из письма Парфения Васильевича все поняли, что Пётр Васильевич принят на работу столяром-модельщиком на Серпуховской литейный завод, но с испытательным сроком, после успешного прохождения которого, его семье будет предоставлено постоянное жильё в рабочей казарме.

Причём брат просил Петра выезжать всей семьёй немедленно, так как уже договорился о временном размещении его семьи в пока пустующей комнате одного из барачков для чернорабочих.

А местом их встречи по пути в Серпухов он назначил свой прежний калужский адрес.

И снова начались семейные сборы в дорогу. Но теперь всё было гораздо проще. С собой брали только одежду, постельное бельё, посуду и продукты. Всю мебель, в основном чужую, оставляли в доме.

На всякий случай Пётр Васильевич прихватил с собой и кое-что из своего любимого инструмента.

Простились с, приютившим их больше чем на год, домом и отправились в путь.

До ближайшей железнодорожной станции Мещевск их вызвался подвезти на двух санях один из местных крестьян Степан с сыном Иваном.

Со Степаном у Петра Васильевича сразу сложились весьма дружеские отношения. Поначалу их сблизило происхождение рода Степана тоже из Западной Беларуси, а потом эти двое работящих и мастеровых крестьянина сдружились и по совместной работе.

По новой дальней дороге братьев Кочет теперь всё больше охватывало необыкновенное волнение перед ожидавшим их новым, неизведанным и наверно интересным. Ведь впереди их ждала неведомая для них ранее жизнь в городе.

И вся семья Кочетов теперь искренне надеялась, что их страдания, связанные с эвакуацией и жизнью на фактически чужой для них земле, закончились.

Глава 4

Серпухов (декабрь 1916 – март 1918 гг.)

Пока Кочеты утром собрались, выехали не рано, когда уже рассветало.

Теперь, от ставшей чужой деревни Космыново, пара саней с семьёй Петра Васильевича Кочета двинулась не на восток, откуда они прибыли в конце лета прошлого года, а сначала на юг в сторону деревни Борисново.

Степан хорошо знал эту дорогу, ведущую далее на юго-восток к деревне Слаутино и затем восточнее по пойме реки Ольшанка через деревни Пищево и Басово к железнодорожной станции Мещевск, открытой ещё в 1899 году.

Его сын Иван с братьями Кочет сели во вторые сани. Втроём, им молодым, было веселей. Но когда уже накатанная зимняя дорога стала хорошо видимой и узнаваемой, они обогнали скользившие впереди сани с родителями.

– *«Эй, папаня, посторонись и догоняй!»* – лишь успел выкрикнуть Иван, при обгоне на повороте чуть не уронив на снег укрывавший ноги ковёр.

Дорогу в почти тридцать пять километров преодолели пополудни.

Степан остановился у дома своего давнего знакомого – путевого обходчика Кирилыча, который всё знал о железной дороге, поездах и, главное, о расписании их движения, сразу обрушившись на него:

– *«Кирилыч, здорово! Принимай временных гостей! Это мой, считай земляк с семьёй. Их надо посадить на поезд до Калуги».*

– *«Здорово, Степан, здорово! Давненько ты ко мне не заезжал, давненько! О-о! И Ваня с тобой!»* – похлопал он по плечу паренька – *«А чего ж не посадить? Посадим! Только вот не все поезда здесь останавливаются – взглянул он на Петра Васильевича, тут же переводя взгляд на Гликерию – Вы, как будете? Обедать или нет? Если нет, то на ваше счастье скоро как раз поезд придёт. А если на него не успеете, то их сегодня больше не будет и придётся заночевать. Но у нас с этим не просто. Так что решайте!».*

И все Кочеты, не сговариваясь, решили садиться на ближайший поезд.

– *«А когда поезд придёт-то?»* – задал вопрос самый младший из них.

– *«Так часа ... через полтора, а может и раньше. Ну, пошли покупать билеты!»* – заулыбался довольный Кирилыч.

– *«Так могли бы и пообедать успеть!»* – лишь пробурчал недовольный Борис.

– *«Ничога, у цягнику (поезде) надсилкуемся (подкрепимся) – успокоил его отец – только (лишь) б сесци (сесть) ув яго!».*

– *«Зато дó ветру успеем сходить!»* – засмеялся Петя.

Разгрузившись, покормив лошадей сеном из саней, и попоив их водой, разбавленной кипятком от Кирилыча, Степан с Иваном попрощались с Кочетами:

– *«Ну, дóбре, братки! Счастливого вам пути!».*

– *«Спасибо вам, прощайте! А вы ещё затемно успеете до дома добраться!»* – громче всех и за всех распрощалась с ними Гликерия Сидоровна.

Взяв деньги, Кирилыч показал Кочетам, где им занять места у рельсов.

– *«Поезд будет стоять недолго, так что вещи приготовьте и быстро залезайте в вагон! Я вам больше не нужен»* – простился он.

Пока кто-нибудь из Кочетов дежурил у вещей, остальные грелись в небольшом помещении станции.

Но поезда ждали недолго. Вскоре под звуки гудка сначала увидели дым, а потом и приближающийся паровоз.

Остановка действительно оказалась короткой. Но все Кочеты с вещами успели залезть на подножку, а потом и спокойно разместиться в почти полностью заполненном пассажирами вагоне, среди которых оказались и такие же, как они, беженцы. По дороге невольно разговорились, обменявшись своими знаниями и последними новостями. Оказывается, всех этих беженцев везли уже в Московскую губернию.

– *«Добра вам – адразу ув Маскоувскую губерню. Мы вась таксама туды едем, але праз (спустя) поуvtара года!?»* – чуть завистливо резюмировал Пётр Васильевич.

По пути их поезд несколько раз останавливался. Особенно длительной была остановка в Бабынино, на которой из поезда выгрузили много раненых для отправки на подводах в местный госпиталь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.